

С511

Рецензенты:

доктор исторических наук, зав. кафедрой источниковедения
отечественной истории исторического факультетаМосковского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
профессор *А. Г. Голиков*;доктор исторических наук, зав. кафедрой истории мировых цивилизаций
Московского городского педагогического университета,
профессор *Е.И.Хаванов*

Смоленский Н. И.

С 511 Теория и методология истории : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. И. Смоленский. — 2-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с. ISBN 978-5-7695-5045-4

В учебном пособии анализируются теоретические проблемы истории как науки: проблемы истории как целого, исторической необходимости, динамики исторического развития, детерминизма в истории, принципа историзма и др. Рассматриваются методы исторического исследования.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть полезно аспирантам исторических факультетов университетов, а также всем, кто интересуется проблемами истории.

УДК 93/99(075.8)
ББК 63я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Смоленский Н.И., 2007

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2007

ISBN 978-5-7695-5045-4

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2007

Проблематика и содержание курса «Теория и методология истории» представлены следующими основными понятиями: «теория», «методология», «философия истории», «онтология», «гносеология».

Теория истории — область общих представлений об истории в целом (общеисторическая теория) либо о тех или иных процессах и явлениях (марковская теория, теория манора, норманнская теория и т.д.). В любом случае теория истории — это высший, самый развитый уровень исторического познания, а не уровень конкретно-исторических представлений о событиях. В теории речь идет об общих проблемах изучения истории как реальности (онтология) и истории как познания (гносеология).

Методология истории (от греч. *methodos* — способ, путь познания и *logos* — слово) — дисциплина, раздел исторической науки о методах познания. Метод — это средство исторического исследования. С помощью методов историк получает новое знание или уточняет существующие представления о событиях. Таков изначальный смысл понятия «методология», который оно приобретало в практике исторического исследования в первой половине XIX в. Этот термин впервые был использован в трудах немецких историков для обозначения учения о методах (*Methodenlehre*) и как название учебной дисциплины в университетском расписании.

В настоящее время понятие «методология» употребляется не только в этом изначальном смысле, но и для обозначения теоретических основ исторического познания в целом, всей его проблематики теоретического характера. В российской историографии впервые термин «методология» появился в научных исследованиях и в практике университетского преподавания в конце XIX — начале XX в. Составной частью методологии в таком ее понимании является *философия истории*. Первым этот термин употребил представитель французского Просвещения Вольтер (1694—1778)¹. Как и современные ему ученые, он подразумевал под философи-

¹ *Гобозов И. А.* Введение в философию истории. — М., 1993; *Семенов Ю. И.* Секреты Клио: сжатое введение в философию истории. — М., 1996; *Он же.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. — М., 2003.

ей истории совокупность теоретических проблем истории как действительности, хотя, конечно, и набор этих проблем и их истолкование в обоих случаях существенно разнятся.

Одним словом, методология истории является теоретическим выражением практики конкретно-исторического исследования в виде методов, принципов, научных исторических понятий и т.д. Обобщая практику исследовательской работы историка, методология дает возможность осмысленно относиться к познанию, вырабатывать и сознательно применять приемы, процедуры, способы, теоретические принципы анализа общих и частных конкретно-исторических проблем. Методология не содержит в готовом виде ответ на любую из таких проблем, но она учит их решать, является его основой.

Развитие исторического познания стало и развитием его методологических основ. В исторической науке нет какого-либо единственного варианта методологии, с изменением ее состояния происходит и изменение методологических позиций. Развитие исторического познания способствовало тому, что отношение к методологии в целом, к тем или иным ее сторонам и проблемам становилось все более осознанным и выраженным, все более развитым теоретически. Формирование школ и направлений в исторической науке различается и по методологическим позициям историков как исходным теоретическим основам их мышления и по позициям конкретно-исторического анализа. Главной движущей силой развития и смены как методологических позиций историков, как и исторического познания в целом, является развитие самой истории; без учета этого фактора невозможно понять что-либо в области методологии. Влияние жизни, общественной практики на развитие методологии неустранимо. Поэтому при развитии и смене методологических позиций историков всегда имеют место как преемственность, так и одновременно разрыв с прежними представлениями. Это подтверждается сравнением таких столь разных направлений в историографии и соответствующих им исходных методологических позиций, как гуманистическая, просветительская, позитивистская, марксистская, неокантианская и т.д.

Таким образом, единой методологии историческая наука не знает. Теоретическая позиция историка — это в значительной мере дело его выбора или самостоятельной творческой разработки, хотя и то и другое вовсе не произвольно, а зависит от современного уровня знаний, в конечном счете от характера окружающей его общественной среды.

Может ли почтенный возраст истории как дисциплины служить свидетельством такой же древности. На самом деле это далеко не так. Возраст методологии не идет ни в какое сравнение с возрастом самой исторической науки, колыбелью которой яв-

ляется Древняя Греция. Любая наука начинается не с методологии, а с накопления фактического материала, который с развитием знания становится основой для определения методологических проблем. Зрелость науки и уровень постановки и решения методологических проблем взаимосвязаны, хотя некоторые из них, например проблема динамики исторического развития (теория цикличности), проблема объективности познания (Фукидид, ок. 460—400 гг. до н.э.), были определены именно на заре исторической науки. Однако методология как теоретическая и учебная дисциплина появилась лишь в XIX в. — ранее всего в Германии.

Первые шаги в этом направлении были сделаны профессором Геттингенского университета Г. Г. Гервинусом (1805—1871), который в 1837 г. издал свои лекции¹. Ключевое значение для ученого имела идея статуса истории как науки. Г. Г. Гервинус выразил его в понятии «историческое искусство». Природа исторического познания по его способам и средствам представлялась ученому искусством. Но дело не только в близости исторического и художественного способов отображения действительности. Для Г. Г. Гервинуса ключевое значение имел вопрос о сходстве труда историка и философа. Фантазия, рассудок и способность наблюдать, по его мнению, не существуют отдельно друг от друга. Рассматривая жанр историописания как синтетический в указанном смысле, ученый выделял следующие этапы его развития: хроника как первая степень исторического предания — основа всей последующей историографии; мемуары, рассматривающие предмет с определенной точки зрения; прагматическая история, в которой автор пытается психологически объяснить события и выводить их из человеческих мотивов.

На философию истории Г. Г. Гервинус возлагал мало надежд, так как, по его мнению, даже И. Кант и И. Г. Гердер не усвоили самых простых правил историописания. Ученый считал движущими силами истории исторические идеи, а их носителями — великих личностей. Происхождение этих идей остается для него тайной, они обнаруживаются историком в событиях и являются средством, с помощью которого рассматривается весь мир событий в их взаимосвязи.

Г. Г. Гервинус требовал от историка истины, подразумевающей беспристрастие, хотя оно не тождественно безучастности. По мнению ученого, историк должен быть естественным поборником прогресса и свободы. Эти и некоторые другие теоретические представления об истории как действительности и истории как науке Г. Г. Гервинус обозначал термином *Historik*, который в русско-языч-

¹ Гервинус Г. Г. Автобиография / пер. Э. Циммермана. — М., 1895.

ном издании его работы переведен как «историография». В действительности этот термин по своему содержанию является синонимом понятия «методология» (*Methodologie, Methodenlehre*), которым Г. Г. Гервинус не пользовался, хотя оно уже входило в лексикон историков в качестве обозначения осознанной постановки теоретических проблем, а также в связи с включением этих проблем в университетское обучение¹. Лекции Г. Г. Гервинуса являются одной из самых первых попыток постановки этих проблем.

Понятие *Historik* — «историка» — не было изъято из словаря науки и вошло в название других, более поздних курсов лекций. К ним следует отнести прежде всего курс лекций профессора Берлинского университета И. Г. Дройзена (1808—1884). В опубликованном варианте этот курс называется «Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории»². Очевидно, что И. Г. Дройзен решил подробно изложить свои взгляды на предмет и задачи методологии истории в связи со своей преподавательской деятельностью. Его лекции — первая в исторической науке по-настоящему значительная попытка изложения методологических проблем. Они воспринимаются как аргументированный научный труд, опирающийся на различные варианты представлений о методологии (позитивизм, Гейдельбергская школа, Л. Ранке и т. д.) и отличающийся четкой позицией автора. Гносеологические проблемы являются для И. Г. Дройзена едва ли не главными, в этой области ученый опередил свое время и предвосхитил современные варианты гносеологии, суть которых состоит в перенесении внимания историка с объекта на субъект. Содержание лекций И. Г. Дройзена также включает в себя ряд методологических проблем истории как реальности: проблему движущих сил истории, ее динамики и цели; проблему исторической необходимости и законов истории, роли в ней государства и личности и др.

В конце XIX в. во французской историографии появилась работа, ставшая надолго настольной книгой по методологии для французских историков. Ее авторы, Ш.-В. Лангла (1863—1922) и Ш. Сеньобос (1854—1942), представили свое понимание истории как науки и ее функций и задач. Стержнем их методологических взглядов было обоснование самостоятельного научного статуса истории по сравнению с искусством, с одной стороны, и естествознанием — с другой. Научность историографии обеспечивается применением присущего только ей исторического метода, поскольку он соответствует природе изучаемых явлений. С помощью метода историк устанавливает достоверность фактов, определяет их

¹ Гервинус Г. Г. Автобиография / пер. Э. Циммермана. — М., 1895. — С. 299.

² См.: Droysen Y. G. Historik. Vorlesungen über Enzyklopadie und Methodologie der Geschichte / Hrsg. v. R. Hubner. — München und Berlin, 1943.

научную значимость и проводит их классификацию. Ш.-В. Лангла и Ш. Сеньобос делали свои гносеологические выводы исходя из того, что историк имеет дело не с реальностью как таковой, а с формами ее восприятия¹. Отсюда следовало, что факты субъективны, а историческими они становятся только в силу познания их историком. И тем не менее это еще не являлось разновидностью более позднего тезиса об историке как творце фактов. «Нет основания думать, — писал Ш. Сеньобос, — что различные наблюдения (над фактами. — Н. С), которые не имеют никакой связи с действительностью, будут схожи между собой»². То, что столь кратко выразил Ш. Сеньобос, было важно в конце XIX в. и имеет фундаментальное значение сегодня: объективная историческая реальность является важнейшей предпосылкой формирования рационального варианта гносеологии. Это лишь частный случай того, как прошлое методологии дает ориентир поиска современного уровня решения методологических проблем в связи с практикой конкретно-исторического исследования и преподавания в вузе.

В последней трети XIX в. заметно возрос интерес к проблемам методологии в отечественной историографии. Одним из первых российских историков, обратившихся к их изучению, был Н. И. Кареев (1850—1931)³; его работы были посвящены проблемам философии истории⁴. В начале XX в. чтение методологических курсов лекций в университетах и других учебных заведениях Москвы, Петербурга, Казани и некоторых других городов становится распространенным явлением. В 1907 г. Н. И. Кареев начал читать курс лекций по общей теории исторической науки на Высших женских курсах в Петербурге. Суть его взглядов выражена в структуре курса, состоящего из двух частей: теории исторического знания и теории исторического процесса. Это различие вполне рационально, поскольку вопросы о том, как познается прошлое, и вопросы относительно того, как совершается то, что познается, — разные вещи⁴. Для обозначения проблем теории исторического знания Н. И. Кареев пользовался заимствованным у немецких ученых термином «историка», а для обозначения проблем теории исторического процесса — термином «историология».

Вот некоторые проблемы общей теории исторической науки в целом: история как наука и ее предмет, виды источников и способы их критики, обобщение и факт в науке, сравнительно-исто-

¹ См.: Лангла Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с франц. А. Серебряковой. — С-Пб., 1899; Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам / пер. с франц.; под ред. П. С. Когана. — М., 1902.

² Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам / пер. с франц.; под ред. П. С. Когана. — М., 1902. — С. 69.

³ См.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории : в 3 т. — М. 1883-1890.

⁴ См.: Кареев Н. И. Теория исторического знания. — СПб., 1913.

рический метод, проблема историзма, проблема теории в исторической науке, исторический объективизм, термины и понятия в работе историка (проблемы раздела «историка»). Теория исторического процесса, законосообразность в истории, факторы исторического процесса (географическая среда, культура, раса и т.д.), личность в истории, идея прогресса — это из области историологии¹. Эти проблемы и сегодня являются составной частью структуры методологии истории как области исследования и учебной дисциплины.

В 1909/1910 учебном году курс лекций по методологии истории студентам Петербургского университета читал профессор А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919). Его лекции были изданы в качестве учебного пособия в двух томах. Методология истории, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, состоит из двух частей: теории исторического знания и методов исторического исследования. Главная задача методологии — определить теоретические основы исторической науки; производная задача — создать учение о тех методах, которыми пользуется историк в ходе конкретного анализа². Под методами А. С. Лаппо-Данилевский понимал способы критического анализа содержания источников с целью постижения смысла передаваемой ими информации и выявления степени ее достоверности³. В этом заключается одно из отступлений ученого от сложившейся в науке традиции, согласно которой критический анализ текста источника является задачей методики исторического исследования, тогда как под методом понимаются способы, приемы объяснения тех или иных явлений.

В 1912/1913 учебном году в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах лекции по методологии и философии истории читал профессор М. М.Хвостов (1872—1920). Курс состоял из трех частей: теории истории, методологии истории и философии истории. Под методологией истории М.М.Хвостов понимал учение о приемах исторического мышления. По его мнению, методология представляет собой часть логики. Она дает критерии для проверки научной ценности выводов историка⁴. В этом разделе курса М.М.Хвостов анализировал этапы исторического исследования, роль вспомогательных исторических дисциплин, отчасти методы познания и другие вопросы. Теоретические проблемы исторического процесса составляют в основном содержание раздела курса, посвященного теории истории. Сюда относят-

¹ См.: *Кареев Н.И.* Историология (теория исторического процесса). — Пг., 1915.

² См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории : в 2 ч. — СПб., 1910. — Ч. 1.

³ Там же. — СПб., 1913. - Ч. 2.

⁴ См.: *Хвостов М.М.* Лекции по методологии и философии истории. — Казань, 1913.

ся, в частности, проблемы причинно-следственных связей в истории, обобщения в познании и роли в нем общих понятий, факторов исторического процесса (природа, демография, экономика и т.д.), роли личности в истории. Раздел «Философия истории» является, в сущности, продолжением анализа изложенной проблематики. Под философией истории М.М.Хвостов понимает более узкую область мышления, в частности: исследование роли субъективного фактора в истории и динамики исторического развития (идея прогресса) и др.

Курсы лекций по методологическим проблемам исторической науки в высших учебных заведениях России начала XX в. опирались на теоретические исследования историков. Сопоставление содержания и проблематики приведенных вариантов курса методологии истории показывает как сходство, так и заметные различия в его структуре в каждом случае. То и другое дает материал для обоснования наиболее рационального варианта данной учебной дисциплины сегодня с учетом опыта ее постановки в российской историографии рассматриваемого периода.

В советской историографии сложилась отличная от дореволюционной историографии ситуация как с изучением методологических проблем, так и с их преподаванием в вузах. Выражение «методология истории» не использовалось, дисциплины под таким названием в вузовском учебном расписании не значилось, хотя какого-либо прямого запрета на них не было. Это объяснялось тем, что в советское время основой научных исследований и образования была марксистско-ленинская теория. Она служила государственной идеологией, господство которой в обществе было всеобщим и неограниченным. В этой ситуации понятие «методология истории» могло быть лишь синонимом материалистического понимания истории, следовательно, терминологически оно выглядело как ненужное, излишнее. Это так или иначе отдаляло историков с их потребностью в осмыслении не только конкретно-исторических, но и теоретических проблем от области методологии познания. В чисто исследовательском плане советские историки сравнительно редко обращались к частным или общим проблемам методологического характера; специалистами в этой области выступали скорее профессиональные философы, чем историки. У значительной части историков интерес к методологическим проблемам был выражен слабо. Конечно, это имело определенные отрицательные последствия для развития конкретно-исторических исследований.

Однако были и исключения. В середине 60-х гг. XX в. в Томском университете под руководством его ректора А. И.Данилова (1916—1980) были развернуты исследования по историографии с выходом на методологическую проблематику. В 1964 г. был издан первый выпуск сборника научных трудов «Методологические и исто-

риографические вопросы исторической науки», положивший начало серии этих изданий. А.И.Данилов занимался преподаванием ежегодных спецкурсов по методологической проблематике, что до сих пор остается компетенцией кафедры.

Отдавая дань времени, он неоднократно подчеркивал, что у советского историка может быть только одна методология — материалистическая теория. Он глубоко и искренне верил в ее научность. Однако А.И.Данилов подчеркивал не только необходимость, но и возможность развития и обогащения этой теории. По мнению историка, материалистическая теория не освобождает историков от обязанности заниматься методологией своей науки, а напротив, требует разработки ее теоретических проблем силами и средствами именно этой науки, а не философского мышления и познания. Тезис о методологии как теоретическом выражении практики конкретно-исторического исследования сохраняет свое научное значение и сегодня.

Постановка вопроса о необходимости изучения методологических проблем основывалась на представлении А.И.Данилова о том, что материалистическая теория по-разному применяется в различных науках об обществе, так как зависит от их предмета. Таким образом, под методологией он понимал теоретическое выражение практики конкретно-исторического исследования, ее нужд и проблем. В этом смысле методологическим значением, т.е. способностью выполнять познавательную функцию, быть средством получения нового исторического знания, обладают все теоретически сформированные результаты исследовательской работы историка — понятия, обобщения, принципы, теории, методы.

Что же касается конкретного содержания курса лекций А.И.Данилова по методологии, то один из первоначальных вариантов программы данного предмета включает в себя следующие разделы: I. Общая характеристика исторической науки и историографии как ее части; II. Историческое познание; III. Принцип историзма; IV. Исторический факт и исторический источник; V. Главные этапы исторического познания. Один из последних вариантов этих лекций имел такую структуру: I. Предмет и задачи методологии исторического исследования; II. История как наука; III. Объективность и партийность в историческом познании; IV. Принцип историзма; V. Исторический факт и исторический источник¹.

В 70-е гг. XX в. старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР профессор Н.А.Ерофеев читал курс лек-

¹ См.: *Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И.* Александр Иванович Данилов (1916—1980) // Новая и новейшая история. — 2001. — № 2; *Могильницкий Б.Г.* Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. — 2003. — № 6.

ций, посвященный характеристике истории как науки, студентам и аспирантам исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Этот курс был издан под названием «Что такое история». Н.А.Ерофеев проследил процесс становления истории от мифа до науки об обществе. Венцом развития истории ученый считал марксистскую историографию, хотя и не утверждал, что обретение историей статуса науки связано только с марксизмом. Н.А.Ерофеев рассматривал роль различных направлений исторической мысли в формировании научной истории и связывал этот процесс с разработкой точных критических методов изучения источников. Он анализировал расширение и углубление представлений о движущих силах развития истории, ее динамике и т.д. Что же касается этапа, связанного с марксизмом, то, по мнению ученого, «...в марксистской историографии наиболее полно и последовательно осуществлены научные принципы...»¹.

Затем Н.А.Ерофеев показал развитие и накопление исторических знаний в связи с определением предмета и объекта исторической науки, дифференциации и специализации в области исторического знания и возникновением новых дисциплин — палеографии, геральдики, исторической географии, ономастики и т.д.

Далее ученый обосновал ряд особенностей исторического познания его предметом, исторической реальностью, базовым звеном которой является исторический факт. Н.А.Ерофеев рассмотрел соотношение исторического факта и обобщения (закона), специфику исторического познания по сравнению с естественнонаучным, показал связь познания прошлого с интересами и потребностями современного историка общества. Ученый подошел к анализу одной из самых трудных проблем историка — проблеме объективности и коснулся вопроса способов (методов) достижения объективности, в том числе количественных методов.

Лекционный курс Н.А.Ерофеева заканчивался анализом социальной функции исторической науки, в связи с чем кратко освещалась тема воспитания на материале прошлого. Воспитательную функцию исторического знания ученый не отделял от требования его строгой научности и отстаивал необходимость различения художественного и научного способов отображения действительности.

С середины 70-х гг. XX в. на историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова курс лекций «Методологические проблемы исторического познания» читал академик И.Д.Ковальченко (1923—1995). Многолетняя работа ученого над методологическими проблемами и их преподаванием нашла воплощение в капитальной исследовательской работе², в которой дается всесторонняя харак-

¹ *Ерофеев Н.А.* Что такое история. — М., 1976. — С. 27.

² *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. — М., 1987.

теристика исторического познания, а также общенаучных и специальных методов исторического исследования; анализируются количественные методы в работе историка. Основой изучения совокупности рассматриваемых проблем для И.Д. Ковальченко служил тезис о решающем значении в исследованиях историка теории и методологии. По его мнению, конкретным средством, которое реализует потенциал теории и методологии, являются методы научного исследования. Теория, согласно И. Д. Ковальченко, — основа, а методология (в сочетании с логикой) — средство для выработки методов.

Одним из последних изданий советского периода по методологии истории было учебное пособие профессора Б. Г. Могильницкого (р. 1929), читавшего курс лекций по методологии истории в Томском университете¹. Основные проблемы курса: предмет истории как науки, законы истории, объективность исторического познания, соотношение исторической науки и современной историки среды, социальные функции исторической науки — Б. Г. Могильницкий трактовал проблемы с марксистской позиции.

В 90-е гг. XX в. в содержании российского исторического образования произошли принципиальные перемены, связанные с изменением общественного строя. Прежде всего произошел отказ от марксистской парадигмы как единственной теоретической основы понимания истории и практики ее обучения, что не означало отказа от опоры на теорию и методологию. Изучение истории и ее преподавание стоят перед необходимостью разработки современных рациональных теоретических основ для реализации разнообразных исследовательских и обучающих задач. Государственные образовательные стандарты высшего исторического образования включают дисциплину теоретического характера, которая в стандарте 1994 г. называлась «Основы философии истории», а в действующем стандарте 2000 г. — «Теория и методология истории»². Эта дисциплина входит в учебные планы исторических факультетов университетов.

Учебно-методическая литература, появившаяся в последнее десятилетие, ограничивается несколькими изданиями³. Выдержанные в духе теоретического плюрализма, т. е. имеющие различные теоретические подходы к истолкованию целого ряда проблем, эти издания преследуют двоякую цель — дать представление об исто-

¹ Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. — М., 1989.

² См.: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. — М., 1994.

³ См.: Рябов В.В., Хаванов Е.И. История и общество. — М., 1999; Брандт М.Ю., Ляшенко Л. М. Введение в историю : пособие для студентов / под ред. проф. А.А.Данилова. — М., 1994; Биск И. Я. Введение в писательское мастерство историка : учеб. пособие. — М., 1996; Блосфельд Е.Г. Введение в историю : учеб. пособие. — Волгоград, 2003.

рии как науке и истории как действительности. Отстаивая научность исторического познания данных пособий, авторы выступают против взгляда на историю как синтез научного и художественного начал. Они опираются на представление об объективном характере исторической реальности в качестве предмета исторического исследования и считают одним из основных свидетельств научности историографии ее достижения в познании закономерности развития человеческого общества. Что же касается основ теоретического понимания истории, то их формирование связывается с необходимостью сочетания элементов различных теоретических подходов к ее изучению — формационного, цивилизованного и др. Аспектами теоретического мышления, по мнению авторов, также являются понятийный аппарат историка, проблемы динамики исторического развития, единства, цели и смысла истории.

В современной западной историографии в последнее время сформировались новые подходы к историческому исследованию, в том числе и к области его теоретических основ. К ним относятся постмодернизм, микроистория, история повседневности, история ментальностей, устная история, тендерная история и т.д. В той или иной степени эти подходы находят отражение в работах отечественных историков¹ как в исследовательском¹, так и в учебно-методическом плане². Основные положения названных подходов являются предметом дискуссии в зарубежной и отечественной историографии и пока являются лишь предметом усвоения в процессе обучения. В предлагаемом пособии эти подходы используются фрагментарно и связаны с обоснованием тех или иных теоретических позиций.

Дело в том, что в целом эти подходы в современной историографии уже рассмотрены, например, в работе Н.Б.Селунской³. Уход в предметную область микромира не является чем-то качественно новым по сравнению с предшествующими историческими исследованиями, обращение к микромиру способствует накоплению нового фактического знания, без чего не может быть и новых обобщений, нового уровня или вида теоретического мышления. Вместе с тем уход в частности означает отказ от теории. В этом одна из причин возникшей в западной историографии си-

¹ См.: Милое Л.В. Предисловие к кн.: Менталитет и аграрное развитие России. XIX—XX вв. — М., 1996; Реклина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998; Пушкарева Н.Л. Тендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Тендер. Культура. — М., 1999; Копосов Н.Е. О невозможности микроистории // Казус. — М., 2001 и др.

² См.: Румянцева М. Ф. Теория истории : учеб. пособие. — М., 2002.

³ Селунская Н.Б. Проблемы методологии истории : учеб. пособие. — М., 2003.

туации — «...полной методологической неопределенности, когда возможно лишь одно согласие между историками — не соглашаться»¹. Было бы странным культивировать нечто подобное в университетской аудитории; исследование и обучение объединяет поиск истины, однако с оговоркой, что обучение не может ограничиваться лишь изображением пути к ней, так как в той или иной мере предполагает наличие истины как результата исследования и предмета усвоения.

Постмодернизм выводит понятие «объект» как синоним исторической реальности за рамки структуры мышления, рассматривая в качестве такого объекта текст документа. Таким образом, проблема соответствия или несоответствия данных текста объективной реальности, в условиях которой он возник и которую отображает, объявляется несуществующей. Соответственно, об истине как цели исследования речь идет лишь в рамках определенного контекста, не являющегося строго обусловленной позицией историка. Привлекать подобные взгляды в процессе обучения целесообразно лишь для того, чтобы показать, каким не должно быть представление о механизме исторического познания.

В заключение следует упомянуть единственное в своем роде учебное издание, посвященное количественным методам в исторических исследованиях. Оно подготовлено коллективом ученых исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова². В нем изложены методологические основы применения количественных методов, охарактеризованы наиболее важные и распространенные из них, а также освещены основные направления и области их применения. Материал пособия может быть основой для дальнейшего изучения познавательных возможностей количественных методов и использоваться в целях обучения в вузах страны.

Таковы основные вехи становления и развития методологии истории как учебной дисциплины. Различия в условиях развития и уровне разработки и решения методологических проблем не исключают сходства теоретических позиций историков как в исследовательском, так и в обучающем плане. Это говорит о научности исторического познания, развитие которого не является беспорядочной, хаотической сменой взглядов, произвольно формирующихся и не связанных друг с другом. Таким образом, создается одна из основ для выявления проблематики и поисков ее решения в курсе теории и методологии истории как учебной дисциплине сегодняшнего дня. Современный уровень представлений о структуре и содержании этого курса может быть достигнут, лишь

¹ Селунская Н.Б. Проблемы методологии истории : учеб. пособие. — М., 2003. — С. 64.

² См.: Количественные методы в исторических исследованиях / под ред. чл.-корр. АН СССР И.Д. Ковальченко. — М., 1984.

если будут учитываться традиции преподавания в этой области, использоваться опыт и основные результаты исследования теоретико-методологических проблем в прошлом и на современном уровне их изучения и трактовки. Связь с современностью и новизна — важное, хотя и не единственное, условие научности этой, как и любой другой, учебной дисциплины. Однако следует помнить, что новизна должна сочетаться с требованием истины.

Предлагаемое учебное пособие состоит из трех разделов. В разделе I «История как наука» дается обоснование теоретического статуса истории как одной из областей научного познания в целом и общественного познания в частности (ее предмет и объект, соотношение с естественно-научным познанием и художественным отображением действительности, местом среди других наук об обществе, социальные функции). В разделе II «Основные методологические принципы и проблемы» рассматриваются фундаментальные теоретические проблемы истории как действительности и как процесса ее изучения. В число первых входят проблемы истории как целого, природы и основных видов детерминизма, характера исторической необходимости и роли случайности, динамики исторического развития, роли личности в истории, смысла и цели в ее развитии. Ко вторым относятся прежде всего коренная проблема гносеологии — проблема достоверности, истины, объективности результатов познания историка, а также проблемы принципа историзма, происхождения и природы исторических понятий. Раздел III «Методы исторического исследования» посвящен анализу методов исторического исследования в связи с изучением соотношения предмета и метода, познавательных возможностей методов, рациональных условий и границ их применения.

В основе содержания данного учебного пособия лежат результаты исследовательской и преподавательской работы автора в области истории, историографии и методологии истории¹.

¹ См.: Смоленский Н. И. Выступление на заседании «круглого стола» : Проблемная лекция по новой и новейшей истории в высшей школе // Новая и новейшая история. — 1984. — № 4; *Он же*. Вопросы теоретической подготовки историков в педагогических институтах. Пути совершенствования учебно-воспитательного процесса и повышения качества подготовки учителей истории: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. — Луцк, 1984; *Он же*. Выступление на совещании-семинаре по вопросам перестройки обществоведческого и исторического образования в Министерстве образования РСФСР // Новая и новейшая история. — 1991. — № 3; *Он же*. О разработке теоретических проблем исторической науки // Новая и новейшая история. — 1993. — № 3 и др.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ КАК НАУКА

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КАК НАУКИ

Колыбелью исторической науки как самостоятельной дисциплины является Древняя Греция. Слово «история» в переводе с древнегреческого означает «разведывание». У Геродота под этим термином подразумевается письменный рассказ о прошлом.

Историческое познание подразделяется на обыденное (стихийное) и научное. *Обыденное историческое познание* является уделом большого количества людей и осуществляется стихийно в различных формах (путешествие, собирание остатков старины и т.д.). *Научное историческое познание* является уделом сравнительно небольшой прослойки историков-профессионалов. Представление об истории как научной дисциплине предполагает наличие вполне определенного предмета. Часто говорят: история изучает прошлое. Это не вполне точно. Прежде всего историк изучает не только прошлое — часть историков занята изучением современных событий. Однако это не самое важное. Более существенно то, что никогда все историки в совокупности, ни тем более каждый историк в отдельности не изучали прошлое как таковое во всем его объеме. Прошлое в этом смысле никогда не было и не может быть предметом исторической науки, да это и не нужно ни отдельному историку, ни обществу в целом. Историки изучают не прошлое (или современность) во всем его объеме, а его часть, спектр, пласт. В связи с этим выделяют различные школы и направления историков. Например, в итальянской гуманистической историографии выделялось несколько школ, различавшихся своим интересом к прошлому как предмету своего исследования. Одной из таких школ была политическая историография (Н.Макиавелли, 1469—1527). Представители этой школы изучали историю государства и его политики. Просветительская историография стран Западной Европы также не отличалась всеядностью по отношению к прошлому: предметом исследований этих историков была прежде всего культура, духовная жизнь. Поэтому, например, и для историков Гейдельбергской школы в Германии XIX в., испытавшей влияние просветителей, памятники духовной жизни име-

ли первостепенное значение. В работах представителей этой школы (например, Ф.К. Шлоссера, 1776—1861) разделы о духовной жизни стояли на первом плане. В то же время большинство немецких историков XIX в. были историками политического направления, так как считали главным предметом своих исследований историю государства и его политики. В середине XIX в. появилась школа экономической истории (В.Рошер, 1817—1894). В российской историографии XVIII—XIX вв. главным предметом исследований историков оставалось государство.

Существует множество подходов к прошлому в зависимости от понимания предмета исследования — цивилизационный, социально-экономический, социально-психологический, демографический и т.д. Все это означает, что в истории как науке никогда не было и нет единого неизменного представления о ее предмете. Отсюда вытекает необходимость различия понятий «объект» (как синонима исторической реальности, ушедшей в прошлое, или современной историку среды) и «предмет» как части объекта. Их несовпадение заключено в природе исторического познания.

Возникает вопрос: в чем же причины этого несовпадения, избирательного подхода к прошлому всех школ, направлений и поколений историков? Избирательность, лежащая в основе формирования темы научной работы отдельного историка или предмета исследований школы (направления) историков, определяется не прошлым, так как оно является небытием, а современной историку средой. Однако эта среда неразрывно связана с прошлым. Опора на прошлое — обязательная для каждой конкретной эпохи предпосылка деятельности людей в условиях, в которых они находятся и которые они унаследовали от прошлого. От этих условий нельзя отказаться, как невозможно и произвольно их изменить. Конкретность этих условий порождает столь же конкретный интерес к прошлому, различный в отношении того или иного события либо процесса прошлого.

Общественный интерес к событиям прошлого, воспринимающийся историком в качестве свидетельства важности их изучения, резюмируется в понятии *актуальность*. Безусловно, в любом выборе историком темы своего исследования есть нечто личное, что никак не может быть сведено к результатам влияния окружающей среды. Однако только этим невозможно объяснить в конечном итоге характер научной деятельности историка: она во многом связана с окружающей его средой, в которую входит и состояние исторической науки. Тем более нельзя объяснить личным интересом формирование предмета исследований научной школы или направления. В российской историографии конца XIX в. появился целый ряд высококлассных исследований (П.Г.Виноградов, М.М.Ковалевский и др.) аграрных отношений Англии

XIII—XIV вв. Актуальность этой проблемы объясняется тем, что после отмены крепостного права Россия столкнулась с теми же проблемами, что и Англия в Средние века после падения крепостнических отношений. В современной российской историографии одной из актуальных проблем являются реформы П.А.Столыпина, что объясняется особенностями современной российской действительности.

Актуальность тематики исследований историка является показателем меры его гражданской позиции: общественный интерес к прошлому он воспринимает как своего рода заказ и своим трудом стремится реагировать на запросы и потребности времени. Однако актуальность не может быть критерием отнесения одних историков к числу настоящих ученых, а других — нет. Во-первых, она подразумевает не только социально-практическую, но и научную значимость результатов историка, например, связанную с разработкой методологических основ исследования, без чего социально-практическая функция исторического познания не может быть реализована должным образом. Во-вторых, актуальность тематики не является неизменной, и то, что сегодня не актуально, может стать таковым в будущем. Общество заинтересовано в расширении спектра изучения проблем прошлого, так как в этом случае социально-практические запросы времени не останутся без внимания.

Исследования, содержание которых лишено видимой связи с социально-практическими запросами времени, тоже правомерны и необходимы при условии, что они содержат новое знание об изучаемом. При всем том, что развитие исторической науки в целом обусловлено развитием самой истории, новизна результатов исследований историков не всегда и не обязательно связана с их актуальностью. Порой даже крупные научные открытия не являются ответами на запросы времени (расшифровка письменности майя Ю.В.Кнорозовым, 1922—1999), открытие берестяных грамот А.В.Арциховским (1902—1978). Равным образом в формировании предмета научных школ и направлений далеко не всегда имеют решающее значение социально-практические потребности времени, и тогда объяснение их возникновения следует искать в общем состоянии научных исследований, в роли научных методов и т.д. То, что школа академика Б.Д.Грекова (1882—1953) занималась аграрными проблемами, а школа академика М.Н.Тихомирова (1893—1965) — городской жизнью на Руси, объясняется прежде всего научной деятельностью их основателей.

Пренебрегающее требованиями и стандартами научного мышления стремление поставить прошлое на службу дня становится конъюнктурой. Актуальность отличается от конъюнктуры тем, что в первом случае по отношению к прошлому задается только вопрос, а во втором прошлое подгоняется под заранее определен-

ную, навязываемую этому прошлому форму ответа, представление о нем в угоду тем или иным веяниям окружающей историка среды, искажение смысла и сути событий прошлого становится в таком случае неизбежным.

Одним из известных примеров такой конъюнктуры является оценка в учебнике по новейшей истории А.А.Кредера событий Второй мировой войны¹. В качестве решающих переломных событий этой войны автор рассматривает не битву под Москвой, не Сталинградское и Курское сражения, а сражения при мысе Мидуэй и Эль-Аламейн. Такой пересмотр в оценке военных действий соответствует идущему с Запада стремлению умалить роль СССР в разгроме фашизма. Эта тенденция проявилась и в ходе празднования летом 2004 г. во Франции 60-летия высадки союзных войск в Нормандии и открытия второго фронта.

Не столь различимо сходство исследований, относимых к числу актуальных и характеризующихся определенным академизмом, дистанцией по отношению к острым, злободневным вопросам времени. Разница между ними состоит вовсе не в том, что первые связаны с окружающим их временем, а вторые — нет. Историческое исследование в любом случае является продуктом современной исторической среды как по его исходным позициям в качестве социального субъекта, так и по понятийному аппарату, методам исследования, теоретическим основам этого исследования в целом. Одним словом, формирование фундаментальных основ исторического познания связано с современностью безотносительно к степени актуальности изучаемых проблем.

Таким образом, влиянием современности обусловлено выбором тех или иных событий, процессов прошлого в качестве темы индивидуального исторического исследования или предмета исследований научной школы (направления) историков. Дифференцированный, избирательный подход к изучению прошлого — устойчивый признак развития исторической науки во все времена. Данный факт не исключает того, что по своему предмету история является самой фундаментальной из всех дисциплин об обществе. Другие общественные науки изучают общество с какой-то определенной его стороны — идет ли речь о философии или социологии, экономической науке или лингвистике, политологии или литературоведении. Историческая наука изучает общество в целом, и в этом отношении она сохраняет свое назначение в качестве основы всех наук об обществе. Однако развитие исторического познания с неизбежностью приводит к дифференциации, выражающейся в возникновении относительно самостоятельных дисциплин со своими предметами исследования — исторической антропологии, социальной психологии, ис-

¹ См.: *Кредер А.А.* Новейшая история 1914—1945 гг. — М., 1994.

торической географии и т.д. Одной из крайних форм этой дифференциации является так называемая «серийная история» в современной французской историографии. Ее суть — в отрицании единства исторической реальности как предмета исторической науки. Единство и целостность исторической действительности, выражающиеся во взаимосвязи всех сторон жизни людей, расчленяются на серии, уровни и т.д., о взаимосвязи, согласовании которых речи не идет¹. Раздробление истории на отдельные, обособленные друг от друга направления исследований связано с интересом ряда современных историков к изучению «истории повседневности», которая включает в свою очередь историю детства, историю питания, историю заболеваний и т.д. Такого рода исследования содержат массу деталей о тех или иных сторонах жизни людей, но эти данные оторваны от понимания жизни в целом: за деревьями не видно леса.

ГЛАВА 2. НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Историческая действительность может быть представлена в научной и художественной формах, которые различаются по своей природе и сути. Историческое познание является одной из самых фундаментальных научных дисциплин об обществе, и в этом смысле оно отличается от таких художественных форм и способов отображения жизни людей, как живопись, скульптура, музыка, художественная литература и т.д. Художественные формы различаются материалами и способами отображения, но едины по своей сути: результатом художественного отображения реальности всегда является художественный образ во всех его разновидностях. Другое вытекающее отсюда сходство всех видов искусства — их воздействие на эмоции. Природа художественного образа двойка: он представляет собой единство элементов вымысла и правды жизни. Таким образом, научное и художественное в изображении исторической действительности не могут ни отождествляться, ни противопоставляться.

Неправомерное сближение исторического познания и искусства выражается в тезисе об историческом познании как художественном жанре. Наиболее распространенной формой этого представления является отнесение исторического познания к жанру художественной литературы (исторический роман). Такого взгляда на природу исторического познания придерживался Аристотель (384—322 г. до н.э.), выдвинувший тезис об истории как разновидности риторики. В Средние века этот тезис был забыт и вытеснен представлением об истории как служанке богословия, но с переходом к новому времени данное понимание природы исторического познания вновь приобретает актуальность, хотя уже в иной, чем у Аристотеля, форме. Известные историки XIX в. разных стран отстаивали тезис об историографии как разновидности художественного жанра, и прежде всего художественной литературы. Ярким представителем этого подхода в отечественной историографии был Н.М.Карамзин (1766—1826). Его манера изображения прошлого преследовала цель «...выбрать, одушевить, раскрасить... Что не важно, то сократить... отменных людей, происшествий действительно любопытные описать живо, разительно...»¹.

См.: *Афанасьев Ю.Н.* История против эклектики. — М., 1980.

¹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Избр. соч. : в 2 т. — М., 1964. - Т. 1. - С. 415-416.

Правда, Н.М.Карамзин вполне определенно отмежевывался от позиции, отождествлявшей научную и художественную манеру по характеру изображения прошлого. По его мнению, история «не терпит вымыслов»¹ и должна изображаться «единственно в памятниках»². Отсюда следует: все то, что он подразумевал под художественной манерой изображения в работе историка — это стиль, сочетающийся, однако, с неукоснительным требованием достоверности изображаемого: «Как естественные науки, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая что есть или было, а не что могло быть»³. Наряду с этим ученый считал, что искусное изображение есть долг бытописателя. Взгляды Н.М.Карамзина — вариант наиболее реалистического сочетания достоверности изображения с художественной формой повествования: когда одно не приносит ущерб другому и когда историописание служит и формой, и содержанием.

Существовали и другие представления о соотношении научно-исторического и художественного изображения действительности. Английский историк XIX в. Т. Б. Маколей (1800—1859) рассматривал историографию в качестве средства политического и нравственного воспитания. Решающим условием реализации этой функции он считал языковую форму изложения исторического знания. Яркая художественная форма изложения, по мнению ученого, главное требование к работе историка. Что же касается достоверности сведений, то она не обязательна, детали повествования могут быть вымышлены историком⁴. Взгляды Т. Б. Маколей подрывают основы научности исторического познания и превращают его в некое подобие исторического романа; грань между художественным и научным изображением действительности стирается. Не случайно историк боролся за читательский интерес с В. Скоттом.

Проблема соотношения научно-исторического и художественного изображения действительности привлекала внимание таких историков, как О.Тьерри (1795—1856), И.Тэн (1828—1893), Т. Карлейль (1795—1881), Г.Г.Гервинус (1805—1871), Я.Буркхардт (1818—1897). Сторонниками художественной манеры изображения прошлого были В.О.Ключевский (1841—1911), А.Н.Савин (1873—1923), Е.В.Тарле (1874—1955) и др. Методологическая проблема соотношения научного и художественного способов рассказа о прошлом не потеряла своей актуальности и сегодня. Каков рациональный вариант решения этой проблемы? Исследования

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. — Т. 1. — М., 1989. — С. 17.

² Там же. — С. 20.

³ Карамзин Н.М. Предания веков. — М., 1987. — С. 36.

⁴ См.: Маколей Т. Б. Поли. собр. соч.: в 16 т. — СПб., 1860. — Т. 1.

названных и многих других историков свидетельствуют о том, что эти способы различаются по своей природе. В основе научного познания лежит применение научных исторических понятий, логических категорий, принципов и методов. Художественное отображение действительности реализуется в форме художественных образов и опирается на художественное воображение. Художественный образ может превосходить результаты научно-исторического познания мерой полноты, выразительности, точности в отображении духа эпохи, характера исторических героев, сути тех или иных событий, но это не свидетельствует о единстве природы отображения. Исторические романы В. Скотта, творчество О. Бальзака, произведения Л.Толстого «Война и мир», А.Толстого «Петр Первый» отражают дух времени, его колорит, передают суть событий, характеры действующих героев, те или иные конкретные детали изображаемого, но все это делается на общем художественном фоне, которому постоянно сопутствует вымысел.

Вымысел — не недостаток, а главная составляющая природы художественного творчества. Так, историки Античности весьма часто вкладывали в уста своих героев слова, которые те никогда не произносили. Но именно в ту эпоху было положено начало размежеванию мифологического жанра и повествования о реальных событиях. Последующее развитие историописания не показало возврата к античному представлению о тождестве мифа и реальности. Напротив, оно привело к утверждению тезиса о реальности прошлого (и настоящего) как единственного объекта исследования историка, что остается продуктивным научным представлением и на будущее. Однако разница между научно-историческим и художественным изображением действительности кроется не в ней самой как объекте, а в способах и формах такого изображения. Художественное, чтобы не быть пустой фантазией, выдумкой, опирается на реальность, отталкивается от нее, в чем нельзя не увидеть его сходство с научно-историческим; но оно не дает в отличие от последнего картины конкретного хода событий, так как это не является его задачей, а следовательно, и его минусом. Самая же большая разница между научно-историческим и художественным отображением действительности состоит в изначальном различии их природы: историческое характеризует рационально-логическая структура мышления, резюмирующаяся в совокупности научных понятий, а художественное — образ. Это различие столь фундаментально, что никак не позволяет добиваться их синтеза и рассматривать историческое познание в качестве некоего гибрида того и другого. Однако эта разница не выражает сути соотношения научно-исторического и художественного.

Поскольку историки создают свои труды, используя не только научные понятия, но и литературный язык эпохи, возникает про-

блема языка и стиля исторического исследования. Этот стиль может быть сухим, академичным или, напротив, ярким, привлекательным и интересным, что зависит, во-первых, от самого историка, особенностей его таланта и дарования и, во-вторых, от сюжета повествования. В последнем случае немаловажно, о чем идет речь: о характеристике, скажем, Наполеона, Талейрана, Петра I и т.д. или об аграрных отношениях в Германии в период раннего Средневековья. Однако стиль в любом случае является формой изложения полученных историком результатов и несовместим с вымыслом, отрывом мышления от реальности; художественная форма украшает произведение историка, но не меняет его природу, связанную с научным характером исторического познания. Стиль, манера изложения не являются мелочью в том смысле, что от них прежде всего зависит доступность трудов историков для массового читателя, однако это задача не столько специального научного исследования, сколько популяризации его результатов. Популяризация — особый жанр исторического повествования, не входящий с обязательностью в область профессионального исторического исследования.

Проблема языка и стиля сближает научную и художественную формы отображения действительности. Еще больше говорит об этом сам характер художественного образа, включающего в себя жизненную правду. Требование этой правды в настоящем художественном творчестве имеет не меньшее значение, чем требование истины и в науке. Отсюда знаменитое «Не верю!» К.С.Станиславского или утверждение Г.А.Товстоногова: «Нет актера без чувства правды». А вот как характеризовал истоки своего художественного творчества известный автор исторических романов В. Пиккуль: «...брал портреты людей той эпохи, о которой задумывал роман. Портреты тщательно отбирал, доверяя только тем художникам, которые следовали натуре и были правдивы в деталях. Долго всматривался в портреты, стараясь представить, как эти люди могли говорить, поступать, взаимодействовать... Так, мысленно их оживив, брался за сочинение виртуальной истории»¹. Написанию А.Толстым романа о Петре I предшествовала работа над архивными материалами описываемой эпохи и трудами историков по этой теме. Следовательно, историческая реальность недоступна для художественного изображения, пока она не осмыслена рационально: сначала — рациональное, высшей формой которого является осмысление действительности в категориях научного мышления; затем — художественный образ реальности, причем изобразительные средства могут быть различными (слово у писателя, кисть у живописца, звук у музыканта и т.д.).

¹ Цит. по: Метод психологического моделирования. Из беседы С.Кашницкого с В.Токаревой // Московский комсомолец. — 2000. — 22 янв.

Ряд исследователей проблемы рассматривают художественное отображение действительности не только как один из способов духовного освоения действительности. «Образное мышление, — писал доктор философских наук А. В. Гулыга, — имеет для науки и самодовлеющее значение и служит импульсом к рождению (а также к освоению) понятия. Для исторической науки образ особенно важен: он служит средством проникновения в структуры, трудно доступные для абстрактной мысли, а также средством популяризации»¹. Последнее, безусловно, верно, хотя к сути проблемы не относится: популяризация имеет дело с формами донесения полученного значения до читателя, а не с методами получения этого знания. Что же касается оценки художественного образа как некоего универсального приема познания, средства получения нового исторического знания, предшествующего рациональным приемам и методам мышления, то она спорна. В лучшем случае это остается гипотезой.

Конечно, проблема соотношения художественного и научного освоения действительности не сводится лишь к ответу на вопрос: «Что раньше — научное или художественное?» Ведь хорошо известно, что рациональное научное мышление предполагает не только наличие логики — движение к новому знанию не обходится без интуиции, догадки, эмоций, сопереживания. Интуиция «участвует» в понимании и оценке историком той эпохи или тех событий, современником которых он не являлся, хотя они и составляют лишь звенья единого потока движения истории. Особенно следует подчеркнуть роль социальных эмоций в историческом познании. Зачастую они весьма непосредственно вплетены в понятия и термины языка историка («плебей», «аристократ», «олигархия», «буржуа», «пролетарии», «новые русские», «тоталитарное государство» и т.д.). Язык понятий и терминов не только помогает историку в отображении реальности, но и передает эмоциональное отношение к ней, причем разница эмоциональной окраски социально адресна. Однако ни то ни другое не является продуктом вымысла, воображения историка, а имеет свои корни в реальной действительности².

¹ Гулыга А. В. Эстетика истории. — М., 1974. — С. 127.

² См.: Смоленский И. И. Рациональное и эмоциональное в языке историка // Исторические записки / отв. ред. академик Г.Н.Севостьянов — М., 1999. — № 2(120).

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Статус истории как науки определяется ее положением и местом в области научного познания в целом. В связи с этим встает проблема соотношения истории и естественных наук. Первоначальным вариантом ее решения был тезис о тождестве исторического и естественно-научного познания, выдвинутый рационалистами XVII в. В рационализме выражена тенденция к общенаучному монизму на основе естественно-научного познания с опорой прежде всего на математику и физику. Основой именно такого варианта решения данной проблемы были успехи в развитии этих наук, настоящая революция в естествознании: открытие законов классической механики И. Ньютоном, законов небесной механики И. Кеплером, дифференциального и интегрального исчисления и т.д. Историческая же наука не могла похвастаться чем-либо подобным. На фоне взлета физико-математических дисциплин сложилось соответствующее отношение к исторической науке как дисциплине, нуждающейся в изменении статуса, для того чтобы занять подобающее положение в общенаучной иерархии. Это была первая масштабная попытка посмотреть на историческую науку глазами наук о природе и создать в их рамках новую науку об обществе — «социальную физику»¹. «Социальная физика» мыслилась в качестве дисциплины, непосредственно воспринимающей приемы, методы исследования естественных наук. Это касалось распространения атомистических представлений на понимание отношений между людьми в обществе, применения так называемого геометрического метода к изучению истории. Б.Спиноза (1632—1677) в своей «Этике» использовал математический аппарат формул и уравнений, а Г.Гроций (1583—1645) стремился внести математическую точность в учение о праве². Однако исторической науке как части наук о природе не удалось. Объективной причиной такого результата было, в сущности, различие предметов истории и естественных наук. Сторонники «социальной физики», среди которых не было историков, не осознавали всей глубины своеобразия истории по сравнению с природой.

¹ См.: *Косминский Е.А.* Историография Средних веков. V — середина XIX в. : лекции. - М., 1963. - С. 143-144.

² См.: *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVIII в. : в 3 т. — Варшава, 1910.-Т. 1.-С. 407.

Полной противоположностью представленного подхода к соотношению истории и естественных наук является неокантианская философия истории, возникшая в Германии в конце XIX в. Ее основные представители Г. Риккерт (1863— 1936) и В.Виндельбанд (1848—1915) исходили из признания полной противоположности истории и естествознания как по методу, так и по предмету исследования. По их мнению, в естествознании речь идет об изучении общего, повторяющегося (номотетический метод), а в истории предметом изучения является индивидуальное, неповторимое (идеографический метод). Согласно Г. Риккерт, при изучении, с одной стороны, природы, а с другой — истории возникает принципиальная противоположность¹.

Приведенные представления являются крайними вариантами решения проблемы и не исчерпывают ее истолкования. Отметим также, что подходы к проблеме соотношения истории и естественных наук зависели как от состояния научного знания в целом, так и в той или иной его области. Например, крупные научные достижения середины XX в. в области ядерной физики выдвинули эту дисциплину на первый план в общенаучной иерархии, а образ физика-ядерщика стал своеобразным символом ученого в общественном сознании.

Что же представляет собой наиболее рациональный вариант рассматриваемой проблемы? Категорическое противопоставление исторической науки естествознанию не менее ошибочно, чем их слияние — «социальная физика»: отождествление явлений природы и общественной среды так же противоречит их характеру, как и оценка исторических событий в качестве уникальных, абсолютно неповторимых феноменов не отражает их подлинной сути. История — продукт природы, а не простое ее продолжение. Историю творят люди, фактор человеческой свободы воли и деятельности придает развитию истории иное качество, чем это имеет место в природе. Однако и история, и природа — объективные реальности, которые в своем бытии в виде объекта не зависят от изучающего их субъекта, исследователя. Физик и историк выступают на равных в том смысле, что они пытаются понять, что произошло до них и, что важно, независимо от них. Между этими исследователями есть сходство и в том, о каком именно характере понимания идет речь: понять — значит составить мысленный образ, картину изучаемых явлений, передающие их суть, содержание, представляющие явление такими, какие они есть в реальности. Результат — показатель этого соответствия — в обоих случаях

¹ См.: *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. — СПб., 1903; *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX в. - М, 1958.

один и тот же, и называется он истиной. Познание в любом его виде должно быть истинным, без этого оно не может быть научным; целью любой науки — достижение истины. В этом смысле природа научного познания едина: требование истины в равной мере приложимо и правомерно по отношению к любой области научного знания. То, что невозможно доказать как истину, не может считаться прерогативой науки. И наконец, еще одно качество, характеризующее природу научного познания в целом: наука не существует ради нее самой, каждый вид научного познания служит в конечном счете удовлетворению потребностей и интересов людей. Каждая наука решает эту задачу по-своему.

Единство природы научного познания предполагает специфичность каждого его вида: оно выражено в особенности языка и стиля мышления, методов, процедур исследования и т.д. Специфичность порождается предметом научной дисциплины: каков предмет — таков и метод. Предмет формируется с учетом своеобразия изучаемых явлений как части объективной реальности. Историческое познание связано с изучением особого рода реальности — жизни общества, чем обусловлены прежде всего его свойства и особенности, отличающие его от естественно-научного познания. Некоторые особенности имеют особо важное, фундаментальное значение, они определяют статус исторической науки и ее место среди других наук. Первой из таких особенностей является то, что объект истории не существует в реальности в том смысле, в каком реальность рассматривается в естествознании. Ее объект — реальность, ставшая прошлым, ушедшая в небытие. Зримо, осязаемо она не существует для историков. Положение не меняет и тот факт, что ряд историков изучают современную им действительность, ведь она тоже с каждым днем уходит в небытие, становится прошлым. Четкой грани между современностью и прошлым, особенно ближайшим, нет. Зримые следы прошлого сохраняются в последующем развитии, но чем больше временной интервал между современной в каждый данный момент средой и прошлым, тем меньше остается места для существования в реальности последующего развития остатков прошлого, именуемых пережитками.

Пережитки рабства в виде колоната или патриархального рабства сохранялись и, следовательно, были доступны наблюдению и изучению как реальности в позднеримскую эпоху и раннесредневековый период. В эпоху же формирования средневековых феодальных отношений их уже не было. Пережитки далекого прошлого могут сохраняться в виде обычаев, что также свидетельствует о связи современности и прошлого. Даже когда от прошлого не остается никаких следов в реальной жизни, оно связано с ней через ряд опосредствующих звеньев в неразрывной цепи времен, из которой ничего не выбросить, не разрушая ее.

Историк может не считаться с тем, что любые перемены в обществе так или иначе связаны с его прошлым и подготовлены им. Но тогда остаются без объяснения причины, истоки этих перемен, ведь тот факт, что каждая эпоха и каждое поколение людей начинают свои действия не на пустом месте и не с нуля, а с того состояния, которое им досталось, — не по их воле и выбору — в наследство от прошлого, не требует доказательства. В переломные моменты истории это наследие в той или иной степени разрушалось, но и в этих случаях, чтобы понять суть перемен, необходимо обратиться к прошлому. Одним словом, Г.Гегель (1770—1831) прав: сущность — в прошлом. Разница между объектом исторического познания и объектом естественных наук заключается в следующем: прошлое изучается историком преимущественно не в реальности, а в виде его материальных остатков (археологические данные) и в форме письменных источников', тогда как объектом естественно-научного знания является непосредственно реальность.

Принадлежность объекта исторического познания к прошлому и существование его для историка в основном не в качестве реального бытия, а в виде его остатков — письменных, устных и вещественных — составляет первую особенность истории как науки. Прошлое невосстановимо ни в одной из своих фаз — ни экспериментально, ни каким-либо иным способом. Путешествие Т.Хейердала на Кон-Тики является, конечно, некоторой разновидностью эксперимента, имевшего научное значение, однако это вовсе ни возрождение прошлого, ни возврат к нему. Возможность эксперимента исключает в любом случае наличие новой исторической ситуации, над которой историк не властен. Он не может ею пренебречь в ходе исследования: время, его дух, специфику невозможно вернуть никому. Эксперимент не является средством научно-исторического познания, что не роняет статус истории как науки, она не является и не может быть областью экспериментального знания по своей природе. Стремление к повышению статуса научности историографии таким путем лишено всяких оснований. Можно сказать, что в механизме мышления историка нет такого эффективного средства доказательства истины получаемых результатов, как, скажем, у физика, да и не может быть, что не говорит о качестве знания. Путь историка к истине более труден и извилист, а результаты исследования далеко не всегда отличаются такой однозначностью содержания и смысла, степенью устойчивости, как это имеет место в естественных науках.

Вторая особенность исторического познания заключается в характере соотношения объекта и субъекта. В естественных науках субъект всегда находится вне области изучаемых явлений, над ней. При изучении общественных явлений

ученый чаще всего не является современником исследуемых событий, если речь идет о прошлом, однако в данном случае соотношение объекта и субъекта существенно иное: и сам субъект, и изучаемые им явления принадлежат одному целому — истории. Историческое познание является в этом смысле самопознанием общества.

Механизм этого самопознания таков, что оно осуществляется не безотносительно к позициям субъекта в условиях современной ему социальной среды, не в обход их, а через эти позиции, на их основе. В структуру этих позиций входит все, что связывает историка с его эпохой, — язык, социально-политические и иные взгляды, методология и т.д. Таким образом, перед историком встает вопрос, который представители естественных наук не решают: «Как ему изучать объект — прошлое — с позиции современной ему общественной среды, а не только с позиции достигнутого уровня знаний об объекте, что имеет место в естественно-научном познании?»

Третья особенность исторического познания заключается в качественной незавершенности процесса развития истории. Изменения в мире явлений природы происходят настолько медленно, что естествоиспытатель может относиться к ним, как к чему-то неизменному, сформировавшемуся.

Совсем другое в истории, где качественные изменения были и остаются нормой исторического развития, причем процесс изменений выглядит как безостановочный. Отсюда следуют, по крайней мере, два вывода.

Во-первых, представления историка об истории в целом никогда не могут быть завершенными и выражаться в виде некоторой окончательной теории: каждый новый этап исторического развития с неизбежностью будет вносить коррективы, дополнения в сложившуюся систему взглядов.

С изучением явлений природы этого, как известно, не происходит: законы классической механики, открытые И. Ньютоном, и сегодня сохраняют силу для тех физических процессов, к которым эти законы относятся. Законы квантовой механики, открытые позднее, вовсе не являются результатом последующего развития в мире физических явлений, которого, скажем, не знал И. Ньютон. Новейшие открытия в области физики являются результатом развития научного физического знания, а не самих физических явлений и процессов.

Во-вторых, бесконечность процесса развития истории приводит к изменениям не только общетеоретических представлений историка, но и его конкретно-исторических взглядов и оценок тех или иных событий. Следует подчеркнуть: это не только развитие знания как такового, но и такое его развитие, которое обусловлено движением самой истории. С каждой новой степенью та-

кого движения прошлое выглядит несколько иначе, чем раньше, хотя в каждом конкретном случае все слишком индивидуально! Можно ли говорить о какой-либо хаотичной, беспорядочной смене точек зрения, выводов, оценок? Нет, так как не являются беспорядочными развитие истории и изменения в области исторических представлений о прошлом и в целом логика развития, корни которой кроются в конечном счете в логике развития исторического процесса. Итогом взаимосвязи того и другого является расширение, уточнение, обогащение исторического знания, хотя это происходит не плавно, не механически и не всегда в пользу истины о прошлом.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопрос о пользе исторической науки для общества так же естественен, как и о пользе любой другой области научного знания: наука не существует ради себя самой. Историческое познание по своей природе не имеет таких очевидных доказательств своего практического применения в жизни общества, какими располагает большая часть естественных наук, связанных с областью материальных отношений, развития техники и т.д. Этот факт является одной из причин предрассудков, ставящих под сомнение или совсем отвергающих социальное значение исторического познания в жизни людей. Однако вряд ли можно отнести к числу предрассудков следующие представления: народы и правительства ничему не учатся — каждое время слишком индивидуально (Г. В. Ф. Гегель); историческая память угрожает гибелью от «затопления» чужим прошлым — историей (Ф. Ницше). Из этого следует, что изучение прошлого ничему не учит или даже приносит вред. Скептическое или однозначно отрицательное отношение к исторической науке, в том числе и по поводу ее социальной функции, находит выражение и в других представлениях, однако это противоречит реальности. Возникает вопрос: «Почему до сих пор ни одно поколение людей не пребывало в беспомыслии, но в той или иной форме сохраняло память о своем прошлом?» Носителями этой памяти были прежде всего профессиональные историки; с момента возникновения профессиональной историографии ремесло историка уже больше никогда не устранялось из жизни общества.

До возникновения историографии хранителями памяти о прошлом были служители культа (например, жрецы в Древнем Египте). Современные исследователи обнаружили, что обитающие в бассейне Амазонки племена обладают глубинной памятью о двадцати поколениях своих предков. Вот почему «историческим склерозом» ушедшие поколения не страдали, хотя «провалы» в памяти происходили достаточно часто. В периоды писаной истории одно представление о прошлом преимущественно заменялось другим наряду с прямым вычеркиванием тех или иных его страниц.

Представления, игнорирующие факт устойчивой памяти всех поколений о прошлом, не объясняют и противоречат ему, не заслуживают доверия, не являются научными представлениями о природе исторического познания, а следовательно, не могут быть

основой для ответа на вопрос: «Зачем нужна история?» Между тем постановка этого вопроса имела место уже на заре исторической науки, в эпоху Античности. С этой попытки обоснования социальной функции историографии мы и начнем анализ этой сложной проблемы.

4.1. Исторический опыт, уроки истории

В древнеримской историографии афористически кратко и четко было сформулировано представление о социальной функции исторического познания: «*Historia magistra vitae*» (история — наставница жизни, сокровищница примеров, иллюстрирующих добродетели и пороки). Историком, который отчетливо выразил мысль о нравственном предназначении изучения прошлого, был Тацит (55—120 гг. н.э.). «Я считаю главной обязанностью анналов, — писал он, — сохранить память о проявлении добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве»¹. Важно отметить: реализацию историком своей социальной роли Тацит связывал со стремлением к истине. По его мнению, только правда о прошлом может научить добру в настоящем.

В чем смысл современного представления о социальной функции исторического познания? Что такое уроки истории и как они извлекаются? Можно ли этими уроками пренебрегать и каковыми будут последствия этого? Прежде всего следует сказать, что история учит, но это не носит обязательного характера, она не может заставить это делать. Неизвлечение уроков не проходит даром, но не для истории, а для тех, кто это допускает. О Бурбонах говорят, что они ничего не забыли и ничему не научились — за это они заплатились короной. Тех, кто не учится у истории, она обязательно проучит. Плата бывает разной в зависимости от поступков и масштабов деятельности тех или иных лиц.

Для того чтобы понять, как именно извлекаются уроки истории и что для этого необходимо, рассмотрим несколько примеров из далекого прошлого России.

В «Послании на Угрю Вассиана Рыло» говорится: «Достославный великий князь Дмитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными. Сам наперед бился, не пощадил живота своего для избавления христианского, не испугался множества, не сказал сам себе: у меня жена и дети и богатства много, если землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь, но не сомневаясь нисколько, воспринял на подвиг, наперед выехал и в лицо стал против окаянного

¹ Тацит. Анналы. — Л., 1969. — III, 65.

волка Мамаю»¹. В данном случае речь идет о том, что в 1480 г. накануне одного из важных событий в борьбе Руси с татаро-монгольским нашествием — стояния при Угре, у ближайшего окружения Ивана III возникло подозрение, что царь струсит и не пойдет на разрыв с Ордой. Обращение к опыту Куликовской битвы 1380 г. послужило уроком царю в данной ситуации.

Другой пример. Версальский мир означал для Германии вынужденное признание тяжелых и унижительных условий, в том числе и репарации державам-победительницам. В сочетании с последствиями экономического кризиса 1929 г. это имело прямое отношение к установлению фашистского режима в стране, развязыванию Второй мировой войны и к новому поражению Германии. Однако на этот раз позиция западных держав-победительниц по отношению к Германии была иной: не репарации, а доллары вливаются в экономику прежде всего Западной Германии (план Маршалла). Урок из прошлого был, несомненно, извлечен.

Еще одна ситуация — антиалкогольная кампания в России времен перестройки. Ее негативные последствия не заставили себя долго ждать. Можно ли было их избежать? Да, можно, если бы власть обратилась к опыту прошлого — неудачной попытке ввести «сухой закон» в России в 1913 г., в США в 30-е гг. XX в., в Швеции и Финляндии после Второй мировой войны.

Извлекать или не извлекать уроки из прошлого — зависит не от прошлого, а от конкретной исторической ситуации с ее потребностями и проблемами реальной жизни. Именно от нее исходит импульс. Общим условием извлечения уроков истории является наличие некоторого объективного сходства между данной реальной ситуацией и прошлым, из которого извлекается урок. Г. В. Ф. Гегель прав: если такого сходства нет, нет возможности опираться на это прошлое. Извлеченный опыт — не некий штамп, который в неизменном виде переносится из прошлого на современную в каждый данный момент ситуацию, а своеобразная рекомендация к действию, смысл которой может быть и прямо противоположен тому, что было в прошлом. Все дело в индивидуальном своеобразии конкретных событий, ситуаций и целых эпох.

4.2. Предвидение будущего

Можно ли предвидеть будущее? Что это дает человеку и обществу? Являясь неотъемлемым элементом связи времен, категория будущего входит в структуру исторического сознания; без будущего, без уверенности в нем не может быть здорового истори-

¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. в 29 т. - М., 1989. - Т. 5. - С. 78.

ческого сознания. Дело, однако, не только в состоянии исторического сознания: попытка приоткрыть завесу над будущим имеет жизненно важное значение как для индивида, так и для общества. В обоих случаях между настоящим и будущим нет разрыва. Выстраивая свои планы на будущее, индивид отталкивается от настоящего независимо от того, хочет ли он и в какой мере перенести что-то из настоящего в свою последующую жизнь. Задумывая реформы и преобразования, общество так или иначе должно учитывать их возможные последствия. В этом смысле учет перспективы имеет социально-практическое значение. Попытки предвидения могут различаться как по протяженности перспективы — отдаленной или ближайшей, так и по масштабам (куда идет история, куда идет страна или что ее ждет в ближайшем будущем в результате тех или иных изменений, реформ в настоящем). Во всех случаях важно понять, как это следует делать, каков механизм мышления, направленного на разгадку возможной перспективы.

В связи с этим следует прежде всего разграничить два способа прогнозирования будущего. Они различаются и терминологически и по смыслу. Это предсказание, или пророчество, и предвидение. Предсказание лежит вне области науки, рационального мышления, предвидение является научным по своей сути.

Самым известным пророком был французский врач, образованнейший человек своего времени М. Нострадамус (1503—1566). К числу его реализованных пророчеств относят французскую революцию 1789—1794 гг., две мировые войны, войну в Афганистане и т.д. Тем не менее отношение к предсказаниям М. Нострадамуса было и остается неоднозначным, вплоть до сомнения в их достоверности и даже отрицания таковой. Повод к этому дает сам прорицатель: его катрены (четверостишия) зачастую не поддаются однозначному толкованию¹. Самое же главное заключается в том, что механизм, логика предсказаний М. Нострадамуса до сих пор не поддается расшифровке, их тайна остается нераскрытой.

Известной магической прорицательницей была также Ванга, жившая в Болгарии в XX в. Ванга предсказала поражение А.Гитлера во Второй мировой войне, крах царства болгарского царя² Бориса, ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. и др.³ По поводу ее пророчеств остается открытым вопрос: «К чему следует относиться как к реальному, доказанному историческому факту?» Этот вопрос относится не только к самому пророчеству, но и

¹ См.: *Пензенский А.А.* Мишель Нострадамус: мифы и реальность в свете новейших исследований // Новая и новейшая история. — 2002. — № 1.

² *Жилева Я.* Завещание Ванги // Московский комсомолец. — 1996. — 18 дек.

к способу прорицания; впрочем, в последнем случае требование рационалистической расшифровки вряд ли правомерно, ведь речь идет о волшебстве.

В отличие от прорицания механизм научного предвидения не должен быть метафизической тайной: обращая взор в будущее, историк не может оставаться в неведении относительно логики, структуры мышления, в противном случае ему нечего будет сказать о вероятном будущем. Какова же эта логика? Ее пониманию способствует изучение реальных фактов предвидения будущего. Немецкий историк XIX в., знаток истории Древнего Рима Т. Моммзен (1817—1903) оставил завещание, которое надлежало вскрыть пятьдесят лет спустя после его кончины. Т. Моммзена не стало в 1903 г., в 1953 г. завещание было вскрыто и наделало много шума в ФРГ. Из-за гробовой доски ученый поведал потомкам, что он не верил в прочность созданного в 1871 г. немецкого рейха и предвещал его крах в недалеком будущем. В ходе Ноябрьской революции 1918 г. в Германии это предвидение стало фактом.

На что опирался Т. Моммзен в своем прогнозе? Из его завещания об этом мы не узнаем практически ничего, кроме его резкого отрицательного отношения к династии Гогенцоллернов. Впрочем, еще при жизни будучи горячим и искренним сторонником объединения Германии, Т. Моммзен по-своему, доступными ему средствами историка стремился помочь объединению страны, ссылаясь на прошлое. Ученый писал о законе движения любой нации к созданию единого государства, считал разновидностью такого объединения завоевание Древним Римом Италии и даже находил в этом далеком прошлом образец для Германии — демократическую, как ему казалось, монархию Цезаря. С образованием бисмарковского рейха Т. Моммзену пришлось пережить довольно чувствительное разочарование по этому поводу: немецкая империя никак не походила на демократическую, и историк перешел в разряд оппонентов и даже противников О. Бисмарка. С этим разочарованием и связан прогноз Т. Моммзена. В своем прогнозе историк опирался на прошлое и современную ему среду. Если даже признать, что опора на прошлое не убедительна (диктатура Цезаря по своей социальной сути не могла стать прообразом для Германии), нельзя не согласиться с реалистичностью другого: консервативный характер империи Гогенцоллернов стала одной из причин ее краха.

Известны факты предвидения Первой мировой войны Ф. Энгельсом (1820—1895) и О. Бисмарком, причем последний связывал ее начало с кризисной ситуацией на Балканах. Анализ назревающих противоречий, формирование противоборствующих сторон конфликта, современником чего был О. Бисмарк, помогли ему сделать этот прогноз. Остальное в механизме мышления политика не поддается расшифровке в связи с индивидуальностью си-

туации и мышления О. Бисмарка, не давшего по этому поводу столь необходимых для проникновения в тайну этого механизма пояснений.

А вот что увидел в будущем Ф. Энгельс: «...для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомнен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса». Это написано в 1887 г. Удивительная точность в некоторых деталях, хотя этого и нельзя требовать от прогноза любого порядка. Из отдельных высказываний Ф. Энгельса, сопутствующих прогнозу, следует, что предполагаемая мировая война будет итогом долговременных тенденций развития Германии и Европы: «Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу»¹. За этим стоит обобщение еще более высокого порядка, связанное с уровнем и качеством общеисторических представлений, уровнем теории: война — порождение логики развития капиталистических отношений, которая с неизбежностью приводит к окончательной победе рабочего класса. Победы тогда не произошло, но Первая мировая война имела самое прямое и непосредственное отношение к победе Октябрьской социалистической революции 1917 г. Прогноз Ф. Энгельса был сделан, так сказать, попутно, по поводу события, не соотносящегося по своей значительности с масштабами прогнозируемого явления, что в данном случае не способствует расшифровке структуры мышления, породившего рассматриваемый прогноз.

Приведем еще один пример реализованного прогноза. В июле 1917 г. Г. В. Плеханов (1856—1918) опубликовал в газете «Единство» обращение к правящей элите России. В нем говорилось о том,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. - Т. 21. - С. 361.

что в России не может быть выстроено демократичное государство, где есть разделение властей, где собственность защищена, где политические институты защищают права личности, если население России живет в удручающих условиях, если заработок рабочего абсолютно недостоин его как гражданина и человека. Нищета рабочего класса, нищета населения страны — это коренное условие в будущем для создания жесткого авторитарного режима. Г.В.Плеханов призывал поделить сверхприбылями, полученными от Первой мировой войны и использовать эти деньги на решение социальных проблем. Он считал, что если элита этого не сделает, ее дни сочтены¹. Прошло всего три месяца и элиты не стало. Данный прогноз опирается на некоторый, хотя и не сформулированный здесь, вывод общего характера, применимый не только к данной ситуации: крайняя нищета части населения, резкое социальное расслоение в обществе чреватые социальным взрывом. Уверенность Г. В. Плеханова относительно исхода ситуации опирается, конечно, не только на саму ситуацию, но и на прошлое, на опыт социальных, в том числе революционных, конфликтов предшествующей истории.

И еще об одном прогнозе. В 1902 г. в одном из писем М. Горький писал: «Старик Ключевский на днях сказал: "Поскольку я знаю русскую историю и историю вообще, я могу безошибочно сказать, что мы присутствуем при агонии самодержавия"². О Николае II писатель отозвался так: «Это последний царь, Алексей царствовать не будет»³. И здесь нет авторской расшифровки прогноза, кроме ссылки на знание русской истории. В.О.Ключевский афористически кратко и точно выразил суть проблемы прогнозирования: чтобы посмотреть в будущее, нужно оглянуться назад. Впрочем, еще И.В.Гёте (1749—1832) называл историка «пророком, предсказывающим назад». Историка, действительно, можно назвать пророком, опирающимся на прошлое и — добавим — на современные ему события. Чем масштабнее события, тем важнее оглянуться назад в поисках их корней, истоков, а следовательно, и возможных последствий. Истоки и ход событий и процессов, логика их развития позволяют с некоторой вероятностью судить о возможном исходе, о перспективе. Можно ли, однако, конкретизировать фактор опоры на прошлое как источник и основу прогнозирования? Один из современных авторов, В.Кожин, попытался пойти дальше В.О.Ключевского в вопросе прогнозирования. Он писал: «Единственный метод для правильного понимания того, куда мы идем, — это оглянуться назад, в историю. Другого метода нет. Все остальное — гадание на кофейной гуще. Для

¹ См.: Плеханов Г. В. Год на Родине // Соч. : в 2 т. — Париж, 1921. — Т. 2.

² Горький М. Собр. соч. : в 30 т. — М., 1954. — Т. 28. — С. 231.

³ Там же.

того чтобы понять, куда мы идем, нужно найти в прошлом сходную ситуацию и увидеть, что нас ждет в будущем»¹.

На самом деле предложенная В.Кожинным конкретизация прогнозирования не является рациональным вариантом развития соответствующих взглядов великого историка. Она противоречит фундаментальной особенности явлений общественной среды — их индивидуальному своеобразие, исключающему их буквальную повторяемость и приводящему к различным последствиям даже из весьма схожих исторических ситуаций. Следует подчеркнуть: прогноз — это взгляд в будущее, но импульс к этому исходит от современной ситуации и опирается на прошлое. Каждое из звеньев исторического процесса всегда очень конкретно по своему содержанию и смыслу, что делает процедуру прогнозирования столь же конкретной и несовместимой с какими-либо стереотипами мышления.

Кроме того, следует отметить два уровня прогнозирования: в масштабе конкретных событий или процессов и в масштабе истории в целом, поскольку вопрос «Куда идет история?» вовсе не является праздным. Опора на прошлое в рамках истории в целом столь же необходима, как и при конкретном прогнозировании, однако в данном случае важен упорядоченный подход к прошлому, который обеспечивает только один уровень мышления — общеполитическая теория. Рациональный вариант такой теории связывает воедино понимание всех звеньев исторического процесса — прошлого, настоящего и будущего, — в чем уже содержится определенное представление о логике движения этого процесса, а значит, и потенциальная возможность делать вывод о его вероятно отдаленном или не очень отдаленном по меркам истории будущем. Структура и содержание теории зависят от развития истории, следовательно, и на этом уровне предвидения не существует возможности свести структуру мышления к какому-то стереотипу, не зависящему от конкретной исторической ситуации и от соответствующего ей состояния познания.

4.3. Историческое познание и историческое сознание

Одной из фундаментальных социальных функций исторического познания является формирование исторического сознания. Что такое историческое сознание? Согласно одной из точек зрения (Ю. А. Левада) историческое сознание рассматривается как социальная память. «Этим понятием охватывается все многообразие

¹ Кожин В. Если бы не было Зюганова, я бы ни за кого не голосовал // Советская Россия. — 1996. — 13 июня.

стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени»¹. Отличие исторического сознания от других форм общественного сознания Ю. А. Левада усматривает в том, что оно вводит дополнительное измерение — время. Историческое сознание, следовательно, разновидность знания обществом своего прошлого. При всем том, что без социальной памяти исторического сознания быть не может, ошибочно отождествлять историческое сознание и историческое знание. Знание, особенно профессиональное историческое знание, — удел сравнительно небольшой прослойки людей, тогда как историческое сознание по определению является массовым, одной из форм общественного сознания наряду с правовым, национальным, нравственным и другими его формами. Более убедительным представляется взгляд, согласно которому под историческим сознанием подразумевается связь времен — прошлого, настоящего и будущего — в сознании индивида и общества в целом². Что означает эта связь времен, что она дает обществу, как и почему она рвется и каковы последствия этого разрыва?

Историческое сознание является не только одной из проблем науки, но и жизненно важной проблемой любого общества. От состояния исторического сознания зависит степень стабильности общества, его способность к выживанию в критических обстоятельствах и ситуациях. Устойчивое историческое сознание — важнейший показатель стабильности общества подобно тому, как разорванное, клочкообразное состояние исторического сознания — свидетельство надвигающегося кризиса, ставшего реальностью. Конечно, кризис исторического сознания вторичен по сравнению с кризисом общества и является результатом, следствием последнего, но разрушение исторического сознания может быть и результатом целенаправленных усилий, злой воли и умысла. Тогда злая воля становится инструментом культивирования исторического беспамятства людей, отнимающего у них возможность ориентироваться в настоящем, надежду на будущее и превращающего их в орудие реализации самых разных целей, в том числе направленных против их коренных интересов.

Связь времен имеет жизненно важное значение и является главным признаком исторического сознания. Об этом свидетельствуют и эсхатологические представления, связывающие земное и небесное царства, сансару и нирвану и т.д. Четкое художественное

¹ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки* / отв. ред. А.В.Гулыга, Ю.А.Левада. — М., 1961. — С. 191.

² См.: Барз М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. — М., 1987.

осмысление проблемы исторического сознания — слова Гамлета: распалась связь времен.

В чем заключается необходимость и общественная значимость *связи времен!* И то и другое определяется общественной природой человека, физической невозможностью его бытия в одном времени|птзмере«ш*^^ только риторическим: «Чем человек отличается от животных?» Состраданием, утверждают одни, но дельфин выбрасывается на берег из чувства солидарности, сострадания. Способностью любить, считают другие, но волк сохраняет верность одной волчице, а лебедь гибнет после смерти своей подруги. Умением смеяться, думают третьи, но обезьяны вполне обладают этой способностью. Способностью творить, утверждают иные, но доказана способность обезьян к творчеству при добывании пищи, а танец журавлей прекраснее любого плохо поставленного хореографом танца. Отличительное свойство человека — в наличии памяти, удерживающей в единстве его прошлое, настоящее и его планы, надежды на будущее. При всей реальности проявления так называемого растительного существования человека его земное бытие не протекает только в каком-то одном временном измерении из трех названных модальностей. Противоположность памяти — беспамятство, которое обрело художественную форму в образе Маугли. Таков и профессор Борн с его усилиями открыть препарат, который лишает людей памяти (фильм «Мертвый сезон»). Беспамятны бесы Ф.М.Достоевского с их четкой программой: «Надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто. Кто проклянет свое прошлое, тот уже наш — вот наша формула». Впрочем, в последнем случае речь идет уже не об индивидуальной памяти, а о коллективной памяти народа, массовом историческом склерозе. Беспамятство лишает возможности должным образом ориентироваться в настоящем и способности понимать, что надо делать в будущем. Вот как ставил такие цели с обозначением способа их реализации А. Гитлер: «Было бы разумнее установить в каждой деревне громкоговоритель, чтобы таким путем информировать людей о новостях и дать им пищу для разговоров; это лучше, чем допустить их к самостоятельному изучению политических, научных и т. п. сведений. И пусть никому не приходит в голову передавать покоренным народам по радио сведения о их прежней истории. Передавать следует музыку и еще раз музыку!.. И если люди смогут больше плясать, то это должно приветствоваться»¹. В цепи времен

¹ См.: Смоленский Н.И. Проблемы исторического сознания // *Историческое сознание: сущность и проблемы изучения* / отв. ред. Н.П.Пишулин. — М., 2002.

² Цит. по: Белов Ю. Накануне.

«прошлое—настоящее —будущее» первое звено является и самым значимым и самым уязвимым. Разрушение связи времен, т. е. исторического сознания, начинается с прошлого. Что значит разрушить историческую память? Это значит прежде всего разорвать связь времен. Опираясь на историю можно, только если она связана цепью времен. Чтобы разрушить сознание, надо рассыпать историю, превратить ее в несвязанные эпизоды, т. е. устроить хаос сознания, сделать его фрагментарным. В этом случае общественное сознание неспособно из отдельных кусков составить целостную картину развития. Это означает разрыв диалога между поколениями, между отцами и детьми, что и приводит к трагедии забывчивости.

По мнению медиков, разорванность, прерывистость мышления и создания является отличительным признаком шизофрении. Между этим состоянием физиологии человека и разрывом связи времен в общественном сознании, конечно, не может быть тождества, однако понятие болезни, кризиса в полной мере применимо и в этом и в другом случае.

Разрушить историческую память — значит изъять, конфисковать какую-то часть прошлого, сделать его как бы несуществующим, обвинить его ошибкой, заблуждением. Это можно отнести к фрагментации сознания, сознание «шизофренизируется».

Импульс к формированию исторического сознания или его разрушению исходит из современной в каждый данный момент общественной среды, но средством достижения упомянутых целей является формирование отношения к прошлому. Изменение образа прошлого способствует стремлению человека или общества изменить переживаемую ими в каждый момент ситуацию. Диктует отношение к прошлому не само прошлое, а современная историческая среда. Прошлое само по себе никого не может обязать к тому или другому варианту отношения к себе, следовательно, не может повлиять и на худшем из них, грубо искажающему реальный образ прошлого в угоду настоящему. Научные аргументы воспрепятствовать этому не могут, следовательно, область решения этого вопроса — не историческая наука, а общество. Историческое понимание в состоянии предложить более или менее адекватный образ прошлого, однако станет он элементом исторического сознания или нет — зависит от общества, состояния и восстановления в нем общественных сил, позиции власти и государства. Борьба общественных сил за прошлое, за тот или иной его образ — это и борьба за историческое сознание, за то или иное его содержание.

Конечно, влияние на историческое познание современной исторической среды устранить нельзя. Историческое познание не является единственным и безупречным источником формирования исторического сознания, но не по своей природе в целом, а в

отношении тех ситуаций, когда в область массового сознания передается образ прошлого, не отвечающий требованиям его адекватности, т. е. истинности. Труд историка — первоисточник сведений о прошлом, но сведения эти передаются через третьи руки (средствами массовой информации, с помощью приемов художественного отображения действительности), что многократно расширяет вероятность формирования искаженного исторического сознания.

Связь времен рвется в периоды острых общественных кризисов, социальных потрясений, переворотов, революций. Всякое нарушение последовательности исторического развития с неизбежностью приводит к той или иной форме общественного кризиса, в том числе и кризиса исторического сознания, что нельзя отнести к разряду манипуляции. Потрясения революционного характера, приносившие с собой изменения общественного строя, порождали и самые глубокие кризисы исторического сознания. Однако исторический опыт показывает, что связь времен в конечном итоге восстанавливалась. Общество во все времена испытывает потребность в восстановлении связей с прошлым, со своими корнями: любая эпоха порождена предшествующим ей этапом исторического развития — и преодолеть эту связь, т. е. начать развитие с некоей нулевой отметки, невозможно. Вследствие этого возникает потребность поставить в ту или иную форму зависимости данное состояние общества даже с самыми «трудными» в смысле совместимости периодами предшествующего развития. Примером может служить стремление определить отношение к нацистскому прошлому, которое в течение десятилетий послевоенной истории этой страны считалось «не преодоленным». Преодолеть — значит посмотреть на прошлое как на звено между тем, что ему предшествовало и что произошло потом. История и сознание не терпят пустоты, связь времен восстанавливается.

В структуре современного исторического сознания в России одним из важных аспектов является проблема отношения к периоду советской истории. Сам переход к этому периоду в октябре 1917 г. означал радикальный разрыв с прошлым во всех сферах жизни, это был глубокий кризис исторического сознания. Переход к новому строю оценивался по-разному: одними — как крушение всех жизненных устоев, другими — как избавление от тяжелого и мучительного прошлого. Кризис исторического сознания выразился и в отрицании значительной части отечественного прошлого, как ненужных страниц. В области исторического образования это выразилось в отказе от систематического его изучения, его фрагментации (учебники М.Н.Покровского, 1868- 1932).

Конечно, такое отношение к прошлому России не могло быть устойчивым и долговременным фундаментом построения нового

общества, хотя оно было распространено вплоть до 1934 г. — до известного Постановления ЦК ВКП(б) о преподавании истории. К этому времени уже многое говорило о недостаточности и нецелесообразности отказа от систематического изучения истории, об ущербности формирования типа исторического сознания, опирающегося лишь на отдельные эпизоды, пласты прошлого, вырванные из общего контекста. Это не давало ощущения связи времен, следовательно, и понимания места нового общества в этой цепи событий.

На смену фрагментарно-выборочному подходу к изображению прошлого пришел хронологический подход, распространенный до Октябрьской социалистической революции 1917 г. Конечно, огромная разница в оценке событий, водоразделом которой была эта революция, сохранялась. Однако новый этап развития России, который резко отличался от дореволюционной эпохи, представлялся в этом случае как некоторый итог, порождение прошлого.

В годы Второй мировой войны особую роль стали играть страсти отечественного прошлого, связанные с именами Александра Невского, Дмитрия Донского, А.В.Суворова, М.И.Кутузова. Историческая преемственность в развитии страны в общественном сознании, в том числе преемственность Российской империи и Советского Союза, восстанавливалась.

Показательно следующее. В обращении И. В. Сталина к народу 2 сентября 1945 г. по случаю победы над Японией говорилось, что японская агрессия против России началась в 1904 г., потом последовала интервенция в период Гражданской войны, затем Хасан и Халхин-Гол. Поражение русских войск в 1904 г. оставило тяжелые воспоминания в сознании народа, который верил, что наступит день, когда эта тяжелая память о прошлом перестанет отягощать сознание людей. Этого дня люди старшего поколения, подчеркнул И. В. Сталин, ждали 40 лет.

Можно, конечно, поспорить с логикой рассуждений И. В. Сталина. Однако для нас в данном случае важно стремление руководителя государства представить события прошлого и настоящего как звенья единой цепи.

В историческом сознании советского общества отношение к идее преемственности с дореволюционным прошлым не увеличивало разрыва с ним, а с течением времени восстанавливало связи, утраченные в период революции и последовавшие за ней годы.

Многое менялось в положительном смысле и в оценке разных событий и действовавших лиц. В общественном сознании послеоктябрьского периода все определялось позицией государственной власти. В историческом сознании акцент переносился с прошлого на современность и на будущее (в том числе и в связи с тезисом о грядущей мировой социалистической революции). Над прошлым довлело проклятие, которое мешало ему стать одним из звеньев

исторического сознания. Но даже такой жесткий авторитарный режим власти, как сталинский, не смог удержать унаследованную от Октябрьской революции структуру исторического сознания, связь времен восстановилась. Это урок для историков и для всех, кто стремится чему-либо научиться у прошлого. Связь времен неизбежно восстанавливается не только по прошествии одной революции, но и, так сказать, целой их серии — как, например, в истории Франции конца XVIII в. — первой половины XIX в. Самая значительная по масштабам и последствиям Великая французская революция конца XVIII в. не смогла стереть ни прошлое, ни память о нем. В исторической памяти французов это событие до сих пор именуется Революцией, а день 14 июля 1789 г., когда произошло взятие Бастилии, остается национальным праздником Франции.

Таким образом, связь времен не уничтожается в результате даже таких коренных ломок в жизни общества, как революции. В связи с этим перед историком возникает вопрос: «Как обращаться с прошлым?» Ответ весьма очевиден: нельзя обращаться с ним произвольно, как попало, зачеркивая и переписывая его страницы. Историк, считающий одни события «правильными», а другие «неправильными», может много рассуждать, но это будет его история, где автором является всего только он, а не те люди, которые были творцами реально свершившегося в прошлом. Такому историку невозможно помочь: ведь сделать бывшее не бывшим не удавалось никому.

4.4. Воспитание историей

История — это школа гражданского воспитания, патриотизма. А что такое патриотизм? Ответ на этот вопрос следует искать не в области отвлеченных рассуждений, а в реальном поведении людей в кризисные для страны, государства, Отечества периоды. Из кого состояло ополчение Кузьмы Минина, что туда привело людей и какое значение это имело в той ситуации и для будущего России? К каким чувствам солдат обращался Петр I накануне Полтавского сражения: Воины! Настал час, который должен решить судьбу Отечества. Но знайте, что сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное. А что касается меня, то знайте, жизнь для Петра не дорога, лишь бы Россия жила в чести и благоденствии? Какая сила заставила старостиху Василису Кожину возглавить отряд из подростков и женщин, истреблявший небольшие группы наполеоновских солдат в Смоленской губернии? Какая корысть была в поступке Ивана Сусанина? Из каких побуждений Александр Матросов закрыл своим телом амбразуру, а В.Талалихин пошел на таран фашистского самолета? Что означают

слова О.Бисмарка: войну с Австрией 1866 г. выиграл прусский учитель?

В основе поведения людей в нелегкие для страны моменты лежит особое состояние человеческого духа, точное название которому — патриотизм. Патриотизм — это не отказ от личного, а, напротив, эмоциональное состояние, стержнем которого является превращение общего блага в нечто глубоко личное или даже жертвенное. Поскольку он не заложен в человеке изначально, от рождения, импульс идет от жизни, от воздействия на человека окружающей его среды.

Целенаправленным способом это осуществляется через воспитание. Австро-прусская война 1866 г. была выиграна прусскими солдатами, однако О. Бисмарк прав, говоря, что ее выиграл прусский учитель, учитель истории. Основным материалом, на котором реализуется патриотическое воспитание, является память прошлого, воспитание историей.

В чем состоят проблемы исторического воспитания? Прежде всего они связаны с несовпадением общества и государства, Отечества и власти.

Это несовпадение сопровождает развитие истории на всем ее протяжении с момента возникновения государства. Вспомним стихи М. Ю.Лермонтова:

Прощай немая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,¹
И ты, им преданный народ¹.

Что же, поэт, написавший эти строки в связи с его высылкой на Кавказ, не любил свою Родину? Чувство обиды, горечи заслонило и пересилило ее? Нет, просто патриотизм М.Ю.Лермонтова имел более глубинную основу:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой...¹

И те и другие строки были написаны в 1841 г. Стихотворение М.Ю.Лермонтова «Бородино» — это гимн Родине, Отечеству, солдатской стойкости, мужеству и самопожертвованию. Ненависть пороки и несправедливость, поэт продолжал любить свою страну.

¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. — М., 1986. — Т. 1. — С. 100.
¹ Там же. — С. 94.

Разновидностью «странной любви» к родине была позиция большевиков в годы Первой мировой войны — никакой поддержки Временному правительству. Интересы России понимались большевиками весьма своеобразно. Социальный мотив перевешивал значимость победы России в войне, целесообразность ее поражения обосновывалась необходимостью построения в стране нового строя. Однако этот же мотив не помешал генералу А.И.Деникину, непримиримому противнику Советской власти, резко осудить тех представителей белогвардейского движения, которые участвовали в войне против СССР на стороне Германии; он же привел часть участников белогвардейского движения к борьбе против фашизма в Югославии в числе сторонников И. Броз Тито. Базовые, фундаментальные ценности гражданственности и патриотизма заключены в Отечестве, что понятно: родина у человека только одна. Воспитание историей опирается в этом случае на все прошлое, а не на те лишь его пласты, которые так или иначе согласуются с особенностями конкретной государственной политической системы. В этой ситуации прошлое становится источником гражданского согласия возможно более широких слоев населения, тогда как избирательный подход к нему порождает разрыв связи времен, становится водоразделом между поколениями и социальными прослойками в обществе. Избирательность подхода к прошлому всегда определялась приоритетом политических ценностей и интересов в обществе, хотя именно в критических для судьбы Отечества ситуациях на первый план выдвигались гражданские, патриотические мотивы, которые и оказывались решающими. Таков один из неоспоримых уроков прошлого России.

Фундаментальной основой воспитания историей является опора на качественное своеобразие явлений и общественной среды, которое не отделимо от их природы и сущности¹. Гражданская, патриотическая позиция, как и национальная принадлежность, заключает в себе все то, что отличает историческое прошлое и реальное бытие одного народа от другого. Правда, патриотическая позиция предполагает еще и активность, выражается не в форме некоторой абстрактной, вневременной любви к отечеству, а в виде стремления принести ему конкретную пользу. Конечно, на вопросы «Что есть благо для отечества?», «Каковы способы его реализации?» нет однозначных ответов. Но с уверенностью можно сказать, что отрицание необходимости учитывать самобытность, своеобразие своей страны не может привести к формированию качеств гражданина отечества, о чем свидетельствует опыт решения этой проблемы в различных странах.

¹ См.: Смоленский Н.И. Идея своеобразия исторического развития и проблема гражданского воспитания // Исторические знания как средства гражданского воспитания молодежи / под ред. Н.П.Пищулина. — М., 2004.

Одним из крайних вариантов воспитания историей является организация воспитания патриотизма в современной Америке. Средства массовой информации США неустанно прославляют «американскую исключительность», «американский образ жизни», «американскую предприимчивость», «американскую демократию», «американскую мечту», «американскую цивилизаторскую миссию». Все это находит весьма конкретное выражение в стандартах поведения американцев. На протяжении десятилетий в США выработалось устойчивое общественное мнение по поводу «исключительности» судьбы Америки. В этой ситуации негативные отзывы об американском образе жизни вызывают отрицательную реакцию большинства американцев. Воспитание патриотизма в США начинается уже в младших классах. Культ Америки перерастает в национализм, который самым тесным образом связан с финансовыми интересами, бизнесом, культом доллара. Составляющими комплексного гражданско-патриотического воспитания в США являются героизация, поэтизация образа человека, обязанного всему, что он имеет, исключительно самому себе, а также культ силы и индивидуализма, формирование таких черт поведения, как агрессивность, жестокость, презрение к противнику, наглость. Воспитание гордости за Америку сочетается с привитием презрения к инородцам и т. д.

Конечно, «американской исключительности» в реальности не существует, как, впрочем, не может быть и иной национальной и тому подобной исключительности, избранности, миссионерской предопределенности. Все это относится к числу легенд, внедряемых весьма небезуспешно, как и в случае с США, в жизнь. Эти мифы становятся составной частью общественного, в том числе и исторического, сознания. В реальности патриотическое воспитание в США опирается на своеобразие исторического развития страны, которое доводится до крайней, гипертрофированной формы.

Первое постсоветское десятилетие в истории России прошло под знаком отказа от постановки проблемы патриотического воспитания.

По мнению известного российского деятеля культуры Р.Быкова, одна из причин «шизофренизации» населения — угнетение родового инстинкта, принижение чувства патриотизма.

А вот мысли о патриотическом воспитании в России режиссера К.Шахназарова: «...в последние годы патриотизм у нас был не в моде... Мы с начала перестройки уже столько раз о себя ноги вытирали, что в результате считаем, будто бы сами начали войну с Германией и позднее ее проиграли»¹. Представители властных структур того времени изгнали слово «патриотизм» из лексикона. Более того, проявилось и откровенное враждебное отношение к России. По мнению одного из адептов демократии и либерализ-

¹ Шахназаров К. Про Гагарина можно снять 150 фильмов: статья //Московский комсомолец. — 2001. — 1 марта.

ма, Россия является сырьевым придатком других стран. В мировом хозяйстве для нее нет места, Россия только мешает, это обанкротившаяся страна. Он считает, что Россия должна расстаться с образом всемирной державы¹.

16 февраля 2001 г. в России была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 гг.». Она носит комплексный характер, предусматривает различные уровни и формы патриотического воспитания и механизмы его реализации. В какой мере этот документ отражает необходимость учета исторического своеобразия прошлого страны и ее современного состояния в реализации поставленных задач? В общей форме в программе содержится идея возрождения «истинных духовных ценностей российского народа», обеспечения «заинтересованности общества в развитии национальной экономики», сохранения и развития «славных боевых и трудовых традиций Отечества»². Важно подчеркнуть, что по этим позициям государство стремится определять меру эффективности реализации программы. Масштабностью отличается проблема военно-патриотического воспитания. Во многом она связана со страницами Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., хотя опирается и на соответствующую традицию общественного прошлого. В этой опоре проявляется учет исторического своеобразия как одной из фундаментальных предпосылок патриотического воспитания. В качестве важного рычага реализации функции патриотического воспитания в программе фигурирует историческое образование.

Современная ситуация в области гражданского, патриотического воспитания далеко не всегда свидетельствует об успешной реализации упомянутой государственной программы. Показатель этого несоответствия — намерение проводить преобразования в стране не в соответствии с особенностями ее исторического пути, ее традициями и ценностями жизни, а по меркам и лекалам западных ценностей. Об остроте разногласий в общественном мнении современной России по вопросу соотношения либерализма и патриотизма свидетельствует позиция одного из наших политиков. По его мнению, нынешние фальшивые либералы ненавидят Россию. О таких либералах писал еще Ф.М.Достоевский³.

Понадобились образы Ф.М.Достоевского, значит, связь времен не распалась, прошлое сохраняет свое значение опоры в настоящем, будущее не безнадежно. Прошлое страны — одна из

¹ Из интервью А. Коха русскоязычной радиостанции в Америке.

² Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 гг.» — М., 2001. — С. 15.

³ Интервью Е.Овчаренко с заместителем главы администрации Президента РФ В.Сурковым // Комсомольская правда. — 2004. — 29 сент.

фундаментальных основ патриотического воспитания по простой причине. Без прошлого нет будущего и вовсе не только в смысле воспитания. Значимость прошлого выше различий в сфере идеологии. Определенное понимание этого положения содержится в государственной программе по патриотическому воспитанию на 2006—2011 гг.¹, в которой средствами воспитания названы страницы как досоветского, так и советского прошлого.

Контрольные вопросы

1. Каково содержание понятий «предмет» и «объект исторической науки» и их соотношение?
2. В чем отличие исторической науки от естественных наук?
3. Каково соотношение научно-исторического и художественного отображения действительности?
4. Что такое историческое сознание? Каковы его виды и источники формирования?
5. Что такое уроки истории, в чем их назначение?
6. В чем назначение и каков механизм предвидения будущего?
7. В чем отличие предвидения от пророчеств и фантастики?

РАЗДЕЛ II

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ

ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ КАК ЦЕЛОЕ

Что такое история в целом? Доступна ли она пониманию и осмыслению во всем своем временном измерении и в планетарном масштабе? Какое значение это имеет для понимания истории как бесконечного множества конкретных проблем, изучением которых заняты историки? Какую роль это играет в понимании будущего, всегда незримо присутствующего в настоящем в виде планов, целей, стремлений и надежд людей? Проблема истории как целого не является новой. На сегодняшний момент существуют два подхода к ее решению. Согласно первому подходу история представляет собой единое целое. Такое представление является традиционным в теоретическом мышлении. Оно было характерно для представителей гуманизма, историков и философов Просвещения, утопического социализма, позитивизма, классической немецкой философии, марксизма, философии истории экзистенциализма, сторонников концепций индустриального и постиндустриального общества. Согласно второму подходу история понимается как простая арифметическая сумма культур, стран, этносов, континентов, цивилизаций. Родоначальником этого подхода является российский историк XIX в. Н.Я.Данилевский (1822—1885). Позднее цивилизационная теория разрабатывалась О.Шпенглером (1880-1936), П.Сорокиным (1889-1968), Н.А.Бердяевым (1874-1948), А.Тойнби (1889-1975) и др.

Вполне очевидно, что оба подхода ко всемирной истории не приближают нас к истине. Более того, признание истинным одного подхода будет означать, что ложен другой. Это касается прежде всего несовместимости основного представления о том, что такое история — единое целое или арифметическая сумма цивилизаций? В чем же историческое видение проблемы? Рассмотрим примеры цивилизационного подхода к истории. Теория культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского основана на отрицании всемирно-исторического процесса как целого и выделения в нем самостоятельных потоков — цивилизаций, создающихся прежде всего по этническому признаку, с учетом социальных,

¹ См.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006—2011 гг.». — М., 2006.

территориальных и других факторов. Логика развития культурно-исторических типов уподоблялась историком жизненным биологическим циклам всего живого, отсюда — циклический характер изменений, происходящих в ходе этого развития. Культурно-исторические типы, по мнению Н.Я.Данилевского, представляют собой живые организмы, они замкнуты, равноценны друг другу, обладают целостностью. Они не образуют общечеловеческую цивилизацию, являются единственными субъектами, носителями исторического действия. Теория Н.Я.Данилевского теснейшим образом связана с его стремлением отстоять самобытность, историческое своеобразие славянской цивилизации, доказать историческую миссию России в формировании и развитии славянской цивилизации¹.

Немецкий философ и историк, представитель «философии жизни» О. Шпенглер выдвинул *концепцию о культурах как множестве замкнутых организмов*, выражающих коллективную «душу» народа. По его мнению, история в целом — ничто иное, как сосуществование, параллельное развитие культур, каждая из которых возникает, развивается и гибнет подобно биологическому организму и существует независимо одна от другой. Идея единства всемирной истории, согласно О. Шпенглеру, совершенно неприемлема: «Человечество — это зоологическое понятие или пустое слово. Достаточно устранить этот фантом из круга проблем исторических форм, и глазу тотчас же предстанет поразительное богатство действительных форм... Вместо безотрадной картины линейной (линейной. — Н. С.) всемирной истории, поддерживать которую можно лишь закрывая глаза на подавляющую грудку фактов, я вижу настоящий спектакль множества мощных культур..., имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, волнения, чувствования, собственную смерть»².

Теория «локальных цивилизаций» А.Тойнби — одна из самых известных. В ней выражается суть цивилизационного подхода к истории. В целом идеи А.Тойнби перекликаются с идеями Н.Я.Данилевского и О. Шпенглера. Цивилизации — это носители исторического процесса, замкнутые или почти замкнутые общности. Цивилизация — область особенного, своеобразного, индивидуально-неповторимого. Любая цивилизация характеризуется, по мнению историка, тремя факторами — культурным, политическим и экономическим — при решающем значении культурного фактора. Это положение противоречит основному тезису А.Тойнби об уникальности и замкнутости цивилизаций. Следовательно,

¹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — СПб., 1995.

² Шпенглер О. Закат Европы // Очерки морфологии мировой культуры • в 2 т. — М., 1993, - Т. 1. - С. 151.

в развитии цивилизаций есть нечто общее. Принципом развития цивилизаций историк считал кругооборот, циклическое движение (возникновение — расцвет — гибель). В этой общей и присущей отнюдь не только А.Тойнби сути представлений мало что меняют характерные лишь для его логики мышления фрагменты — закон «ответа» на «вызов» внешней среды, «прометеев порыв» элиты как основная движущая сила развития цивилизации и т.д.

Каково значение рассмотренных теорий в рамках цивилизационного подхода к истории? Логика этого варианта мышления доказательна в той мере, в какой она опирается на многообразие действительности, обозначается этим понятием «культура» или «цивилизация». Показ этого многообразия при любой степени его фактической полноты, однако, не только не исчерпывает всю меру последней, но и, что еще более важно, не дает и не может дать представления о глубинной сути феноменов культуры (цивилизации). Почему?

Многообразие в сочетании с индивидуальным своеобразием не исключает сходства между ними. Это сходство связано с ролью влияния и взаимовлияния, имеющих место в истории. Во всяком случае, тезис о полной замкнутости, изолированности цивилизаций, являющийся едва ли не главным постулатом представителей цивилизационного подхода, не является доказательным, это — миф. Не изолированность, а нарастающее с развитием истории взаимодействие стран, народов, континентов, цивилизаций является тем свойством событий и общественных структур, без учета которого их невозможно понять и объяснить. Следовательно, поиск нитей, связывающих историю в единое целое, — реальная, а не надуманная проблема, которой историк мог бы пренебречь. Однако аргументов, свидетельствующих о единстве истории, у представителей данного подхода искать не приходится, ведь они изначально были ориентированы на поиск доказательств изолированности, уникальности культур и цивилизаций в истории.

Есть и еще одно уязвимое звено в этом варианте понимания истории как простой арифметической суммы цивилизаций и культур — отсутствие более или менее четкого представления о том, что такое цивилизация. Очевидно, с этим связано и расхождение во мнениях относительно количества цивилизаций: О. Шпенглер насчитывал 8 великих культур, А.Тойнби — около 21. Далее, Н.Я.Данилевский в эпоху Античности выделял греческий и римский культурно-исторические типы, О.Шпенглер — античную, или греко-римскую, культуру, а А.Тойнби — эллинскую цивилизацию. Все это свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь убедительного и обоснованного критерия классификации рассматриваемых исторических феноменов. Научная состоятельность представлений сторонников цивилизационного подхода, следовательно,

но, не идет дальше обоснования многообразия, индивидуальных особенностей изучаемых явлений. Этого недостаточно для понимания ни истории в целом, ни отдельных ее звеньев, процессов, каким бы понятием они не обозначались, — «культурно-исторический тип», «культура» или «цивилизация».

Теперь рассмотрим подход к истории как к единому целому и единству. В ряде вариантов мышления проблема единства не являлась дискуссионной: наличие такого единства признавалось изначально чем-то само собой разумеющимся, не требующим доказательства. В связи с пониманием истории как единого целого представители ряда научных направлений и школ по-разному обосновывали *идею периодизации*. Историки-гуманисты, прежде всего представители итальянского Возрождения, впервые ввели светскую периодизацию истории в противовес господствовавшей до этого времени церковной периодизации в составе четырех монархий. Гуманисты выделяли три эпохи — Античность, Средние века и возврат к Античности. Данная периодизация стала началом традиции в историографии, которая сохранилась и до сегодняшнего времени. Периодизация истории в целом предполагает, конечно, убеждение, не требующее доказательства, в единстве истории, ее целостности. К. А. Сен-Симон продолжил традицию гуманистов и также выделил стадию политеизма, стадию монотеизма и промышленную стадию. Разновидностью этой периодизации был позитивистский вариант, предложенный О. Контом: теологическая стадия, метафизическая стадия, позитивная стадия. Четыре ступени развития мирового духа в истории — гегелевский вариант периодизации. В марксистском варианте исторической теории содержательно-хронологическим звеном была формация. Деление общества на аграрное, индустриальное и постиндустриальное является одним из элементов современных концепций периодизации.

Стадиальность — общее свойство процесса исторического развития на всех его уровнях — от истории в целом до любого локального уровня исторического развития. Изменения в обществе обретают форму структурных, качественно своеобразных и в целом неповторимых состояний, привязанных ко времени — периодов, стадий, эпох. Основным элементом изменений является их определенная в каждый данный момент логика: каждая последующая стадия вытекает из предыдущей, подготавливается предшествующим состоянием, поэтому в той или иной степени представляет собой его продолжение, затем отрицание и, наконец, формирование нового. Отметим, что понятие «стадиальность» характеризует и взгляд на историю как простую арифметическую сумму цивилизаций, правда, с той оговоркой, что данному понятию присущ исключительно физиологический, т.е. естественно-научный, а не исторический смысл. Понятно,

что из истории, как и из всего живого, невозможно изъять этот биологический закон, согласно которому выделяются три стадии: рождение, развитие и смерть. Это напоминает притчу об одном историке древности. Подготовив увесистый том по истории, он приносил его к властителю и каждый раз получал пожелание его сократить. Кончилось это тем, что историк принес властителю следующее: люди рождались, страдали и умирали. Это не история, так же как ничего не дает для понимания реальной истории ее периодизация по биологическим циклам развития культур, цивилизаций и т.д. Научной может считаться лишь периодизация, максимально учитывающая характер общественного развития по его экономическим, духовным и тому подобным признакам и привязывающая это ко времени — к строго определенным эпохам человеческой истории. Средние века — это не только конкретная хронологическая полоса в истории, но и эпоха, для которой характерно особое состояние общества. Содержательное может не совпадать с хронологическим, но это связано с другой проблемой истории как целого — с проблемой неравномерности исторического развития.

Обращает на себя внимание аргумент просветителей в пользу единства мировой истории. Историки-просветители обосновывали единство истории единством человеческой природы — разумной и доброй. По их мнению, человек от рождения разумен и добр независимо от цвета кожи, национальности и т.д. Очевидно, что этот аргумент не годится сегодня для доказательства единства истории. Если человек от природы разумен и добр, то почему человеческое бытие во все времена сопровождается перманентно проявлением зла — истребительными войнами, преступлениями, предательством, цинизмом, безнравственностью? Освенцим — продукт изначально доброй человеческой природы? Неужели это так? В жизни людей добро и зло никогда не разделяла пропасть, поэтому такое представление о природе человека — иллюзия. Тем более что существует иное представление. По мнению итальянского мыслителя Н.Макиавелли (1469—1527), люди трусливы, ленивы, непостоянны, лицемерны, завистливы. При ограниченных способностях они обладают неумеренными желаниями. Они всегда недовольны настоящим и хвалят старые времена, они подражательны, причем пороки перенимают легче, чем достоинства. Н. Макиавелли советовал государю учитывать свойства людей и игнорировать принципы морали. Если следовать мысли историка, человеческая история на всем протяжении является тотальным господством зла, которое с неизбежностью одерживает верх над добром. Неужели и это правда?

От рождения человек не является ни добрым, ни злым, если не иметь в виду те или иные отклонения от физиологической нормы. Корни отдельных человеческих поступков или действий более

широкого масштаба уходят в физиологию, но физиологией человека историю объяснить нельзя. Злая воля у власти — это беда, однако прежде чем объяснять такую ситуацию злой волей, которая вполне может быть связана с определенным состоянием физиологии, необходимо сначала понять, почему она оказалась у власти. Это является задачей историка, а не физиолога.

Человеческую природу формирует среда. Понимание этого факта появилось в эпоху Античности. Человек так же влияет на среду, как и среда на него. Таким образом, не существует некоей неизменной на все времена единой человеческой природы и сущности. Следовательно, это никак не подтверждает тезис о единстве истории. Можно сказать лишь то, что все времена и эпохи человеческой истории во всех конкретных условиях объединяет качество человеческой природы — ее общественный характер. Контрастность представлений о человеческой природе в обоих случаях имеет в виду историю в целом — как единый поток развития.

В начале XIX в. просветительский взгляд на единство истории и его основу — разумную и добрую человеческую природу — подвергся критике историками-романтиками — представителями направления западноевропейской историографии. Социальная сущность романтической историографии наиболее реально выражена в оценке Средневековья как эпохи — эталона, синонима всего самого лучшего, что только может быть в истории. Антипросветительский характер этих взглядов нашел свое продолжение в отрицании идеи единства истории. С точки зрения романтиков, человек — сначала немец, француз и т.д., а только потом человек. Единой человеческой природы в этом смысле для них не существовало. Так же категорично историки-романтики отвергали просветительскую трактовку истории как единого целого. Историей они считали только то, что относилось к бытию каждой отдельной страны.

Следует подчеркнуть, что в полемике с просветителями по вопросу понимания истории как целого романтики не внесли ничего более рационального, кроме критики тезиса о разумной и доброй человеческой природе, хотя и это всего лишь отрицание, а не положительное историческое представление. Более того, утверждение приоритета национального перед человеческим неправомерно уже потому, что национальное по меркам истории всего лишь один из результатов развития человеческого: нации как его разновидности возникли при переходе от Средних веков к Новому времени. Сам по себе этот результат является одним из свидетельств нарастающего и более глубокого, чем раньше, единства человеческой истории.

Попытка обоснования идеи единства с неизбежностью порождает вопрос об истоках единства в реальной истории, предпосылках и механизме его формирования. Прежде всего обязано ли един-

ство истории контактам, взаимодействию, взаимовлиянию этносов, стран, регионов, континентов, т.е. обмену информацией в самых различных формах, или же оно становится реальностью общественных отношений и независимо от всего этого? Вполне очевидно, что без общения нет человека. Робинзон — всего лишь художественный образ, причем этот образ не годится в качестве иллюстрации возможностей человека-одиночки, так как до того как попасть в описанную ситуацию, Робинзон принадлежал определенной человеческой среде.

Роль общения, необходимого во все времена, никогда не являлась чем-то неизменным. В условиях первобытно-общинного строя принадлежность человека к коллективу была условием его физического выживания, но именно тогда общение по его пространственным рамкам было ограничено или даже отсутствовало вовсе. Роль и значение общения в разное время были неодинаковыми. С развитием истории масштабы и последствия контактов и взаимовлияния нарастали, тогда как с движением познания в глубь веков тенденция выглядит как прямо противоположная. Это объясняется в конечном итоге общим уровнем и условиями жизни, ведь стремление к контактам, потребность во взаимодействии не являются неким врожденным человеческим инстинктом, но и не противоречат также общественной природе человека. Это означает, что некоторые существенные проявления и свидетельства единства глобальной истории на заре ее развития нельзя рассматривать как результат взаимодействия или заимствования. Сюда не относятся, в частности, эволюция и становление человека как вида *Homo sapiens*, а это не только природно-физиологический процесс. Мы не можем объяснить распространение шаманства среди народов Африки, Южной Азии (Индия, Китай), Америки и других стран контактами; это же относится и к обожествлению сил природы в эпоху древности. Вряд ли можно также объяснить общность мировых языков взаимодействием людей или миграциями. Однако достаточно изолированные культурные и иные общности (майя, ацтеки и т.д.) имели сходство в своем характере и развитии. Очевидно, что в условиях одной или схожей природно-географической среды поведение людей в различных сферах жизни оказывается схожим или примерно одинаковым. Несомненно, определенная благоприятная природно-географическая среда способствовала появлению самых ранних ростков цивилизации на земле (Междуречье, Египет).

Следовательно, единство истории является законом ее развития, действие которого связано не обязательно лишь с контактами и взаимодействием в человеческом сообществе. В этой связи обращает на себя внимание высказывание К.Маркса: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда;

история, как всемирная история — результат»¹. Действительно, история становится всемирной лишь с этого времени, хотя миграции были и раньше. Понятно, почему родиной Великих географических открытий является Европа. «Жажда золота» влекла европейцев за океан, ведь хорошо известно, что отношение к золоту в разные времена было у людей неодинаковым (древние германцы, например, делали из золота ночные горшки). С эпохи Великих географических открытий мир стали связывать экономические, торговые интересы, порожденные новыми капиталистическими отношениями, родиной которых стала Европа.

Развитие мировых экономических связей и контактов иного свойства в период новой и новейшей истории приводило все новые и новые свидетельства единства мировой истории и способствовало формированию концепций глобального ее видения в XX в. Наиболее известными сторонниками единства истории стали французский историк Ф. Бродель (1902—1985) и немецкий философ К. Ясперс (1883—1969).

Идею исторического синтеза в масштабе всего человечества Ф. Бродель доказывал, используя огромный фактический материал, с небывалым размахом в пространственно-временном отношении. Для обоснования единства глобальной истории он опирался на различные факторы исторического процесса — материальную жизнь людей, географическую среду, демографию, культуру, политическую жизнь и т.д. Глобальная история, по мнению Ф. Броделя, это большой ансамбль, который делится на несколько систем, прежде всего экономическую, социальную, политическую и культурную.

Согласно ученому «...глобальная история... это исследование по меньшей мере сначала этих четырех систем самих по себе, потом в их взаимоотношениях, в их взаимозависимости, в их чешуйчатое™»². Иными словами, глобальная история представляет собой взаимодействие названных факторов как наиболее важных и изученных. Ф. Бродель привлек для достижения объемного, многослойного видения истории и другие факторы, особенно географический. Следует подчеркнуть, что многофакторный подход глубоко научно оправдан: позитивистская теория факторов Г. Спенсера (1820—1903) также основана на разновидности аналогичного подхода к изучению истории. Конечно, Ф. Бродель понимал, что невозможно охватить историческую действительность во всем ее многообразии. «История, — писал он, — не может быть глобальной, но она имеет тенденцию ею быть, и основная задача историка — не нарушать эту тенденцию культуры, стремиться к

"воссозданию единства" прошлого человечества, не упрощая его, сохраняя в уме глобальное видение»¹.

Новым в исторической концепции Ф. Броделя была *идея о разных темпах развития исторического времени*. Он выделял события малой временной протяженности (время жизни людей, быстро проходящих событий), средней временной протяженности (экономические циклы и т.д.) и большой временной протяженности (язык, соотношение человека и географической среды и др.). При всем том, что ученый указывал на взаимосвязь различных скоростей социального времени, события большой временной протяженности, по его мнению, являются подлинным предметом изучения историка. Напротив, события малой временной протяженности не заслуживают внимания историка, это материал для журналистов.

Каково значение представлений Ф. Броделя? Продуктом человеческой деятельности во все эпохи являются реальности различной пространственно-временной протяженности; условно их можно разделить на события и процессы (структуры). Очевидна их взаимосвязь: события не существуют отдельно и изолированно от процессов: последние состояются из событий, каждое из которых является частицей чего-то более общего. Взаимосвязь в реальности, а следовательно, и в познании того и другого неразрывна. Очевидно и другое: первичной структурной клеточкой любых, самых масштабных процессов является событие, причем нельзя с уверенностью утверждать, что в любой ситуации ход событий всегда важнее отдельного эпизода². В любом сплетении событий можно обнаружить отдельные акты, которые имели решающее значение на их ход. Так, победа в битве на Куликовом поле 1380 г. имела переломное значение в борьбе Руси с монгольским игом, убийство Александра II в 1881 г. привело к остановке проведения реформ и т.д. Концепция Ф. Броделя (при всей спорности тех или иных ее положений), а также собранный им фактический материал являются в целом одним из самых значительных в современной историографии аргументов в пользу идеи единства человеческой истории. В систематизированном виде обоснование этой идеи было изложено К. Ясперсом. Суть его представлений сводится к следующему.

1. Единство истории заключается в единстве человеческой природы, хотя оно не может быть понятно только при учете биологических свойств человека; единство — в идее сотворения Богом человека по своему образу и подобию и в идее грехопадения. Этот

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 736.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.: в 3 т. - М., 1988. - Т. 2. - С. 409.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.: в 3 т. - М., 1988. - Т. 2. - С. 40.

² См.: Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука // Средние века. - М., 1980. - Вып. 43.

аргумент говорит о принадлежности К.Ясперса к религиозной философии истории, т.е. к экзистенциализму.

2. Единство заключается в близости религиозных представлений, форм мышления, орудий и форм общественной жизни.

3. Единство заключается в динамике преобразований, имеющих не биологическую, а общественную природу. Формой этих преобразований К.Ясперс считал прогресс, хотя его действие он не распространяет на сферы нравственности, духовности. По мнению историка, природа человека неизменна и прогрессу не подлежит. Аргумент в значительной мере убедительный, особенно если учесть, что К.Ясперс отмечает неоднозначность прогресса, его противоречивость.

4. Единство истории заключается в пространстве и во времени. С этим положением К.Ясперс связывает фактор общения, что бесспорно.

5. Единство истории заключается в ее смысле и цели. Понятие цели не отождествляется историком с движением истории к некоторой конечной стадии, в связи с чем проводятся иные варианты понимания цели — гуманизация человека, свобода и сознание свободы, открытие бытия в человеке, т.е. открытие божества. По мнению К.Ясперса, подобные цели могут быть достигнуты в любую эпоху. Очевидный минус этих суждений — в их отрыве от рациональных основ мышления, связанных с научным знанием, а не с религиозной верой; в переносе проблемы цели в область мыслимых абстракций, каждая из которых в качестве смысла истории неминуемо оказывается несостоятельной¹.

Общий вывод К.Ясперса заключает в себе глубину и точность мысли: «В попытке постигнуть единство истории, т.е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл»².

Таким образом, с развитием исторического познания и философско-исторической мысли появлялись все новые аргументы, подтверждающие единство истории. Важно и то, что они фигурируют у представителей самых разных направлений философско-исторической мысли; значит, единство истории представляется научным с различных точек зрения. Впрочем, эти аргументы не являются всего лишь продуктом научного мышления, их «готовит» сама жизнь, история. Вот некоторые из новейших свидетельств. Общемировой процесс глобализации, имеющий двоякий характер и включающий в себя рост экономических и иных контактов и связей, а также стремление мировых международных экономических монополий и финансовых групп подчинить себе экономи-

чески и политически весь мир, вызывает столь же естественный протест в мире — антиглобалистское движение. Проявлениями процесса глобализации являются такие последствия научно-технического прогресса, как Всемирная паутина — Интернет, глобализация экологических проблем на планете и др. В ходе этого процесса происходит формирование единого мирового рынка без национальных границ и барьеров, создаются общие юридические условия деятельности. При всем том, что неоднозначность процесса глобализации в современном мире порождает противодействие ему в виде движения антиглобалистов, региональной интеграции и т.д., движение мировой истории ко все большему единству является процессом устойчивым и детерминированным. Последние десятилетия новейшей истории показывают это с гораздо большей очевидностью, чем когда бы то ни было раньше.

В чем же заключается единство мировой истории и ее целостность?

1. В единстве происхождения человека как вида, в эволюции системы родства и семейно-брачных отношений, формирование которых не объясняется контактами, влиянием и заимствованиями из-за невозможности доказательства наличия этого в необходимой степени на заре человеческой истории; в общности языков; в сходной эволюции возникновения и развития религиозных верований — от обожествления сил природы до возникновения мировых религий, в существенных элементах сходства между ними.

2. В единой для всех эпох основе формирования человека как продукта определенных общественных отношений.

3. В единой логике движения мировой истории, приводящей к возникновению, эволюции и смене ступеней (периодов, фаз) в виде хозяйственных, политических и других форм общественного развития; в необратимости в масштабах истории этого процесса (например, в неизбежности перехода от разновидностей общества аграрного типа к вариантам индустриального общества и в невозможности обратной эволюции).

4. В поступательном, прогрессивном характере логики общемирового развития с учетом масштабов и форм проявления этой поступательности в различных областях человеческой деятельности — хозяйственной, духовной и т.д.

5. В незавершенности степени достижения единства мировой Истории в каждый данный момент ее развития.

Познание истории как целого является конечной основой изучения всего богатства ее конкретного содержания — стран, народов, эпох, цивилизаций. Любой исторический феномен может быть понят и объяснен лишь как часть чего-то более общего во времени и в пространстве. Условием научности исторического познания является не только признание идеи единства истории, но и Характер самого понимания этого единства. Следует подчеркнуть:

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

² Там же. — С. 264.

единство не является единообразием (что у одного, то и у всех). Разнообразие во всем объеме характеризует конкретно-историческую форму событий любого масштаба, которая всегда самобытна и неповторима, будучи продуктом особых исторических условий места и времени. Однако каждое событие — это не только его конкретно-историческая индивидуально-неповторимая форма, но и заключенная в ней, скрытая от поверхностного взгляда, природа и сущность явления.

Отличие формы событий от их сущности — в том, что последняя не является столь уникальной и включает в себя нечто общее с другими явлениями. Речь идет о *повторяемости в истории*, которая позволяет группировать события в качестве однопорядковых. Повторяемость — устойчивое, фундаментальное, закономерное свойство развития истории в целом как «по горизонтали», т.е. в хронологических рамках одного периода, так и «по вертикали», т.е. по отношению к событиям различной временной принадлежности. Примерами однопорядковых явлений «по горизонтали» являются революции на ступени перехода от Средних веков к Новому времени, разновидности сословной монархии или абсолютизма в Средние века и Новое время и т.д.; «по вертикали» — демократия и гражданство в греко-римской Античности и в Новое время, товарно-денежные отношения в различные эпохи и т.д. Повторяемость как «по горизонтали», так и «по вертикали» отличается различной степенью развития, зрелости однопорядковых явлений. Следовательно, многообразие характеризует, хотя и в разной мере, и конкретно-историческую форму, и сущность явлений общественной среды. Можно сказать: историческое — значит многообразное. Единообразие противоречит духу истории, историческое — значит абсолютно неповторяемое. В этом смысле сфера исторического — это сфера неисчерпаемого по своему многообразию.

Не противоречит ли единство истории ее многообразию? Нет, и то и другое проявляет ее суть. Единство проявляется в реальности и постигается в научном мышлении через многообразие, в том и другом случае одно не существует без другого, как цвета радуги. Поэтому история не является простой арифметической суммой событий, ее составляющих; единство — это не внешний ее скреп, а внутренний стержень, вокруг которого формируется историческая реальность разного уровня, в том числе в глобальном ее измерении.

Категории единства и многообразия не исчерпывают всю сложность природы исторического. Один из признаков исторического — *время*, вне времени истории не существует. Время — это, так сказать, скорость истории, которая в каждую эпоху своя, особая. Единство истории, помимо прочего, и в том, что *скорость ее движения* растет, хотя это не происходит в форме четких ритмов, многообразие властвует и в этом случае. Применение понятия «ско-

рость» к эпохам человеческой истории ясно говорит о том, что наиболее протяженным по времени был период первобытности (десятки тысячелетий), Древний мир занял примерно три тысячелетия, Средневековье — несколько более одного тысячелетия, Новое время — и того меньше. Темп истории ускоряется, что говорит о глобальном признаке ее развития — *неравномерности*. Неравномерность включает и иной смысл: развитие стран, континентов, цивилизаций не задано изначально. Неравномерность проявляется в наличии или отсутствии тех или иных ступеней (фаз) развития. Так у древних германцев и славян отсутствовало классическое рабство, а народы Америки не знали развитых феодальных отношений. Неравномерность заключается в разном уровне развития однопорядковых явлений у различных народов или стран. Так, наиболее развитыми рабовладельческие отношения в Древнем мире были в Римской империи; средневековые порядки были выражены наиболее резко, четко и определенно во Франции, вследствие чего эта страна стала родиной самого неограниченного абсолютизма и самой радикальной буржуазной революции конца XVIII в.; экономические отношения эпохи регулируемого рынка достигли наивысшей зрелости в Англии XIX в. и т.д.

Зрелая форма исторической реальности способствовала превращению страны (региона) в арену наиболее развитых отношений, становилась своеобразным двигателем прогресса. Впервые эту логику общемирового развития понял и по-своему выразил Г.В.Ф.Гегель. По его мнению, мировой дух, вселяясь в судьбу народов, доводит их развитие до наивысшей ступени и, исчерпав все возможности для дальнейшего развития, покидает их, становясь пружиной и источником поступательного развития другой исторической среды. Ступени развития мирового духа являются ступенями развития всемирной истории¹. С логикой общемирового развития во взглядах Г.В.Ф.Гегеля согласуется то, что неравномерность этого развития обусловлена формированием своеобразных лидеров — стран, континентов или регионов, — принимающих пальму первенства и возглавляющих общемировой процесс до определенного времени, а затем с неизбежностью передающих это первенство другим без надежды сыграть эту роль в истории вторично.

¹ См.: Гегель Г. Лекции по философии истории. — СПб., 1993.

«Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий — как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое, одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновения просветы счастья, острова, которые поток временно пощадил, но вскоре и они скрываются под водой. В общем, все это вполне в духе картины, данной Максом Вебером: мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями»¹. Действительно, научное понимание истории несовместимо с оценкой ее как хаоса, броуновского движения. Такое понимание находит в истории порядок и смысл; идея единства — одно из самых общих и фундаментальных тому свидетельств. История в целом — сфера господства детерминизма, причинно-следственных связей неисчерпаемо различной глубины и длительности действия. Фундаментальной, хотя и не единственной, стороной *исторического действия* любого уровня и масштаба является его *необходимость*, складывающаяся из целепологающей деятельности человека и той, всегда конкретной, исторической ситуации, в которой эта деятельность проходит и игнорировать которую или исключить не может никто.

Существуют два варианта понимания исторической необходимости: теологический и светский. Обратимся к *теологическому ее варианту*. Ж. Боссюэ (1627—1704) писал: «...обширная цепь частных причин, которые приводят к расцвету и упадку империй, зависит от решения Божественного Провидения. Высоко в небе Бог управляет судьбами всех царств. Каждое человеческое сердце у него в руках. Иногда он сдерживает страсти, иногда он дает им волю, возбуждая человека. Так Бог приводит в исполнение Свой грозный приговор в соответствии с вечными законами. Это Он готовит финал, приводя в действие самые далекие причины, это Он наносит страшные удары, эхо которых слышно повсюду. Итак, Бог правит всеми народами»². Провиденциальная, детерминистическая концепция истории оставляет неразрешенной одну проблему. Согласно религиозной доктрине человек

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 275.

² Боссюэ Ж. Размышление о всемирной истории : в 3 ч. — М., 1893. — Ч. 3. — Гл.8.

имеет свободу, в частности, в выборе поведения, праведного или грешного. Это ничто иное, как признание свободы воли в земной жизни человека. Но при этом возникает проблема: как примирить божественное всемогущество с фактом человеческой свободы. Это остается одной из потусторонних тайн. Догматика и язык веры не признают случайности. «Не говори, мой сын, о воле случая, но о воле провидения» — так наставлял аббат монастыря одного из своих послушников в романе Стендаля «Красное и черное».

Природа исторической необходимости — в *светском ее варианте* иная. В философско-исторической мысли понятие «необходимость» стало отождествляться с категорией «закономерность»; в этом — традиция развития этой мысли от Нового времени до современности. У начала данной традиции стоит рационализм XVII в. с его попыткой переноса представлений о мире физических явлений на понимание истории. Разновидностью этих взглядов было просветительское понимание законов истории как законов природы. Просветители рассматривали историю как простое продолжение природы, крайним вариантом этих представлений была концепция географического детерминизма Ш. Монтескье (1689—1755). Философ был убежден в том, что географическая среда, ландшафт, климат являются факторами, определяющими развитие истории.

Идея законов истории содержится в философии истории Г. В. Ф. Гегеля. «Всемирная история, — писал он, — есть прогресс в сознании свободы, прогресс, который мы должны познать в его необходимости»¹. Все совершающееся в истории происходит, по мнению Гегеля, в силу необходимости и уже существует в себе до начала развития как некое воплощение объективного духа. Очевидно, что необходимость выступает в данном случае в качестве понятия, весьма близкого по своему смыслу категории «закономерность» или тождественного ей.

Марксистский вариант методологии истории представлен идеей закономерного развития истории с выделением общеисторических законов и законов, действующих в пределах определенных исторических эпох. К первым относятся закон об определяющем значении общественного бытия по сравнению с общественным сознанием, закон о соответствии производственных отношений характеру производительных сил; ко вторым — закон классовой борьбы, закон первоначального накопления и т.д. О характере реализации законов К.Маркс писал: «...общие законы осуществляются лишь весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не Устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»². Более оп-

¹ Гегель Г. Лекции по философии истории. — С. 72.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 25. - Ч. 1. - С. 176.

ределенно идея законов исторического развития выражена Ф.Энгельсом: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие...¹ в конечном итоге получается нечто такое, чего никто не хотел»¹. В это представление, однако, необходимо внести одну поправку: столкновение волей рождает событие, следовательно, это столкновение заключено в природе, механизме действия законов. Средняя равнодействующая — всего лишь один из возможных и реальных, если речь идет о свершившейся истории, результатов. Другой исход столкновения волей выражен в победе какой-либо одной из борющихся сил, сторон. Это — тоже история.

Философия истории позитивизма предложила свое, хотя и не очень однозначное, представление о законах истории как законах природы, физиологических, психологических и иных вариантах исторической закономерности. Один из самых известных представителей позитивистской историографии Г.Т. Бокль (1821 — 1862), обосновывая необходимость изучения естественных причин явлений, отвергал правомерность приписывания их действию сверхъестественных причин. Что же такое причины естественные, если в истории нет места сверхъестественному вмешательству? Действия людей, по мнению Г.Т. Бокля, управляются «неизменными законами», которые он называл физическими, т. е. законами природы. При этом философ подчеркивал, что «...из двух разрядов законов, управляющих прогрессом человечества, умственный разряд гораздо важнее физического»². Поясним: «умственный разряд» законов означает признание первичности духовного начала в истории. Тем не менее глубокий рациональный смысл признания законов состоит в отрицании сверхъестественного вмешательства в историю и предопределенности ее развития. В то же самое время Г.Т. Бокль отвергает фактор свободы воли: человек совершает те или иные действия исходя из побуждений, но побуждения с неизбежностью обусловлены предшествующими обстоятельствами. Далее ученый делает вывод не с точки зрения историка, а с точки зрения представителя естественных наук: «...действия людей, завися только от предшествующих причин, должны иметь известный отпечаток однообразия, т. е. должны при совершенно одинаковых условиях иметь совершенно одинаковый исход»³. Однако

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 7. — С. 395-396.

² Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии : в 2 т. / пер. А.Н.Буйницкого, О.Н.Ненарокова. - СПб., 1863. - Т. 1. - Ч. 1. - С. 176.

³ Там же. - С. 21.

совершенно одинаковых условий в истории не бывает, они всегда конкретны, т. е. в известной мере различны. Даже если те или иные условия одинаковы, скажем, географическая среда, реальность истории будет разной (древние Афины и Спарта и т.д.). В данном же варианте мышления историческая необходимость и закономерность, по существу, тождественны: все в истории определяется действием законов.

Полной противоположностью идее законов истории было и остается их отрицание. Представитель аналитической философии истории К. Поппер (1902—1989) разделял точку зрения, согласно которой историка интересуют отдельные события, а не какие-то универсальные исторические законы. По его мнению, «не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения»¹. К. Поппер допускал законы лишь в качестве элементов исторического объяснения, но был категорически против объективных законов исторического процесса. Он признавал причинно-следственные связи явлений, но не доводил их до уровня закономерного характера.

Независимо от позиции сторонников и противников представления о законах истории открытыми остаются вопросы: «Существуют ли законы истории?», «О каких открытиях в этой области можно говорить?», «Чем отличаются законы истории от законов природы как по механизму их действия, так и по способам их познания?», «Каково соотношение причинно-следственных связей с тем уровнем обобщения, который соответствует понятию закономерности в естественно-научном смысле и применительно к историческому познанию?»

Начнем с последнего. Любое историческое событие детерминировано, т.е. вызвано действием какой-то причины или их совокупностью. Событий, не обусловленных определенными причинами, не существует. «В действии, — писал Г. В. Ф. Гегель, — нет ничего, чего нет в причине, и причина есть причина лишь в действии»². История, по мнению философа, — это «шествие субстанции через причинность»³. Объяснить явление — значит в любом случае раскрыть его причины. Разумеется, при анализе событий историк сталкивается с многообразием причин, которое характеризуется их различием по степени значимости, по масштабам, Диапазону и глубине действия в каждом конкретном случае. Лишь одно свойство объединяет это многообразие — конкретность при-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.Н.Садовского. - М., 1992. - Т. 2. - С. 305.

² Гегель Г. Работы разных лет : в 2 т. — М., 1971. — Т. 2. — С. 430.

³ Гегель Г. Соч.: в 14 т. - М., 1929. - Т. 1. - С. 260.

чины в любой исторической ситуации: причин вообще, вне конкретной обстановки не бывает. Так, нужда, бедственное материальное или иное положение людских масс породили волну крестьянских восстаний, прокатившихся по Европе и России: Жакерию 1358 г., восстание Уота Тайлера 1381 г., Крестьянскую войну в Германии 1524—1526 гг., восстание Роберта Кета 1549 г. в Восточной Англии, восстание Ивана Болотникова 1606—1607 гг., крестьянские войны под предводительством Степана Разина 1670—1671 гг. и Емельяна Пугачева 1773—1775 гг. в России и т.д. Сходство, близость побудительных мотивов действий крестьян в каждом случае историку понятны, как ясно и то, что суть мотивации всегда проявляется в столь конкретной обстановке, что ни о каком тождестве этих однопорядковых явлений говорить нельзя. Отсюда понятен различный ход этих движений и столь разные результаты — от уничтожения остатков крепостничества в Англии (восстание Уота Тайлера) до реставрации крепостнических порядков в восточных землях Германии (после Крестьянской войны).

Такова природа причинно-следственных связей в истории: они являются единством конкретного, самобытного, индивидуального и повторяющегося, сходного, общего. Это объясняется мотивацией человеческой деятельности, одним из фундаментальных источников формирования которой является окружающая индивида среда. Индивидуальные или коллективные человеческие интересы, цели, желания, страсти составляют мотивы поведения индивидов и масс, т.е. становятся причинами этого поведения. Отсюда следует, что причины, а значит, и результаты действий, т.е. события, ими порожденные, всегда и неизбежно конкретны, своеобразны, индивидуальны. В таком виде перед мысленным взором историка предстает любое событие. Мысленный образ события неизбежно искажается, если не учитывать его особенности. Это относится в равной мере и к событиям любой пространственно-временной протяженности и причинам, их породившим.

События, как и их причины, различаются масштабом действия. Так, причины поражения Наполеона при Ватерлоо — один уровень, факторы, приведшие к объединению Германии, — другой уровень, причины падения Западной Римской империи — третий уровень, причины разрушения средневековых порядков — четвертый уровень и т.д. Вместе с тем эти причины объединяет нечто общее: они во всех случаях конкретны, действовали в строго определенных условиях места и времени, вне которых лишены своего значения и смысла. Причины поражения Наполеона при Ватерлоо зримы, вполне проявляются в конкретной ситуации события — численном превосходстве союзников, своевременном подходе прусских войск Г.Л.Блюхера, даже насморк Наполеона играет роль. Причины же, которые привели в действие механизм объединения Германии, недоступны во многом простому эмпи-

рическому наблюдению, не лежат на поверхности событий и требуют понимания причин слабости государства в Германии на протяжении всей средневековой истории и возникновения тенденций к ее усилению и единству в условиях нового времени. Уровень мышления в данном случае предполагает обобщения, абстракции, связанные не только с пониманием данного события, но и в значительной степени истории в целом. Подобно этому объяснение крушения средневековых распорядков требует понимания того, что такое феодализм, рента, частная собственность, правовое государство и т.д. В таких случаях мышление историка отходит от конкретной действительности, но не порывает с ней, а вырабатывает на ее основе обобщения, абстракции, приводящие к пониманию скрытой от поверхностного наблюдения сути явлений.

Высшим, предельным уровнем такого обобщения являются законы. О каких же научных открытиях, абстракциях этого уровня, сделанных не только историками, можно говорить?

Прежде всего к ним относится *закон стоимости* шотландского экономиста и философа А.Смита (1723—1790). Ученый установил, что источником стоимости является всякий труд, независимо от его производственного характера. При этом А. Смит высказывал мысль о том, что капиталистическая прибыль и земельная рента представляют собой вычет из продукта, созданного трудом рабочих. Тем самым он приблизился к пониманию источника прибавочной стоимости, который был позже определен К. Марксом. Можно возразить: но ведь это законы экономические, а не исторические. Действительно, экономические отношения — это вполне определенный сектор, класс исторической реальности, а вовсе не реальность как таковая во всем ее объеме. Однако экономика — это вид человеческой деятельности, она не существует изолированно от других сфер человеческого поведения или сферы духа — политики, психологии, веры в Бога или безверия, культуры и т.д. В конечном счете нет исторических законов, которые бы не были вместе с тем демографическими, экономическими, психологическими и т.д. Их единство заключается в том, что они являются законами определенных исторических ситуаций; конкретные исторические факторы — экономика, духовные явления, демография и др. — никогда не действуют обособленно и не определяют сами по себе закономерности исторического развития.

К числу научных открытий на уровне законов истории относится *закон классовый борьбы* в двух вариантах: первичном, авторами которого были французские либеральные историки периода Реставрации О.Тьерри, Ф.Гизо (1787—1874), О.Минье (1796—1884), и марксистском. Между ними существуют различия терминологического характера (в первом случае борьба классов рассмат-

ривалась как борьба рас, а в другом — как борьба классов) и различия по сути, касавшиеся происхождения классов, и т.д. Формы социального протеста (по марксистской терминологии — классовая борьба) сопровождают развитие истории от древности до современности. Будучи насильственными (восстания, революции и т.д.) или мирными (забастовки, акции гражданского неповиновения и др.), они имеют одну общую объективную основу, проявляющуюся, однако, в каждое время в своей особой конкретной исторической форме и сути (имущественное, правовое, кастовое и иное неравенство).

Крупным научным достижением, далее, является открытие американским историком и этнографом Л.Г.Морганом (1818 — 1881) *законов эволюции форм брака и семьи* от групповых к индивидуальным, представления о роде как универсальной исторической основе первобытного общества, о развитии собственности от коллективных форм к частной. Последующее развитие научного познания в целом подтвердило основные выводы и обобщения Л. Г. Моргана.

К научным открытиям относятся также *законы диалектики*, открытые Г.Гегелем, — закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания. Согласно философу, Новое время можно рассматривать как отрицание отрицания Античности. Такое обобщение имеет глубокий исторический смысл и учитывает логику развития исторического процесса, выражающуюся во взаимосвязи и взаимоотношении трех исторических эпох — Античности, Средних веков и Нового времени. Конечно, этот закон раскрывает суть исторического развития только в сочетании с менее широкими обобщениями, отражающими уровень понимания и объяснения каждой из эпох в отдельности.

Принципиально важное значение имеет вопрос о соотношении законов истории и законов природы. Сходство между ними состоит в том, что в обоих случаях речь идет о законах объективной реальности. Далее, законы истории, как и законы природы, могут формироваться (выводиться, открываться) лишь как эмпирические обобщения, обобщения на основе фактов, следовательно, они подтверждаются или опровергаются фактами. Однако и в реальности, и в способах познания законы истории имеют фундаментальные отличия от законов природы. Прежде всего законы истории, как и все, что ее составляет, — это продукт человеческой деятельности. Законов, которые бы находились «вне» людей, «над» ними, в истории не существует. Законы природы проявляются вне сферы сознания, воли и деятельности людей. Люди творят историю, исходя из тех условий, которые каждое поколение получает в качестве продукта деятельности предшествующих поколений. «Выпрыгнуть» из этих условий, как исходного пункта деятельности, встать над ними или

пренебречь ими они не могут. Эта *обусловленность человеческой деятельности предшествующим ходом исторического развития и есть одно из проявлений реализации исторической необходимости, выражение закономерного характера исторического развития.*

Однако человеческая деятельность всегда конкретна и предметна. В этой ситуации законы истории действуют не как некое общее правило, в одинаковых степени и форме проявляющееся во всех конкретных случаях, а в качестве некой тенденции, т. е. в разной мере в отношении различных конкретных исторических обстоятельств и условий. В мире природных явлений одна и та же причина имеет в одинаковых условиях одни и те же последствия, в мире же общественных явлений этого не бывает. Причина этого кроется в абстрактном выражении, т. е. в формулировке. В реальности причина всегда конкретна — будет всегда и с неизбежностью иметь в той или иной мере разные последствия, поскольку она никогда не действует в совершенно одинаковых обстоятельствах.

Одной из закономерностей перехода от Средних веков к Новому времени было формирование абсолютизма. В странах Западной Европы абсолютизм был общим явлением, однако в каждой из них он имел свои особенности, не только внешние, но и затрагивавшие и его сущность. Становление феодальных отношений в широком смысле слова, т. е. формирование нового общества в целом, было общей закономерностью перехода от Античности к Средневековью, которая особенно рельефно проявилась в странах Западной Европы. Но эта закономерность по-разному проявилась в разных странах (различия в темпах, интенсивности развития, уровне зрелости). Во всем этом нет и намека на сходство с естественно-научной закономерностью, как некоего равновеликого и равнозначного соотношения причин и следствий, простой суммы числовых величин физических тел и сил, что имеет место, например, в законах классической механики, открытых И. Ньютоном и другими учеными-естественниками.

Особенности действия законов общественной исторической реальности определяют особенности их познания. В о-первых, они не могут быть познаны и сформулированы в качестве абстракций, обобщений вне времени и пространства. Они всегда являются обобщениями по поводу конкретных исторических условий и ситуаций. В о-вторых, эти законы могут быть открыты и сформулированы лишь в условиях более богатого конкретного содержания. Так, закон стоимости действовал уже в эпоху Античности, хотя открытие его А. Смитом стало возможным на том уровне развития общества и производства, когда равенство рабочих сил и видов трудовой деятельности стало фактом. Равным образом, закон классовой борьбы в марксистском варианте был открыт, когда акты социального протеста приобрели наиболее яс-

ную и четко различимую форму, связанную с возникновением производства с присущим ему противоречием между капиталом и наемным трудом. Следовательно, сама возможность открытия закона истории зависит от степени и уровня развития общества, а не только от развития научного познания; законы природы существовали задолго до их открытия, но само это открытие зависимо только от уровня развития науки.

Следует подчеркнуть, что и в самой объективной исторической реальности действие законов проявляется вполне, только когда эта реальность достигает в своем развитии зрелых, сложившихся ступеней и форм. Французский абсолютизм был самой крайней, неограниченной из всех известных разновидностей этого типа власти, что было обусловлено мощью французского дворянства, в Средние века — поляризацией в имущественном, социальном, сословном и других отношениях. Ренессанс, будучи общей и закономерной чертой развития многих стран, раньше всего проявился в Италии и достиг здесь самых зрелых, классических форм. Он был следствием прежде всего раннего, быстрого появления и развития в этой стране ростков тех новых общественных, экономических отношений, которые утвердились в мире с переходом к Новому времени, хотя в самой Италии к концу XVI в. они были практически уничтожены.

Таким образом, социальный детерминизм, действие причинно-следственных связей самого разного уровня — от элементарных до фундаментальных, отражающих глубинных, закономерных свойства исторических явлений, — пронизывает весь исторический процесс. Однако детерминизм не исчерпывает сути этого процесса по той простой причине, что поступки и поведение людей детерминированы не исчерпывающим образом: в рамках необходимости существует выбор поведения, свобода. Жизнь, история постоянно ставит человека перед выбором варианта поведения, что в равной мере относится как к личной, частной жизни, так и к общественным явлениям и процессам. Так, на военном совете в Филях М. И. Кутузов сделал свой выбор, взяв на себя ответственность за исход войны с Наполеоном.

Не существует абстрактной необходимости, как и свободы: в рамках конкретной ситуации индивид или общество свободны в выборе столь же конкретного варианта поведения или действий. Создается впечатление: сначала необходимость, а потом свобода выбора. Это было бы верным, если бы необходимость представляла собой некий надличный, а по отношению к объективной действительности — надисторический фактор. Но это не так, историческая необходимость в любом случае реализует себя через деятельность людей. В начале любой деятельности лежат человеческий интерес, выбор решения, воля и действие. Человеческий фактор с неизбежностью порождает различие интересов, но также и

их сходство в определенных исторических ситуациях. Сходство становится источником формирования вариантов поведения людей при решении тех или иных общественных проблем. Для обозначения этих вариантов историки пользуются понятием *альтернатива*¹. Понятие альтернативности и исторической необходимости внутренне взаимосвязаны и отражают природу исторического действия по отношению к самым разным его уровням и масштабам, в том числе и по отношению к развитию истории в целом. В чем же заключается упомянутая взаимосвязь?

Реализация исторической необходимости, в том числе на уровне закона исторического развития, никогда не бывает изначально кем-то или чем-то заданной и однозначной. Фактор свободы воли приводит к тому, что в ходе реализации исторической необходимости формируется, как правило, несколько альтернативных вариантов решения назревшей проблемы. Происходит столкновение альтернатив — мирного или насильственного решения проблемы. Результат столкновения и есть окончательный продукт реализации исторической необходимости, название которого — история. В ходе борьбы альтернатив история выбирает свой путь, тот ее ход, который в качестве однозначного (инвариантного) процесса развития и должен изучать историк. Заявление историка о том, что история пошла не так, выглядит столь же непрофессионально, как если бы, предположим, биолог стал жаловаться на примитивизм, несовершенство амёбы. По отношению к реализованному варианту развития событий задача историка двойка: показать, как произошли эти события, и объяснить, почему они произошли именно так, а не иначе. Объяснение будет убедительным, если историк изложит суть и тех вариантов (варианта), которые оказались нереализованными. Это помогает понять, что избранный ходом событий путь в любом случае не был predetermined, запрограммирован, а был выбран в ходе развития события в конкретной ситуации.

Приведем примеры. Один из них — объединение Германии, которое стало реальностью в 1871 г. Первой попыткой решения этой проблемы была деятельность Франкфуртского парламента в годы революции 1848 — 1849 гг. Крах этой попытки не устранил необходимости решения назревшей проблемы, от чего зависело будущее Германии. Борьба за объединение страны перешла в другую плоскость — от мирного, конституционного пути к столкновению альтернативных вариантов: велико- и малогерманского путей к единству. Проблема была решена на полях сражений, победил малогерманский путь.

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории; Смоленский Н. И. Проблема выбора пути развития в свете логики общеисторической эволюции // Новая и новейшая история. — 1999. — № 4.

Другой пример — Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России. После свержения самодержавия в ходе Февральской революции 1917 г. определились основные альтернативные варианты развития событий, представленные: 1) Временным комитетом Думы; 2) Временным правительством; 3) Учредительным собранием; 4) корниловским мятежом; 5) большевиками. По отношению к свергнутой самодержавной власти они были в равной мере нелегитимными, каждый из них представлял свой особый путь развития России. Столкновение этих вариантов привело к победе большевистской альтернативы, отношение к которой было, есть и еще очень долго будет самым разным, что связано с различием интересов и позиций людей. Однако это проблема выбора отношения к прошлому, а не выбора самого прошлого: прошлое выбрать невозможно, оно одно у всех, прошлое безальтернативно — так пошла история.

Понятие «альтернативность» относится к реально совершающейся истории. Всегда ли у людей есть выбор? Многообразие конкретных исторических ситуаций не дает однозначного ответа на этот вопрос, хотя обреченность на безальтернативность является скорее исключением из правила, чем правилом. Возможности выбора меняются в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Таким образом, побуждения, мотивы, интересы, потребности людей становятся причинами их поведения, деятельности; действие причинно-следственных связей создает необходимость. Но понятие необходимости не исчерпывает всей сути деятельности людей, в ней с неизбежностью присутствует то, что относится к категории *случайность*. Что такое случайность и каково ее отношение к необходимости? В развитии философско-исторической мысли соотношение необходимости и случайности понималось по-разному. В просветительском понимании истории наряду с признаками ее закономерного характера огромная роль отводилась случайности. Широко известный пример — оценка просветителями эпохи Средневековья. По мнению Вольтера, Средние века — случайность, нелепая ошибка истории. А ведь речь идет о более чем тысячелетнем периоде исторического развития! Позитивисты, напротив, практически отвергали случайность, опираясь на изложенное понимание законов истории. Г.В.Ф.Гегель органически увязывал необходимость со случайностью. В советской историографии высказывалась следующая точка зрения: «...из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а потому никогда не устанавливаемых наукой полностью "случайных" воль, поступков, событий, действий»¹.

¹ Гуревт А. Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. — М., 1969. — С. 77.

Каков наиболее рациональный вариант решения данной проблемы? Прежде всего следует признать, что как необходимость, так и случайность являются столь же реальными объективными свойствами истории, как и сама история в целом. Случайность — состояние истории, а не продукт мышления, которое лишь по ошибке выводит ее за рамки истории. Другой и столь же очевидной ошибкой мышления является отождествление категорий «случайность» и «необходимость», что выражается в оценке закономерности в качестве простой арифметической суммы случайностей. При таком подходе один из терминов оказывается лишним, что свидетельствует об отрицании разницы между необходимостью любого уровня и случайностью. Но она существует, хотя и не может быть сформулирована однозначно.

Прежде всего она заключается не в том, что в основе необходимости действуют причинно-следственные связи, а в том, что случайность этого лишена — в реальной действительности все происходящее чем-то обусловлено, детерминировано. Множество переплетающихся причинно-следственных связей дает результат — событие, что имеет равную значимость для событий любого масштаба по их пространственно-временному измерению. Очевидно и другое: причины любого события бывают важными, не очень важными и несущественными. После одного из проигранных сражений Наполеону принесли список перечня причин поражения французской армии, состоящий из 18 пунктов. Прочтя первый пункт: «Не было снарядов», Наполеон не стал знакомиться с перечнем дальше. В таких ситуациях мышление историка делает вполне обоснованный вывод: случайность — это то, что не оказало сколько-нибудь заметного влияния на ход событий, чем можно пренебречь, добиваясь понимания и объяснения изучаемого. В этом смысле необходимость и случайность являются противоположностями. Можно сказать: необходимость — это то, что произошло и в данной ситуации не могло не произойти, случайность — это то, что имело место, но чего в данной ситуации могло и не быть. Однако вывод, что все малозначашее — случайность, не имеющая никакого значения в ходе реализации необходимости, ошибочен.

Приведем примеры. Глубокой осенью 1517 г. в окрестностях Виттеберга имела место прогулка двух монахов — М. Лютера и И. Тецеля. Прогулки бывают самыми разными, в данной ситуации эта прогулка вполне обоснованно может быть квалифицирована как случайность, но не вообще, безотносительно к чему бы то ни было, а к тому, что уже никак не может быть названо случайностью — реформации в Германии.

Арест Людовика XVI во время попытки его бегства из Франции был чистой случайностью: по изображению на монете его узнал Друз — человек, не принадлежавший к страже короля. Конечно, на эшафот Людовика XVI привела революция, однако помогла в этом случайность.

В начале своей военной карьеры Наполеон в наказание за проступок был посажен в карцер, в котором валялся учебник по древнеримскому праву. Впоследствии, при составлении свода законов, именуемого кодексом Наполеона, он удивлял юристов точным знанием параграфов древнеримского права — помогла случайность.

Случайность причастна к реализации исторической необходимости или даже имеет принципиальное значение в ходе ее реализации, но этого никогда не происходит, так сказать, с железной, неуклонной необходимостью явлений природной среды. Вторжение природных явлений в деятельность человека также может быть отнесено — смотря по обстоятельствам — к категории случайности, однако и этот факт не отрицает разницы в реализации необходимости истории и в природе. В области общественных явлений реализация необходимости может зависеть от немногого, висеть на волоске, достаточно вспомнить предупреждение В.И.Ленина относительно даты выступления против Временного правительства: 24-го — рано, 26-го — поздно.

Наконец, к случайности можно относиться, как к тому, что в конкретной ситуации внезапно вторгается в данный ход событий и что с точки зрения участников этих событий является неожиданным, что невозможно предвидеть или предусмотреть. Случайность в этом смысле — это вмешательство одних причинно-следственных связей в другие. Без такого пересечения истории не бывает.

Возможно ли в калейдоскопе исторических событий, уникальных цивилизационных феноменов, общественных потрясений и катастроф, сменяющихся периодов подъема и упадка выявить какие-либо сквозные векторы изменений, определяющие логику движения истории, ее развитие в целом? Иными словами, какова динамика исторического развития?

В философско-исторической мысли существуют три основных варианта постановки и решения проблемы динамики исторического развития: теория цикличности, теория прогресса и теория упадка (регресса). О научной значимости данной проблемы в известной мере свидетельствует тот факт, что ее пытались осмыслить еще древнегреческие историки, которые придерживались *циклической теории динамики исторического развития*. Движение истории они рассматривали и как смену циклов, основу которых, по их мнению, составляли формы государственно-политического устройства и правления — аристократия, демократия, тирания и т.д. В эпоху Античности у древнегреческих историков линейного представления о времени, о его необратимости не существовало: время возвращается, следовательно, возвращаются и события. Фукидид, например, считал, что при сохранении единой и неизменной человеческой природы (что является важной общей предпосылкой циклической теории) то или иное событие может повторяться¹. Хронология в обычном для нас смысле в этом варианте исторического мышления была обстоятельством второстепенного значения. Привязка событий ко времени их свершения делалась, например, Фукидидом следующим образом: «целый год после морской битвы», «в этот год», «в это же лето», «следующей зимой», «на следующий день» и т.д. Примерно так же описываются исторические события и в трудах Древнеримских историков — Ливия (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) и Тацита².

В измененном виде идею цикличности исторического развития отстаивал Дж.Вико (1668—1744). Он различал три эпохи разви-

¹ См.: *Фукидид*. История. — I, 22, 4.

² См.: *Тит Ливий*. История Рима от основания города. — XVIII, 24; XXIII, 30, 13; XXIII, 30, 18; *Тацит*. История. — III, 61, 62; IV, 19; V, 48.

тия человечества — божественную, героическую и человеческую. Цикл начинается, по мнению Дж.Вико, в том случае, когда старое общество завоевывается новым варварством, или когда разлагающееся общество, предоставленное самому себе, переживает упадок, возвращающий его в первобытное состояние. В таких ситуациях цикл начинается снова.

С развитием исторического познания идея обратимости исторического процесса в буквальном ее понимании все больше теряла свою привлекательность. Реализм исторического мышления, выражавшийся в убеждении в неповторимости конкретно-исторического характера и смысла явлений общественной среды, все чаще давал о себе знать. Однако определенные рецидивы идеи обратимости исторического развития имели место во второй половине — конце XIX в. в немецкой историографии с ее представлением об истории как сфере господства индивидуального. Речь идет о Т. Моммзене и еще в большей степени об Э. Мейере (1855 — 1930). Элементы теории цикличности проявляются в обоих случаях в модернизации прошлого, преимущественно Античности как предмета их исследовательских усилий. Т. Моммзен одним из первых подошел к Античности с точки зрения порядков, присущих капитализму XIX в. В античном обществе он обнаружил пролетариев, наемный труд и капитал. Данное представление верно лишь в том смысле, что в Древнем Риме существовало товарное производство с денежным и ростовщическим капиталом и элементами найма. В действительности древнеримскую эпоху нельзя считать стадией промышленного фабрично-заводского производства, по отношению к которому только и применимо понятие «капитализм». Еще в большей степени модернизация Античности характеризует взгляды Э. Мейера. Историк механически переносил на Античность категории другого общества. По мнению Э. Мейера, гомеровская Греция — Средневековье, классический период — капитализм, Древний Рим — классический период капитализма, причем капитализм рассматривался историком в качестве высшей ступени развития общества². Современное историческое познание уже не знает таких попыток модернизации прошлого. Это лишь подтверждает ущербность циклической теории в свете современного уровня научных представлений.

Теория прогресса была широко распространенным вариантом представлений о динамике исторического развития в историографии эпохи Просвещения. «Все к лучшему в этом прекраснейшем

¹ См.: *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. — М.; Л., 1940.

² См.: *Ефимов А. А.* Проблема динамики исторического развития в трудах Теодора Моммзена и Эдуарда Мейера: автореф. ... дисс. канд. ист. наук. — Пенза, 2003.

из миров» — это представление, по мнению просветителей, является одним из законов истории. Вера в прогресс была связана у большинства просветителей с их глубокой верой в торжество разума. Вера в разум представляет собой фундаментальный принцип исторического мышления историков эпохи Просвещения. Они стремились опираться на разум, как на верховный авторитет, в соответствии с чем вера в Бога изгонялась из понимания истории. Разум правит миром, мир должен быть построен по законам разума, тогда наступит царство разума и справедливости на земле — таково глубочайшее убеждение просветителей. Следовательно, правильное устройство общества может быть достигнуто путем просвещения, когда истина становится достоянием возможно большего количества людей. Прогресс в понимании просветителей — движение общества от низших форм общества к высшим. Это движение является всеобъемлющим, охватывает все сферы жизни людей, это движение к лучшему, к благу. В качестве показателей прогресса выделялись развитие средств трудовой материальной деятельности, свобода человеческой личности, главное же — развитие знаний, образования, просвещения.

Просветители заложили основу того понимания прогресса, которое видоизменялось, дополнялось и развивалось в дальнейшем в философско-исторической мысли. Одним из важных элементов осмысления идеи поступательного развития истории был отход от абстрактного понимания этого развития в качестве прогресса вообще к его оценке как прогрессивной смены стадий. Впервые идея прогресса как закономерной смены общественных систем (стадий) была предложена К.А. Сен-Симоном (1760—1825). Он выделял стадии политеизма, монотеизма и промышленную стадию. По его мнению, каждая система развивает до возможного уровня все заложенные в ней элементы, после чего наступает период ее кризиса и упадка, а в ее недрах созревают элементы, приводящие к установлению новой общественной системы. Следует отметить принципиальное сходство этого понимания прогресса с просветительским: в обоих случаях основой и движущей силой прогресса является идеальное, духовное начало: знания — в первом случае, идея — во втором. Развитие религиозных идей и смена их светскими — вот основа прогресса по К.А. Сен-Симону. Впрочем, этот мыслитель не столь односторонен. По его мнению, нет изменения общественного строя без изменения формы собственности. Форму собственности К.А. Сен-Симон считал основой общественного здания. Кроме того, смену общественных систем Мыслитель связывал с борьбой заключенных в недрах этих систем общественных прослоек. Так, например, борьба феодалов и про-

¹ См.: *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. — М., 1958.

мышленников, по его убеждению, привела к Французской революции¹.

Концепция прогресса как смены общественных систем и стадий отчетливо выражена в социологии позитивизма. О. Конт (1798 — 1857), по существу, воспроизводит, хотя и в иной терминологии, схему стадий К. А. Сен-Симона, поскольку в основе стациональной эволюции, по его мнению, лежит развитие идеи от теологического до светского ее смысла и значения. В соответствии с этим речь идет о трех ступенях общественного развития: теологической, метафизической и позитивной². Философия истории Г. В. Ф. Гегеля пронизана идеей прогресса как развития в сознании свободы. Он выделяет ступени этого поступательного развития от восточного мира, где свободным считал себя только деспот, до германского мира, где перед лицом Бога свободными осознали себя все христиане³.

Марксистский вариант методологии истории, напротив, неразрывно связывает идею прогресса со сменой стадий — форм собственности и соответствующих им производственных отношений как закономерных ступеней экономического развития. Это представление, по мысли К. Маркса, применимо, хотя и в разной степени, ко всем областям человеческой деятельности. Одной из самых фундаментальных предпосылок прогресса в марксистской методологии истории выступает область материальных отношений: прогресс обусловлен прежде всего переходом к более высоким формам общественного производства, основанным на росте производительной силы труда. Этот рост приводит к тому, что результаты материальной трудовой деятельности используются очень широко, но не в целях поддержания самой рабочей силы. Очевидно, что без изменения этого показателя жизнедеятельности, господствовавшего на ранних этапах эволюции общества, ни о каком прогрессе говорить нельзя.

Вместе с тем прогресс в марксистском его понимании не сводится лишь к материальному фактору как единственной своей основе. Он рассматривается в качестве продукта взаимодействия различных факторов — экономического, политического, духовного и т.д., при основополагающем значении области материальных отношений. Более того, уже в поступательном развитии самого материального производства рост ее производительной силы осуществляется не всегда естественным, так сказать, путем, а как в эпоху рабовладения — на основе превращения человека в разновидность орудия труда (в Древнем Риме — *instrumentum vocalem* —

¹ См.: Волгин В. П. Сен-Симон и сен-симонизм. — М., 1961.

² См.: Конт О. Курс положительной философии : в 2 т. — СПб., 1899—1900. — Т. 1.

³ См.: Гегель Г. Лекции по философии истории.

говорящее оружие). «Таким образом, — писал Энгельс, — насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему»¹.

В XX в. различные варианты философии и методологии истории также включали в себя категорию «прогресс». Одной из таких концепций была философия истории экзистенциализма. Понимание прогресса в данном случае характеризуют две особенности: отход от стадийного подхода и приоритет духовной составляющей. К. Ясперс пользуется понятием «осевое время» (период между 800 и 200 г. до н.э.). Осевое время — это эпоха становления некой общей для всего мира духовной философской основы, веры, сформировавшей тип человека, существующего и поныне. Данное представление свидетельствует о разновидности линейного понимания истории как поступательного процесса, высшей фазой которого признается современный мир. Однако эта поступательность, по мнению К. Ясперса, не является сменой стадий. Ученый рассуждает о прогрессе вообще, причем понятие «прогресс» охватывает не всю деятельность человека в истории, а подразумевает всего лишь рост знаний, умений, навыков и возможностей в области техники. Что же касается природы человека, а это, по понятиям К. Ясперса, главное — она поступательному развитию не подвержена².

Отметим: даже если под техникой понимать, подобно К. Ясперсу, совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой, нельзя не признать, что происшедший в конце XVIII в. промышленный переворот представляет собой не просто некое очерченное звено в развитии техники, а особую ее фазу, не имеющую какого бы то ни было аналога раньше. Чтобы это понять, необходимо рассматривать данную фазу в качестве особой стадии развития производства, а также и стадии исторического развития в целом. По мнению К. Ясперса, впервые промышленный переворот таким образом рассмотрел К. Маркс, хотя он и сводил его лишь к техническому перевороту³. Следовательно, невозможно добиться состоятельной научной трактовки поступательно-прогрессивного характера развития истории в обход стадийного подхода, отражающего качественное своеобразие не только отдельных явлений, но и целых исторических эпох.

Идею прогресса включает в себя современная теория модернизации. Она представляет собой спектр разнородных концепций, с помощью которых историки, социологи, политологи и экономисты стремятся ответить на вызов времени. Проблема состоит в поисках наиболее рациональных, «модернизированных», по их

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. - Т. 20. - С. 185.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории.

³ Там же.

понятиям, вариантов развития, прежде всего стран Запада, хотя речь идет, как правило, о теоретических построениях общесоциологического характера. Теория модернизации истолковывает развитие истории в течение последних столетий как совокупность процессов роста, повышающих способность социальной системы к саморегулированию, обретению ею все большей устойчивости, нового качества и ценностей в самых разных сферах жизни — экономической, политической, социально-психической. В одних случаях эти сферы рассматриваются в той или иной мере в их взаимной связи (У.Ростоу, Г.-У. Велер), в других — в форме отрицания концепций взаимосвязанного экономического, социального, культурного и политического развития (С.Хантингтон)¹. Географическим и смысловым центром модернизации мыслится, как правило, Западная Европа, откуда она распространяется на весь мир. Переход от прежнего, «традиционного», общества к новому, «модернизированному» представляет собой, согласно сторонникам этой теории, поступательное развитие, прогресс, причем данный переход является необратимым. Что же касается критериев модернизированности, то их набор у разных авторов различен (многофакторность). Исследователи по-разному оценивают значимость того или иного фактора в реальном развитии. Так, например, в отличие от теории индустриального общества, признающей политику подчиненной сферой по сравнению с экономикой, в разновидностях концепций модернизации на первый план выдвигается политика, либо теоретики модернизации считают определяющими личностные, социально-психологические и тому подобные факторы. Критериями модернизированности в других вариантах представлений выступают развитие знаний и образования, социальная мобильность, секуляризация религиозных представлений и т.д.

Самым значимым результатом исследований представителей теории модернизации является вывод о необратимости исторического развития, в чем нельзя не заметить проявления скрытой или явной полемики со сторонниками циклического развития истории, и признание поступательного характера этого развития.

Вера в разум, в прогресс и оптимизм были отличительными чертами философско-исторической мысли XVIII—XIX вв. В XX в. настроения заметно меняются, появляется *негативное отношение к прогрессу*, пессимизм становится основной особенностью мышления. В частности, это относится к представителям общественной науки XX в. — О.Шпенглеру, А.Тойнби, А.Хейзинги (1872 —

¹ См.: *Rostow W. W.* The stages of economic growth. — Cambridge, 1960; *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsge-schichte. — Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. — Bonn, 1978; *Huntington S.P.* Political development and political decay // World politics. — 1965.

1945), философии истории Франкфуртской школы и др. «Утрата глобальной исторической перспективы, смысла и идеалов общественного развития — очевидный итог эволюции западной исторической мысли нашего столетия»¹. Такой итог является следствием развития научного познания и в конечном счете развития самого общества, тех изменений, которые произошли в XX в.

В некотором смысле научным прозрением можно считать представления Ж.Ж.Руссо, в которых проявляется неоднозначное отношение философа к теме прогресса. Мыслитель отходит от односторонне-просветительского понимания прогресса лишь как движения к благу. Его позиция согласуется с этим лишь отчасти: прогресс имел место на протяжении первого, общественного, или естественного, состояния общества, когда люди не знали несчастья, свойственного цивилизованным обществам, — угнетения, частной собственности, когда все были свободны. Однако человек обладает способностью к развитию, самосовершенствованию. Толчком к этому является размножение людей, заставляющее их думать о добывании средств к существованию. Важнейшее значение в связи с этим имеют изобретение металлических орудий труда и переход к земледелию. Это — движение к благу, человек стал производить больше, чем ему было необходимо для поддержания жизни; в этом — и зло, так как здесь кроется источник будущих несчастий. «Железо и хлеб погубили человеческий род»², — утверждал Ж.Ж.Руссо. Они привели к возникновению собственности, появилось имущественное неравенство, государство. Таким образом заканчивается период естественного состояния как синоним всего самого лучшего, что когда-либо было у людей. Возможностей возврата к нему Ж.Ж.Руссо не видит, и вся последующая жизнь людей представляется ему как цепь несчастий и упадка.

Ж. Ж. Руссо впервые и столь определенно обнаружил противоречивость исторического прогресса: прогресс имеет не только положительные, но и негативные стороны и результаты. Развитие истории во все времена было неоднозначным, хотя понимание этого в XVIII в., как и мрачный взгляд на мир, было для того времени скорее исключением, чем правилом. Оптимизм, вера в разум в тот просвещенный век не являлись всего лишь продуктом мыслящего рассудка, они гармонировали с духом времени, с новым обществом, возникающим на обломках старого средневекового строя, и надеждами, порождаемыми этими событиями.

XX век — иное время и во многом иные взгляды. В это время вера в прогресс была в значительной мере поколеблена. Концепция единого процесса, восходящего развития человечества сме-

¹ *Губман Б. Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. — М., 1991. — С. 160.

² *Руссо Ж.Ж.* О причинах неравенства. — СПб., 1907. — С. 78.

няется концепцией цивилизаций (культур) со своей особой в каждом случае орбитой движений, но с одной общей особенностью: этапы этого движения напоминают физиологические стадии развития живого организма. Так думали — с более или менее существенными различиями во взглядах — О.Шпенглер, А.Тойнби, П. Сорокин и др. Нельзя не заметить: в этих взглядах имеет место опора на идею прогресса как один из элементов динамики развития цивилизации.

Понятие «прогресс» не было изъято из словаря историка. Восходящая фаза развития цивилизации рассматривается А.Тойнби через призму категории прогресса¹. Отказ от идеи прогресса по отношению к истории в целом не означает, таким образом, отказа от ее применения для характеристики этапов движения цивилизации. Поступательный характер развития истории заявляет о себе и в этом варианте мышления. Что же касается мотивов пессимизма, неверия в общеисторический прогресс, то это связано почти исключительно с постановкой вопроса о судьбе, грядущем западной цивилизации. В самых мрачных тонах ее будущее представлялось О.Шпенглеру, менее трагичным и безысходным — А. Хейзинге, А. Тойнби. Мотив трагической обреченности во взгляде на будущее Запада звучит в книге современного американского публициста П.Дж. Бьюкенена, о чем говорит уже ее название — «Смерть Запада», но еще больше — ее содержание: «...смерть Запада — не предсказание, не описание того, что может произойти в некотором будущем; это диагноз, констатация происходящего в данный момент»². О грядущем и скором закате Америки с ее статусом гегемонии в однополярном мире вполне определенно пишет профессор школы международных отношений при Джорджтаунском университете Ч. Капхен. Причем столь же определенно называются и причины этого: неизбежность возврата многополюсного мира, приводящего к утрате гегемонии США, и переход от индустриального капитализма к господству производства, основанного на информационных технологиях. Результатом последнего автор считает кризис традиционной американской семьи и ряд других негативных последствий³.

Эволюция мышления от преобладающе положительного отношения к идее прогресса к растущему ее отрицанию стала следствием реальности истории XX в. и не может быть понята лишь в качестве особенности, внутренне присущей научному мышлению как таковому. Впрочем, отказ от идеи прогресса начался уже во

второй половине XIX в. (взгляды Н.Я.Данилевского, Ф.Ницше и др.). К числу упомянутых реалий относятся прежде всего Первая и Вторая мировые войны. Вот как отреагировал А.Хейзинга на начало Первой мировой войны: «Какой наивной кажется нам теперь восторженная иллюзия прошлого столетия, что прогресс науки и распространение всеобщего образования сулят и гарантируют все более совершенное общество!»¹. А вот что он писал накануне Второй мировой войны: «Было бы, наверное, любопытно представить в виде кривой то ускорение, с которым во всем мире исчезло из речевого обихода слово "прогресс"»².

Конечно же, понятие «прогресс» не исчезло; в этом А.Хейзинга не прав. В данном же случае важно другое: катаклизмы XX в., крушение старых порядков, проявления зла и насилия, достижения научно-технического прогресса, сделавшие реальной перспективу прекращения жизни на земле, не способствовали росту оптимизма в обществе, хотя еще и не было доказано, что человеческий разум в борьбе со злом бессилен и победа зла фатально предопределена. Это уже не история как реальность, даже самая плохая, это плод пораженного пессимизмом воображения. И потому прогресс не состоит в том, чтобы, так сказать, изъять зло из истории, такой история никогда не была и, можно утверждать, — никогда не будет, все дело в соотношении добра и зла, а это всегда зависит от разума и воли людей.

Признание сторонниками цивилизационного подхода к истории кризиса современной им западной цивилизации включало в себя констатацию целого ряда значимых социальных аспектов. А. Тойнби отмечал стихийный характер экономического развития стран Запада, выражал свое несогласие с тем, что в США ликвидированы классы и построено общество, отличающееся от западноевропейского; писал о необходимости ограничения власти монополистического капитала, без чего, на его взгляд, невозможно справиться с решением глобальных проблем — проблем войны и мира, народонаселения³, продовольственной, топливно-энергетической, экологической³.

Еще более определенно социальные мотивы кризиса, который рассматривается как явление глобальной истории, выдвигаются на первый план представителями одного из левых течений в философии истории XX в. — Франкфуртской школы. Наиболее известные из них — Т.В.Адорно, Р.Маркузе, Э.Фромм. В отличие от просветительского упования на разум, веры в торжество разума в истории представители этой школы утверждали культ антиразу-

¹ См.: *Тойнби А.* Постигание истории. — М., 1991.

² *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. — М., 2004. — С. 41.

³ См.: *Капхен Ч.* Закат Америки: уже скоро / пер. с англ. Б.Сыркова. — М., 2004.

¹ Цит. по: Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г.Могильницкого. - Томск, 2000. - С. 210—211.

² Там же.

³ См.: *Губман Б.Л.* Смысл истории.

ма, что выражалось в весьма образных высказываниях. Так, Т.В.Адорно уподоблял разум «насекомому, летящему к свету и ударяющемуся о стекло»¹. Характеризуя положение человека в современную ему эпоху, философ писал о его абсолютном одиночестве, увлекающем за собой в пропасть «всю конструкцию буржуазного существования»², а саму эту эпоху характеризовал как век «распадающегося индивидуума и регрессивных сообществ»³. Признаком всеобщего процесса деградации человечества, по мнению представителей Франкфуртской школы, является отчуждение. Оно — основа «всего негативного, разрушительного», люди «отчуждены друг от друга и от природы радикально»⁴.

Критика Запада и пророчества его конца представителями Франкфуртской школы не исчерпывают всей совокупности их взглядов. Пессимизм характеризует умонастроение не только представителей современных левых — ведь ни С.Хантингтон, ни П.Дж. Бьюкенен, ни Ф.Фукуяма к ним не относятся, притом что у последнего понятие финализма не связано с ощущением каких-то потерь для Америки. Не являются ли эти умонастроения предвестником заката общества, обоснована ли их связь со степенью его развития, зрелости по меркам истории? Даже если будущее покажет реальность такого предположения, это не поставит под вопрос наличие прогресса в широком общеисторическом смысле: он не зависит от судеб какого-либо одного общества или цивилизации.

Что же соответствует реальной динамике исторического развития — оптимизм, светлая вера в разум и прогресс или, напротив, пессимизм и безысходность? Имеет ли понятие «прогресс» рациональный смысл, отражает ли оно объективную динамику исторического процесса? В ряде теорий истории категория «прогресс» не используется. Но без изменений поступательного характера жизнь людей и история в целом обойтись не могут. Есть такие сферы человеческой деятельности, поступательное развитие которых является условием выживания людей. Это прежде всего материальное производство, без развития которого было бы невозможно удовлетворить жизненные потребности людей при постоянном демографическом росте.

Даже при самом мрачном взгляде на историю нельзя не назвать прогрессом рост средней продолжительности жизни людей, что трудно представить без улучшения материальных условий жизни. Совершенствование орудий материального производства и науч-

¹ См.: *Adorno Th. W. Stichworte.* — Frankfurt a. — M., 1969. — S. 45.

² *Adorno Th. W. Negative Dialektik.* — Frankfurt a. — M., 1966. — S. 361.

³ Ibid. — S. 190.

⁴ *Horkheimer M., Adorno Th. W. Dialektik der Aufklärung.* — Frankfurt a. — M., 1969. — S. 2, 270.

но-технический прогресс — неоспоримые свидетельства поступательного развития истории в сфере основ жизнедеятельности, от которой нельзя изолировать, обособить все другие сферы деятельности человека. Факторами прогресса являются рост технологической мощи человека и интеллектуальный рост: при сохранении нейрофизиологических структур мозга человека за последние 35 — 40 тыс. лет информационный объем индивидуального и социального интеллекта увеличился многократно. К этим факторам можно отнести и поступательный рост организационной структуры общества: стадо — племя — союз племен — город-государство — правовое государство — социальное государство.

Столь очевидные свидетельства прогресса сами по себе не раскрывают во всем объеме его природу. Она заключается в том, что прогресс — это движение к благу, но это вместе с тем приносит зло. Так, автомобиль — прогресс по сравнению с экипажем, но это и источник загрязнения окружающей среды. В настоящее время по количеству летальных исходов на первом месте сердечно-сосудистые заболевания, а это — болезнь цивилизации: люди мало двигаются, много нервничают и т.д. Атомная бомба — колоссальное научно-техническое достижение, однако результаты ее применения выглядят прогрессом лишь с точки зрения нездорового мышления. В таком случае можно и изобретение пороха считать проявлением зла, поэтому говорят: все зависит от применения достижений деятельности человека. Однако это не совсем так. Негативные последствия прогресса далеко не всегда являются результатом сознательного намерения. Следовательно, объективное качество прогресса — его противоречивость: он несет и благо, и то, что в известном смысле является злом. Поскольку отрицательные стороны прогресса проявляются независимо от желания и воли людей, сделать так, чтобы прогресс был исключительно движением к благу, невозможно. Плата за прогресс неизбежна. К такому пониманию прогресса — подводят жизнь, история, правда, это порождает и его отрицание в тех или иных случаях. Существование нацистского концлагеря Освенцима стало в XX в. основанием для отрицания прогресса некоторых представителей науки¹. Противоречивость прогресса — каинова печать страданий. Она способствует формированию различных вариантов негативного отношения к идее прогресса, но не делает ни один из них вполне обоснованной научной позицией.

Единство истории и идея прогресса — тесно связанные представления об истории в целом. Единство означает, что поступательный характер развития имеет место во все ее эпохи и что поступательность характеризует все сферы человеческой деятель-

¹ См.: *Adorno Th. W. Negative Dialektik.*

ности как находящиеся во взаимной связи. Понятие же «прогресс» нельзя применить к различным областям деятельности механически, на равных, что объясняется их специфичностью.

Рассмотрим проблему прогресса в духовной сфере. Культура всегда является частью своего времени — по сюжетам и проблемам художественного творчества, его техническим возможностям. Открытие закона перспективы сделало, например, картины художников объемными. В этом смысле нет искусства вообще, оно всегда является продуктом своего времени, порождено им. Но настоящее искусство — живопись, литература, скульптура — находится вне времени, представляет собой достояние поколений. Творческая индивидуальность, уникальность, то, что выводит художественное произведение за рамки жизни художника, неподвластны времени. Эта уникальность, впрочем, не есть только нечто личное, она несет на себе отпечаток времени. Например, дух культуры Ренессанса в целом складывался из определенного сходства творческих индивидуальностей. Но на первом месте, все-таки, творческая индивидуальность художника. В этом отличие искусства от науки, хотя и в одном и в другом случае речь идет о творчестве, но существенно разном по своей природе. «Искусство — это я, наука — это мы», — писал К. Бернар. Таким образом, сказать, что П. Пикассо более прогрессивен, чем Рафаэль, значило бы совершить грубую ошибку. Однако столь же очевидно, что духовность может и деградировать, это зависит от того, каким идеалам она служит. Немецкая живопись эпохи Третьего рейха с его культом грубой силы и расовой теорией — наглядный тому пример. Следовательно, ключ к пониманию духовной значимости искусства находится в конечном итоге в окружающей его общественной среде.

Сфера человеческого духа — это и сфера нравственности. Становится ли человек лучше, т.е. нравственнее? Рассмотрим, как относятся к проблеме прогресса в области нравственности деятели современной культуры. «Станет ли сам человек, гомо сапиенс, совершеннее от своей сказочной деятельности — добрее, милосерднее, совестливее?.. Независимо от расцвета технологии мир становится все более жестоким¹ и движется от плохого к худшему, от худшего к наихудшему» (Ю. Бондарев, писатель). «Людей нельзя сделать нравственными... Людей делают история, религия и культура... нравственность — это система ценностей, которая вкладывается в человека с молоком матери. Людей делает людьми среда: плохими или хорошими» (А. Михалков-Кончаловский, режиссер)². «Кажется, сейчас уже и школьникам ясно, что накопление научного знания и связанный с этим научно-

технический прогресс в никакой зависимости с совершенствованием духовной, этической природы человека и человечества не находятся» (А. М. Курносоев, профессор Российского православного университета). Как видим, деятели культуры отрицают прогресс в области нравственности. И если учесть, что никакой нравственности (как и безнравственности) от рождения не бывает, нельзя не согласиться с другим приведенным выше аргументом: прогресс в области техники, науки, знания не ведет сам по себе к прогрессу нравственности. Знание, образование, ученость — свидетельства интеллектуального, но вовсе не обязательно нравственного роста, причем наиболее убедительно об этом свидетельствуют именно события XX в. с его научно-техническими достижениями. В связи с этим возникает вопрос: «Каковы же критерии нравственного поведения?»

Проблема прогресса в области нравственности нашла отражение в работах представителей рационализма и Просвещения. Ф. Бэкон (1561-1626) и Дж. Локк (1632—1704), Ш. Монтескье и К. А. Гельвеций (1715—1771) убежденно отстаивали идею бесконечного нравственного совершенствования личности. Они не разделяли теологическое представление о врожденности нравственных принципов и стремились доказать связь этих принципов с устройством общества, например с законодательством. «Нет сомнения, — писал Ф. Бэкон, — что вообще распространение добродетели зависит от хорошего устройства общества»². Просветители XVIII в. значительно актуализировали тему нравственного прогресса. В 1750 г. Ж. Ж. Руссо выступил с диссертацией на тему «Способствовал ли прогресс наук и искусств исправлению нравов или их порче?» В ней он весьма однозначно утверждал, что наука и нравственность, добродетель несовместимы. Таким образом, Ж. Ж. Руссо не только различал интеллектуальный рост и нравственность, но и противопоставлял их. Последнее верно только в одном смысле: ученость не спасает от безнравственности. Философ впервые подметил в связи с его тезисом о противоречивости прогресса — отрицательное влияние имущественного неравенства на состояние нравов. Этот факт признали и другие просветители, которые были принципиально не согласны с Ж. Ж. Руссо по части отрицания нравственного прогресса. Например, Д. Дидро (1713 — 1784) считал, что нельзя проповедовать различие между «твоим» и «моим», так как это не ведет к добродетели³. Такие взгляды

¹ Бондарев Ю. Вкус истины // Советская Россия. — 1999. — 11 марта.

² Михалков-Кончаловский А. Преданья старины глубокой // Московский комсомолец. — 2002. — 14 апр.

¹ Курносоев А. М. Об империи света в моем сердце // Советская Россия. — 2001. — 16 окт.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида: Опыт и наставления нравственные и политические. — М., 1954. — С. 121.

³ См.: Дидро Д. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1935. — Т. 2.

просветителей помогают нам разобраться с проблемой нравственного прогресса.

Наиболее полно данная проблема раскрыта в трудах К. А. Гельвеция. В основе его рассуждений о природе нравственности лежит тезис об общественной природе человека, которому следовали просветители, хотя он высказывался в общей форме еще до них, например Т. Гоббсом (1588—1679). К. А. Гельвеций более конкретен. Он писал: «Если бы родившись на каком-нибудь пустынном острове я был предоставлен самому себе, я жил бы, не имея ни пороков, ни добродетелей. Я не мог бы обнаружить ни тех, ни других. Что же следует понимать под словами «добродетельные и порочные поступки»? Поступки полезные и вредные обществу. Эту простую и ясную идею, по-моему, следует предпочесть напыщенному и непонятному словоизвержению о добродетели»¹. Более конкретный смысл понятия нравственности у К. А. Гельвеция состоит в необходимости сочетать личный интерес каждого индивида с интересами других. Правильно понятый личный интерес, эгоизм не несет в себе ничего плохого, если он сочетается с общественным интересом, ибо такова природа человека, обреченного жить вместе с другими, в обществе. Рост нравственности в обществе обеспечивается согласно философу все большей гармонизацией интересов личности и других людей. Таким образом, гармония личного и общего является критерием нравственности².

Такова суть теории разумного эгоизма. Она была порождена условиями той эпохи, в которой интересы личности связывались с частной собственностью. Уровень развития этих отношений в целом уже позволял просветителям утверждать: истинная мораль связана только с частной собственностью. С другой стороны, масштабы развития личной инициативы и степень развития частного интереса в XVIII в. еще не были таковы, чтобы сделать личные интересы господствующими по отношению к общественным. Развитие капиталистических отношений привело к утрате привлекательной теории разумного эгоизма и замене ее тезисом о приоритете интересов личности над обществом. Однако следует признать: теория разумного эгоизма остается самым рациональным вариантом постановки вопроса о прогрессе в области нравственности и его критериях. Она является частью проблемы соотношения личности и общества во все эпохи человеческой истории.

Соотношение личности и общества было особенным в каждое время: подавляющее господство коллектива над личностью

¹ Гельвеций К. А. О человеке. — М., 1938. — С. 121.

² См.: Куликова Н. Н. Содержание и критерий нравственного прогресса. — М., 1966.

как условия ее выживания в первобытном обществе, появление общностей, объединявших людей, равных в правовом отношении и в эпоху Античности; связанность личности коллективом или корпорацией (община, цех, гильдия, сословие и т.д.); в Средние века высвобождение личности от пут этой зависимости, превращение общества в совокупность равных перед законом индивидов, выдвижение интересов личности на первый план, культ индивидуализма в Новое время (последнее относится преимущественно к странам Западной Европы и США); соотношение личности и общества в СССР, своеобразным девизом которого стало: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Следует отметить: такой девиз можно расценить как продолжение традиций русского общества. Вот некоторые примеры влияния этих традиций на умонастроение и поведение людей: «Я делю людей на две категории: тех, кто сначала думает о государстве, а потом о себе, и тех, кто сначала думает о себе, а потом о государстве. Я отношу себя к первому типу» (русский канцлер А. П. Бестужев-Рюмин); «Истинная слава не может быть оценена: она есть следствие жертвования самим собой в пользу общего блага» (А. В. Суворов); «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему Отечеству» (академик И. П. Павлов).

Примеры отказа в той или иной мере от личного, самопожертвование можно обнаружить во все времена человеческой истории. Так, небольшой отряд греков в Фермопилах (480 г. до н.э.) принял решение остаться и погибнуть в ущелье, для того чтобы задержать продвижение армии персов; часть воинов приняла такое решение добровольно. Это поведение — результат выбора, который был продиктован представлением о долге и человеческом достоинстве. Подобные примеры лишь подтверждают то, что в любую эпоху существовала, хотя и в разной степени и форме, необходимость сочетания личного и общего, вытекавшая из общественной природы человека, его обреченности жить в обществе. Следовательно, и нравственность имеет общественную природу, а не является лишь результатом частного выбора индивида.

Итак, общественное начало первичнее личного, индивидуального. Но отсюда не следует, что оно является самоцелью. Всякая общественная форма — продукт деятельности людей, создаваемый ими в целях своего существования, воспроизводства жизни, сохранения связей. Поэтому наряду с общественной природой нравственности необходимо различать интересы индивида, его благо. Задача общества состоит в обеспечении блага людей, иначе они не будут заинтересованы в его сохранении; формы индивидуального протеста на всем протяжении истории подтверждают это. Люди обеспечивают свое благо не в одиночку. Они живут

в обществе, в конкретной реальной ситуации, предоставляющей разные возможности для удовлетворения личных интересов и, что важно, различному количеству людей. Поэтому чем большему числу людей обеспечивается благо, тем и о большей гармонии личного и общего можно говорить, тем большим будет и прогресс в области нравственности. Отделять личный интерес от общего, противопоставлять их, согласно этому представлению, безнравственно.

Вот мнение одного из российских олигархов: «Я делаю только то, что выгодно мне и моей семье»¹. И достойный ответ на это: «Обладание собственностью — это не только права, но и обязанности... Нужно как минимум не приносить вреда окружающим... Однако наши олигархи почему-то за свою собственность готовы стоять горой, а чужая — не их проблемы... Эти люди аморальны: они думают только о себе»² (академик Н.Я.Петраков).

Такое понимание критерия нравственности несовместимо с распространенным тезисом: все, что не противоречит закону, разрешено.

Сначала обычай (обычное право), а потом закон выступают в качестве регуляторов поведения человека в обществе, но правовые нормы не являются единственным регулятором. В разной форме, но в качестве неизбежного спутника развития общества во все времена эту роль выполняла мораль. Изгнание нравственной составляющей из жизни, из тех или иных сфер человеческой деятельности — не самые лучшие эпизоды истории. Мораль — характерный водораздел между силами добра и зла в истории; история — это также борьба добра и зла, божественного и дьявольского, Агасфер — своеобразный символ наказанного зла. Мораль является регулятором человеческого поведения не в меньшей степени, чем право, более того, правовые нормы приживаются лишь в том случае, если они соответствуют нравственным целям, присутствующим данному обществу.

Нравственная составляющая имеет огромное значение в такой сфере человеческой деятельности, как политика. Разъединение политики и морали, впервые теоретически провозглашенное Н.Макиавелли, стало своего рода оправданием цинизма и вседозволенности в политике.

Вседозволенность становится результатом отказа от нравственных ограничителей в постановке политиком целей и в выборе им средств для их реализации, в оправдании целесообразности любых средств.

¹ См.: *Березовский Б.* Я делаю только то, что выгодно мне и моей семье // Московский комсомолец. — 2001. — 14 июля.

² Цит. по: *Александрович И.* Гонка на выживание // Московский комсомолец. — 2003. — 26 нояб.

Безнравственность — покушение на совесть. Совесть — в той степени регулятор индивидуального поведения, в какой она присутствует у человека. И. Кант писал: «Совесть — это голос Бога», а вот другое отношение к проблеме: «Я освобождаю человека от уничтожающей химеры, которая называется совестью... меня не удерживают никакие соображения морального порядка... Я провозвожу политику силы, не беспокоясь о мнимом кодексе чести» (А. Гитлер).

Нравственность все же победила, хотя и дорогой ценой.

г

шУ

v

• .

Проблема движущих сил в истории является одной из самых фундаментальных теоретических проблем; без нее не обходился до сих пор ни один вариант общих теоретических представлений об истории.

Первоначальный вариант ее постановки связан не с исторической наукой как таковой, а с философией. Философы Древнего Востока и Древней Греции искали ответ на извечный вопрос: «Что есть этот мир и каков смысл его собственного существования в нем». В Древней Греции этот вопрос приобрел более конкретную постановку о первопричине всего сущего — природы, человека, истории. У Фалеса это вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь и т.д.

Вот сжатая и точная формулировка одного из вариантов таких представлений: «Мир единый из всего, не создан никем из людей, ни кем из богов, был, есть и будет, вечно воспламеняясь, вечно угасая» (Гераклит, конец VI — начало V в. до н.э.). От этого представления еще далеко до теоретической постановки проблемы философско-исторического характера, однако попытки ее формулировки уже предпринимаются.

Два прямо противоположных варианта этой формулировки мы обнаруживаем у Демокрита (род. ок. 470 г. до н.э.) и у Платона (427 — 347 гг. до н.э.). Первый рассматривал бытие как совокупность материальных неделимых частиц, атомов, второй — как некое идеальное образование — идею. Следовательно, мы имеем дело с началом формирования двух направлений в философии — материализма и идеализма, предлагающих принципиально различные варианты решения проблемы о движущих силах истории.

8.1. Концепция идеальных движущих сил

Родоначальником концепции идеализма в философии Древней Греции считается Платон. До него преобладал стихийный материализм. Учение Платона — система объективного идеализма. По мнению философа, дух, мышление, идеи существуют независимо от человека и первичны по отношению к бытию. Платон критикует тех, кто «признает тела и бытие за одно и то же» и утверждает, что настоящее бытие — «это некие умопостигаемые и

бестелесные идеи», или «сущности»¹. Давая идеалистическую трактовку бытия, философ выражает и свое, связанное с этим представление, понимание характера, природы мышления: чтобы объяснить какое-то явление, следует найти его идею как некоторую сущность, недоступную чувственному восприятию. Возникает вопрос: «Сколько таких идей должно быть, чтобы объяснить все многообразие бытия?» Очевидно, столько же, сколько существует явлений, процессов, состояний, свойств и т.д., хотя у Платона здесь нет ясности, что само по себе уже говорит об уязвимости его позиции².

Значение Платона не в том, что он дал ключ к пониманию истории в целом или конкретных ее событий, а в том, что он в общей философской форме выразил существо подхода к ее пониманию. Смысл данного подхода — в стремлении понять и объяснить историю, исходя не из нее самой, а на основе внешних по отношению к ней сил, сущностей, идей и т.д.

Разновидностью этих представлений является вера в Бога как творца всего сущего. Она присуща историческому мышлению Геродота (между 490 и 480 — ок. 425 г. до н.э.). Впрочем, вера в Бога есть и у Платона: он говорил не только о первичности безличных идей, но и о Боге, как устройстве мироздания. С возникновением мировых религий (христианства, мусульманства и т.д.) идеальное становится (в рамках этих вероисповеданий) синонимом божественной воли как некой универсальной первопричины всего сущего. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»³. Влияние этих идеалистических представлений на историческое мышление Средневековья огромно. Данное мышление по своему существу теоцентрично: фактор, определяющий развитие истории, — божественное провидение. Бог вечен, неизменен, ни от чего не зависит, все в мире — продукт его творения.

Концепцию всемирно-исторического развития на базе религиозного христианского мировоззрения создал Августин епископ Гиппонский (354 — 430). О ее значении свидетельствует тот факт, что она лежит в основе хроник и исторических сочинений многих авторов Средневековья, в том числе такого известного, как Оттон Фрейзингенский (1111 — 1158). Всемирная история представлялась Августину как реализация заранее предопределенного божественного плана, направленного на совершенствование «государства божьего». Бог, по понятиям Августина, — не какая-то отвлеченная, абстрактная сущность, а творец-промыслитель, который своей волей определяет развитие человечества. Развитие ис-

¹ Платон. Соч.: в 3 т. - Т. 3. — М., 1971. — С. 326.

² См.: Чанышев А. И. Философия древнего мира. — М, 2003. — С. 333.

³ Ветхий Завет. Кн. Бытия. — Ин. 1:1.

торической науки в Средние века и в Новое время было воплощением этого взгляда и отходом от него одновременно.

Сочетание божественного и рационального начал характеризует историческое мышление Дж. Вико, оказавшего большое влияние на последующее развитие историографии. По его мнению, развитие истории — это органический процесс, в основе которого лежат законы, присущие человеческой природе, например закон эволюции от низшего к высшему. Речь идет, таким образом, о принципе внутреннего развития, лежащем в основе истории каждого народа. Однако этот принцип установлен божественной волей, следовательно, имеет место факт божественного вмешательства, проявляющегося в идее общего идеального закона развития как некоего первотолчка. Центр тяжести исторического мышления Дж. Вико лежит в области рационального, с чем связаны многие его представления об истории в целом и о конкретных событиях, но все это покоится у него на упомянутом идеальном начале как первоисточнике, первопричине. Что же важнее? Очевидно, что если разъединить идеальное и рациональное, то последнее ничего не теряет в своем содержании; правда, это уже будет не Дж. Вико. Идеальное — продукт веры, а не научного знания, рациональное — область рассудочного мышления Дж. Вико. Предметом последнего является реально свершившаяся история, не оставляющая места божественному вмешательству в конкретный ход событий. Следовательно, историю надлежит понимать исходя из нее самой, а не из ее идеального первоначала. Такова суть исторического мышления Дж. Вико.

Особенную важность эта проблема представляла для просветителей. Для части из них, в том числе для Вольтера, свое значение сохранял тезис об акте сверхъестественного творения как первопричине бытия человека и истории. Однако пафос позиции состоял в другом — в противопоставлении веры разуму, в изгнании бога из истории, что нашло воплощение в широко известном тезисе: разум правит миром. Требование разума у просветителей означает требование переустройства жизни людей на началах разума, т. е. на основе научного знания, интеллекта, расцвета наук и искусств. Следовательно, речь идет о разновидности идеального, хотя и реального, земного первоначала как движущей силы истории.

Придание идеальному первоначалу отчетливо светского, рационального характера и смысла, конечно, означало шаг вперед в развитии мышления, однако и оно не оправдало надежду просветителей на всеобъемлющее объяснение истории. В частности, для них оставался необъяснимым феномен зла в истории: в мире есть зло, но они не решались рассматривать его в качестве торжества разума. Известно затруднение Вольтера в попытке объяснить гибель в считанные секунды нескольких тысяч людей в результате лиссабонского землетрясения 1755 г.:

О вы, чей разум лжет: «Все благо в жизни сей»,
Спешите созерцать ужасные руины,
Обломки, горький крах, виденья злой кончины,
Истерзанных детей и женщин без числа,
Разбитым мрамором сраженные тела;¹

Нет, зла не мог создать создатель совершенный,
Не мог создать никто, коль он — творец вселенной.
Все ж существует зло. Как истины грустны!²

Проблема происхождения зла в мире выглядела неразрешимой. Кроме того, развитие знания, просвещения, культуры многое объясняет в истории, но все это само нуждается в объяснении, так как не возникает из ничего, следовательно, не является первопричиной. Величайшие научные открытия XVII в. — века рационализма, — которые так сильно поддерживали веру просветителей в торжество разума, были сделаны не на пустом месте, а подготовлены совокупностью предпосылок, в том числе развитием производства, основанном на мануфактурном разделении труда. Без этого разделения не могло бы быть и промышленного переворота конца XVIII в. Следовательно, категория «разум» не является в действительности идеальной первоосновой всемирной человеческой истории вопреки глубокому убеждению в этом просветителей. Тем не менее данная концепция не ушла в небытие вместе с ее творцами. Существенные ее элементы стали составной частью философии истории Г. В. Ф. Гегеля.

Идея бога вовсе не чужда Г. В. Ф. Гегелю, хотя речь идет не о божестве в смысле христианской веры, а о безличном процессе самодвижения объективного духа как основы единой человеческой истории. Каждый народ, каждый этап его развития — воплощение этого духа. Дух — объект и субъект истории одновременно; в качестве объекта он познается самим собой, формой самопознания духа является разум, «...разум, — утверждал Г. В. Ф. Гегель, — господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно»³. Идею господства разума в истории философ выразил в афористически кратких формулировках, в которых заключен особый философско-исторический смысл: «все действительное разумно, все разумное действительно»⁴, «кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно»⁴ и т. д. Это ничто иное, как особое восприятие Г. В. Ф. Гегелем

¹ *Вольтер*. Философские сочинения / отв. ред. В. Н. Кузнецов. — М., 1988. — 4 719.

² Там же. — С. 721.

³ *Гегель Г.* Лекции по философии истории. — С. 64.

⁴ Там же. — С. 65.

просветительского тезиса о господстве разума в истории. Совпадение в обоих случаях говорит об общей, духовной основе понимания всемирной истории.

Чтобы оценить меру обоснованности гегелевского варианта этого понимания, надо перевести его на язык реальной истории и сопоставить с ее ходом. Следует заметить, что реальная история плохо укладывается в предлагаемую Г. В. Ф. Гегелем схему и трудно объяснима отсылкой к объективному мировому духу как ее первооснове. В частности, по этой схеме шествие мирового духа проходит четыре ступени: восточный мир, греческий мир, римский мир, германский мир. Почему же мировой дух так избирателен? В действительности речь идет не о всемирной истории, а о европоцентристском варианте ее видения. Однако мы не можем получить ответ на этот вопрос, опираясь на логику мышления Г. В. Ф. Гегеля, это останется тайной мирового духа.

Европоцентристский взгляд на мировую историю объясняется особенностями ее развития в эпоху перехода от Средних веков к Новому времени: в Европе зародились и начали раньше, чем где-либо, развиваться капиталистические отношения. «Жажда золота», как неизбежный спутник этого процесса, способствовала великим географическим открытиям и развитию мировых торговых и экономических связей, — одним словом, Европа стала в известном смысле центром мировой истории, что и дало основание для возникновения европоцентристского взгляда на историю в целом. Г. В. Ф. Гегель был в этом отношении вовсе не одинок среди современников.

Еще одна загадка гегелевского объективного духа — «хитрость разума». Мировой дух, по мнению философа, хитер: для достижения целей всемирно-исторического развития он пользуется в качестве своих орудий наличными целями, желаниями, страстями людей, причем так, что они об этом не догадываются. Добиваясь своего, личного, они вместе с тем реализуют цели мирового духа, которые ведомы только ему одному. Г. В. Ф. Гегель поясняет: орудиями, игрушками в руках мирового духа являются не все люди, а прежде всего великие исторические личности. И добавляет: великие исторические личности несчастны, так как, используя их для реализации какой-либо одной цели мирового развития, дух отбрасывает их прочь.

Таким образом, объективный дух с помощью хитрости, разного рода уловок превращает цели, страсти людей в орудие и осуществляет свои планы всемирно-исторического масштаба. Это, как и тезис о господстве разума в истории, подается Г. В. Ф. Гегелем как аксиома. Между тем это не совсем так. В реальной жизни мысли и поступки людей не так уже редко не соответствуют требова-

ниям разума как торжества блага, — ведь именно благо в качестве цели исторического развития имели в виду и просветители, и Г. В. Ф. Гегель. Было бы странным, скажем, объяснить происхождение рабства или причины начала Столетней войны 1337—1453 гг. требованием разума и усматривать в этих событиях его торжество. Речь идет о другом. Хитрость также является распространенным качеством человеческого поведения, однако и она, в отличие от хитрости мирового духа, не требующей, по Г. В. Ф. Гегелю, объяснения, нуждается в нем, она не изначальна, она — прием для достижения чего-либо. А. Гитлер, заключая договор с СССР о ненападении, в сущности, хитрил, скрывая далеко идущие планы достижения мирового господства, одним из этапов которого было разрушение СССР. И. В. Сталин в этом смысле также хитрил, идя на заключение пакта, хотя у него были другие планы. Таким образом, чтобы понять эти варианты хитрости, надо не просто их констатировать, а выяснять в обоих случаях их мотивы. Формула же «Мировой дух хитер» помочь в этой ситуации не может. Таким образом, гегелевский априоризм духовного начала не является научно состоятельным видом детерминизма в истории.

К этому следует добавить: представления Г. В. Ф. Гегеля — не просто фантазия, но фантазия, скрывающая за собой действительно важные проблемы методологии истории. Одна из них — несовпадение задуманных целей и результатов человеческой деятельности. Эта проблема была актуальной на протяжении всей истории и относилась к совершенно различным уровням деятельности (кличной, частной и общественной жизни). В частной жизни человек сталкивается с тем, что добиваясь какого-то результата, он получает и его, и еще нечто, выходящее за пределы первоначальных замыслов и целей, причем это не обязательно является следствием ошибочности последних. Последствия масштабных общественных перемен могут выходить за пределы планируемых результатов в том числе и потому, что их невозможно предусмотреть заранее, так как это зависит от ситуации, которая постоянно меняется. Александр Македонский, создавая мировую державу, не ставил перед собой цели соединения двух начал — древнегреческого и восточного (IV—I вв. до н.э.)¹. Сослаться, в духе Г. В. Ф. Гегеля, на хитрость мирового духа, использовавшего великого полководца в качестве своего орудия, конечно, можно, но доказать не удастся. Россия поддержала Пруссию в борьбе за объединение Германии, но А. М. Горчаков (1798—1883), будучи министром иностранных дел и канцлером Российской империи, Пе планировал обрести в лице Германии противника России в Первой мировой войне. Антиалкогольная компания в СССР в годы

¹ См.: Гегель Г. Лекции по философии истории. — С. 81 — 82.

См.: Дройзен И. Г. История эллинизма / пер. с нем. — М., 1890—1893. — т. 3; Рапович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. — М.; Л., 1950.

«перестройки» привела к различным последствиям, в том числе и к тем, которые не входили в замыслы ее инициаторов (самогонварение, обострение ситуации в стране и т.д.). Сама «перестройка» характеризуется фундаментальным несоответствием ее целей и результата — разрушения СССР.

И все же: первичным условием действия людей является воля, т.е. цель, намерение, идея. Не будем торопиться с выводами, такое представление о роли идей было и остается довольно распространенным убеждением. Основоположник философии истории позитивизма О. Конт писал: «Не читателям этой книги я считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях»¹.

Известный представитель неогегельянства XX в. английский историк Р. Дж. Коллингвуд (1889—1943), опираясь на философию Г. В. Ф. Гегеля, формирует свое представление о роли духовного начала в истории, хотя это представление трудно назвать оригинальным, «...вся история, — писал он, — представляет собой историю мысли. В той мере, в какой человеческие действия — просто события, историк не может понять их; строго говоря, он даже не может установить, что они произошли. Они познаваемы для него лишь как внешнее выражение мыслей»². Изложенное весьма напоминает ту часть взглядов Г. В. Ф. Гегеля, в которой речь идет о разуме как основе человеческого поведения. Причем Р. Дж. Коллингвуд ошибочно считает, что в этом и заключается суть взглядов философа, что для Г. В. Ф. Гегеля разум — это только человеческий разум, разум конечных земных существ. На самом деле разум, согласно философу, это, во-первых, мировой дух и, во-вторых, — разум индивида, причем решающая роль отводится первому. Гегелевский дух витает также в философско-исторических построениях известного итальянского философа, историка Б. Кроче (1886—1952). По его мнению, факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, «...ничто не существует вне мысли», «...факт не исторический означает факт не осмысленный и, следовательно, не существующий...»³. Научное понятие истории предполагает, согласно Б. Кроче, торжество истории и акта мысли. Нельзя не заметить, что у Р. Дж. Коллингвуда, а в еще большей степени у Б. Кроче имеет место отход от взглядов Г. В. Ф. Гегеля, причем с утратой меры научной состоятельности, которая была присуща последнему. Речь идет о переносе центра тяжести

¹ Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. — СПб., 1900. — Т. 1. — С. 21

² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и комм. Ю. А. Асеева. — М., 1980. — С. 111.

³ Кроче Б. Теория и история историографии / пер. И. М. Заславской. — М., 1998. — С. 66.

представления с субъекта исторического действия (как у Г. В. Ф. Гегеля) на субъект исторического познания: лишь то является историей, что осмыслено в ходе познания. Однако в конечном счете это лишь разновидности одного представления о первичности духовного, идеального начала в жизни, а следовательно, и в познании.

Что же раньше — мысль (слово), дело, идея или реальность? Проблема состоит именно в этом — как во времена Платона и Гераклита, так и сегодня. Мысль, эмоция лежат в основе и индивидуального, и массового человеческого действия. Сфера сознания всегда в этом смысле впереди, «...пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы... отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове», — писал К. Маркс¹. Тем не менее это не является доказательством первичности сознания и вторичности бытия в общеполитическом смысле и в плане проблемы детерминизма в истории, что для нас в данном случае важно. Люди не всегда являются творцами того, что с ними происходит, хотя в таких случаях не следует искать причину в каком-либо духе. Ситуация, когда происходит то, чего «никто не хотел», не является редким исключением. Миллионы немцев восторженно приветствовали А. Гитлера во время разного рода мероприятий, что говорит о его поддержке, но никто не хотел падения Германии, которое стало справедливым возмездием. В советские времена проштрафившиеся партийные работники становились послами, хотя это вовсе не было результатом их намерений. Конечно, и в том и другом случае действовала чужая воля, таким образом, люди — не всегда актеры своей собственной драмы.

В том случае, когда действие, результат является в той или иной мере продуктом сознательно поставленной цели, возникает вопрос: «Почему была сформулирована именно данная, а не какая-либо иная цель?» Чтобы на него ответить, необходимо выйти за пределы рассудка. Историк не может не признать: цели, намерения, планы, идеи — это именно продукт сознания, но не врожденный, а связанный с окружающей индивида общественной средой. Только этим и можно объяснить то, что любая идея или цель возникает не в какое-то вообще время, а обязательно в условиях конкретной исторической ситуации. В этом смысле сознание, идея не могут быть первичными, изначальными. Идея правового государства — это продукт рассудка, но она возникла в строго определенное время, на излете Средних веков и связана с формированием гражданского общества той поры. Формирование элементов гражданского общества в эпоху греко-римской Античности (по-¹ Ис) позволило Аристотелю сформулировать тезис о человеке как

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 189.

о политическом животном. Новая, более высокая степень развития гражданского общества помогла понять К. А. Сен-Симону, что человек — общественное животное. Между тем и другим огромная смысловая, а не только терминологическая разница: понять, что человек — существо общественное, а не политическое, Аристотелю мешало его время. Античный полис — это и гражданская община (общество) и государство, тогда как во времена К. А. Сен-Симона общество и государство представляли собой разные сферы жизни. К. А. Сен-Симон одним из первых осознал первичность общества по сравнению с государством, и в этом ему также помогло его время.

Таким образом, все, что связано с сознанием, является его продуктом, обусловленным внешней по отношению к нему общественной средой. В этом смысле цели, планы и идеи объясняют поведение индивидов и целых общностей, но при этом сами нуждаются в объяснении. Область духа не является для историка ни первичным, ни единственным видом детерминизма в изучении действительности. Что же касается объяснения ее конкретного многообразия со ссылкой на духовный фактор, то его роль в каждом случае будет особой, что зависит от характера изучаемых явлений, как, впрочем, и от особенностей методологических позиций самого историка. Ясно, что без опоры на разновидности духовного начала — культуру, искусство, религию, психологию, менталитет и т.д. — понять историю невозможно. В свою очередь изменения в сфере массового сознания приводят к тем или иным переменам общественного характера. Это демонстрирует современный мир с его мощными источниками влияния на сознание людей — СМИ. «Современные технологии позволяют убедить кого угодно в чем угодно. Нужно только разработать грамотную рекламную кампанию и иметь возможность использования СМИ в своих интересах»¹. К сожалению, это не преувеличение.

8.2. Материальные факторы в истории

Философской смысл тезиса о материальной основе всего сущего, в том числе истории, получил отчетливую формулировку в древнегреческой философии; до изучения истории с опорой на материальные факторы было еще очень далеко. Есть, однако, по крайней мере, один значительный пример такого изучения, столь же поразительный, как и необъяснимый. Историк древнего Рима, грек по происхождению Аппиан (конец I—70-е гг. II в.) в своей книге о гражданских войнах в Риме отчетливо выразил мысль о

¹ *Виноградов Б. А.* Западники — державники: выбор России // Московская правда. — 2005. — 9 июня.

том, что причиной этих событий была борьба за земельную собственность¹. У Аппиана не было предшественников и последователей, поскольку на роль материальных факторов в истории стали обращать внимание лишь в XVIII в. Это уникальный пример выхода мысли за рамки своего времени и предвосхищения будущих представлений о роли материального начала в истории. При объяснении этого выхода можно лишь сослаться на довольно высокий по тому времени уровень развития имущественных отношений, имущественного неравенства в поземельных отношениях; сам он объяснения на этот счет не оставил.

В историографии эпохи Просвещения мы находим отдельные примеры понимания значения материального фактора для объяснения поведения людей и тех или иных событий. Вольтер вполне определенно считал собственность необходимым признаком правильного гражданина и исходил из неизбежности деления общества на богатых и бедных. Двигатель истории, согласно Вольтеру, — человеческий интерес, к которому относится и стремление к благополучию, самосохранению. И. Г. Гердер (1744—1803) к числу мотивов, объясняющих человеческое поведение, относил потребности, нужду². Более определенное отношение к материальному фактору выражено у Ж. Ж. Руссо: возникновение имущественного неравенства привело к образованию государства, которое, в свою очередь, стало фактором углубления имущественного неравенства³. Правда, этот вполне материалистический взгляд нельзя вырывать из общего контекста просветительского мышления философа, согласно которому источник неравенства коренится в прогрессе разума: «... неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов»⁴.

Взгляды представителей нового поколения мыслителей — К. А. Сен-Симона и др. — явились продолжением взглядов просветительских и одновременно их отрицанием. Философия истории К. А. Сен-Симона основана не в меньшей мере, чем это было у просветителей, на тезисе о господстве разума в истории, на развитии знаний как основном факторе исторического развития. Вместе с тем общественное устройство послереволюционной Франции не являлось для него воплощением разума, оно было

¹ См.: *Аппиан.* Гражданские войны / пер. с греч.; под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера. - Л., 1935.; См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 21.

См.: *Herder Y. G.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit: In 2 bd. — Bd^d - 1. - Berlin u. Weimar. - 1965.

³ См.: *Руссо Ж. Ж.* Трактаты. - М., 1969.

⁴ Там же. — С. 97 — 98.

подвергнуто философом весьма обоснованной реалистической критике. Однако предполагаемый им выход из положения был не нов: система идеального человеческого общежития должна стать продуктом усилий мыслящего рассудка, чтобы затем быть внедренной в жизнь¹. Это — утопия, так как будущее рассматривается не как продукт предыдущего развития истории, а как изобретение разума: люди просто должны поумнеть. На фоне этого представления реализмом отличается мысль К. А. Сен-Симона относительно того, что собственность является основой общественного здания, а изменение форм собственности — причиной изменения общественного порядка. Производство, по мнению К. А. Сен-Симона, — цель всякого общественного союза. Однако и подобные идеи упираются в конечном счете в убеждение о решающей роли умственного развития во всех переменах в области производства². Разница в форме и уровне производства в разные времена объясняется различием целей, интересов людей, уровня их умственного развития. Остается прояснить лишь происхождение самого этого различия применительно к каждому этапу движения истории, чего нет у К. А. Сен-Симона.

Представители школы французских историков периода Реставрации (О.Тьерри, Ф. Гизо и др.) расширили сферу представлений о роли материального фактора в истории. Фигурой, оказавшей особенно большое влияние на историков, был Ф. Гизо. Его представление о решающей роли идей в истории менее выражено, чем у просветителей или К. А. Сен-Симона, хотя и не лишено своего значения. Ф. Гизо гораздо более основателен в рассуждениях о роли материальных отношений в истории. Прежде всего это касается его представлений о соотношении общества и государства, которые кардинально отличаются от господствовавших в то время взглядов: «Большая часть писателей, ученых, историков старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации политическими учреждениями этого общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества, для того чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием. Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц — словом, гражданский быт людей — таков, без сомнения³, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка».

¹ См.: *Волгин В. П.* Сен-Симон и сен-симонизм. — М., 1961; *Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. — М., 1978.

² См.: *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения : в 6 т. — М., 1956. — Т. 1. — С. 538.

³ *Guizot F.* Essai sur l'histoire de la France. - Bruxelles, 1837. - Т. I. — P. 87.

Расставив акценты в решении данной реальной и крупной проблемы, Ф. Гизо идет значительно дальше просветителей. У всех народов, утверждает он, гражданский быт находится в тесной связи с поземельными отношениями, а потому их изучение должно предшествовать изучению быта. «Чтобы понять политические учреждения, надо изучать отдельные слои, существующие в обществе, и их взаимные отношения. Чтобы понять эти различные слои, надо знать природу поземельных отношений»¹. Таким образом, логика рассуждений Ф. Гизо приводит к представлению о собственности как некоей общей основе политической и социальной структуры общества. Данное представление в общей форме и с отчетливым пониманием его новизны выражено следующим образом: «Я говорил о значении моральных факторов... Но есть ряд совершенно противоположных соображений, которыми до сих пор слишком пренебрегали: я имею в виду материальные условия общества... До сих пор недостаточно считались с изменениями, которые вносят крупные кризисы в материальное существование людей... эти изменения имеют гораздо большее влияние на все общество, чем думали до сих пор... это все факты, имеющие исключительное значение: простое изменение в материальной жизни мощно воздействует на цивилизацию. Каждая великая революция вносит в общественный строй² изменения этого рода, и с ними нужно обязательно считаться»³. В соответствии с этим корни Английской революции середины XVII в. Ф. Гизо усматривал в изменениях, происшедших в социальном положении и правах народа³. Борьбу имущественных интересов он находил и в истории средневековой Франции, и в истории Великой французской революции конца XVIII в.

Откуда же берется это имущественное, социальное неравенство, которому Ф. Гизо вполне справедливо отводил такую большую роль в истории? Ответ на этот вопрос прост: из естественного неравенства людей, данного им природой. Действительно, люди изначально не равны по своим физическим, умственным и т. д. данным, однако этим невозможно объяснить ни различие форм собственности в истории, ни имущественные и социальные различия между людьми в разное время. Ф. Гизо не мог убедительно объяснить и происхождение общественных слоев, средневековой и современной ему Франции, для обозначения которых он пользовался понятием «класс». В данном случае историк, по существу, заимствовал у К. А. Сен-Симона теорию завоевания, хотя подобные идеи высказывали еще раньше Ж. Дюбо (1670— 1742) и А. Бу-

¹ *Guizot F.* Essai sur l'histoire... — P. 20.

² *Далин Г. М.* - Историки Франции XIX - XX вв. - М., 1981. - С. 93
<-м: *Гизо Ф.* История Английской революции: в 2 т. — СПб., 1954. — Т. 1.

ленвиле (1658—1722)¹. Суть этой теории заключается в том, что социальная структура средневекового общества в Западной Европе стала результатом завоевания франками — Галлии, норманнами — Англии и т.д. Несостоятельность этой теории — в невозможности объяснить различие социальных последствий этих завоеваний.

Далее был марксизм и другие разновидности детерминизма второй половины XIX в. Наибольшее влияние на развитие философско-исторической мысли разных стран оказал экономический детерминизм К.Маркса. Основоположники материалистической теории отчетливо понимали связь своих взглядов с предшествующим идейным наследием. В частности, по мнению Г. В. Плеханова, участвовавшего в научных беседах с Ф.Энгельсом, они «...считали себя во многом обязанными научным трудам того же Ф. Гизо и других французских историков времен Реставрации»². А вот одно из свидетельств самого К.Маркса по поводу предшественников его взглядов: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов»³.

Связь с рассмотренными выше представлениями характеризует экономический детерминизм К. Маркса; еще более фундаментальными являются его отличия от них. В самом общем виде они сводятся к следующему. Экономический фактор, по мнению К. Маркса, — не сумма отдельных примеров или обобщений даже весьма общего характера (общество первично по сравнению с государством и т.д.), а фундаментальная основа понимания истории в целом, в пространственно-временном и в сущностном ее выражении. Экономический фактор выступает в виде способов производства, последовательно сменяющих друг друга в развитии истории. Этот фактор представляет собой базис, основу для понимания всех других сфер жизнедеятельности людей. Вот как об этом писал сам К. Маркс: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни

обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Каков точный смысл экономического детерминизма К. Маркса? По этому поводу высказывались различные мнения, вплоть до абсурдных. По мнению Л. П. Семенниковой, необходимо освободиться от марксистского экономического редукционизма как от жесткой привязки любых исторических явлений к экономическому интересу². За этим стремлением стоит утверждение о детерминизме К. Маркса как монокаузальности, т.е. представление об экономическом факторе не только как фундаментальной, но и как единственной первопричины всех явлений и процессов в истории. На это обратил внимание один из известных противников К. Маркса К. Поппер. Он писал по этому поводу следующее: «О марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признавал ничего выходящего за пределы "низших", или "материальных", аспектов человеческой жизни»³. Формулировку точного смысла рассматриваемого экономического детерминизма мы находим у Ф.Энгельса: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* (выделено автором. — Н. С.) является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* (выделено автором. — Н. С.) определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественную *форму* (выделено автором. — Н.С.) ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй..., правовые формы..., политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения... существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу...»⁴.

Современный уровень развития исторического познания в целом, а не только исследования историков марксистской ориентации прошлого и в настоящее время, неоспоримо свидетельствует

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 13. — С. 6—7.

См.: Семенникова Л. П. Россия в мировом сообществе цивилизаций • учебное пособие для вузов. — М., 1964.

Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. — Т. 2. — С. 121.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 37. — С. 394—395.

¹ См.: Косминский Е.А. Историографии Средних веков.

² Плеханов Г. В. Соч.: в 24 т. - Т. 8. - С. 91. - Примечание 1.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 28. - С. 426-427.

о невозможности добиться понимания и объяснения социальной структуры общества, природы и характера политической власти, механизма принятия и социальной сути политических решений, сферы законодательства и права и т.д. без опоры на экономическую мотивацию человеческой деятельности, которая всегда связана с определенным характером и типом производства. Каждая из названных сфер деятельности обладает относительной самостоятельностью и оказывает влияние на экономику, так что ситуация вовсе не выглядит так: экономика — причина, все остальное — следствие. Во всеобщей взаимосвязи явлений следствие становится причиной, оказывающей влияние на ход событий. Политика — концентрированное выражение экономических интересов, она может способствовать развитию экономических сил, тормозить это развитие или действовать избирательно по отношению к различным секторам экономики¹. Реформы Т.Рузвельта — «новый курс», связанный с радикальным вмешательством в экономику США, — вывели страну из тяжелого кризиса. Приватизация в России 90-х гг. XX в. привела к экономическому кризису и способствовала сосредоточению огромных материальных ценностей в руках малочисленной группы людей. Это связано с vulgarным пониманием роли экономического фактора в жизни. «Все материальное (и ваучеры в том числе), — утверждал один из наших политических деятелей, — первично, а идеальное (дух, совесть и прочая воздушность) — субстанции почти утопические, а потому ими следует пренебречь»². Правда состоит в том, что изменение формы собственности в России является действительной основой многих перемен в ее жизни, хотя с призывом к пренебрежению совестью согласны далеко не все.

Экономическая мотивация человеческой деятельности является фундаментальным, но не единственным признаком человеческого поведения.

Невозможно объяснить поведение Г. Галилея на суде с его знаменитым «и все-таки она вертится» ссылкой на материальный фактор, тем более на личный меркантильный расчет. Также нельзя объяснить только экономическими причинами жертвы инквизиции в Средние века, гугенотских войн во Франции, возвышение Москвы над другими княжествами. «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, — писал Ф.Энгельс, — объяснить экономически существование каждого маленького немецкого княжества в прошлом и в настоящее время или происхождение верхненемецкого передвижения согласных...»³. Действительно: еще не

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 37.

² Цит. по: Знаменский А. Оглюм. Публицистические заметки // Советская Россия. — 1994. — 29 марта.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 37. — С. 395.

все сказано, если Г.Флобера определить, как буржуа, а Тинторетто — как мелкого буржуа.

Таким образом, вариант монокаузального (в материалистическом смысле) объяснения истории не является и не может быть принципом научного познания; этот вариант не соответствует и точному смыслу экономического детерминизма К. Маркса. Подлинно научная оценка роли экономического фактора в свете современного уровня познания состоит в признании того, что оно неспособно охватить действительность в целом, различные сферы жизнедеятельности без опоры на этот фактор. Такая опора в настоящее время не обязательно должна быть только марксистской по своему характеру и смыслу, т. е. быть присуща лишь историкам марксистской ориентации. Вот как писал об этом М. Вебер (1864—1920), один из самых профессионально подготовленных критиков К.Маркса: «Отказываясь от установленного мнения, будто всю совокупность явлений культуры можно *дедуцировать* (выделено автором. — Н. С.) из констелляций материальных интересов в качестве их продукта или функции, мы тем не менее полагаем, что *анализ социальных явлений и культурных процессов* под углом зрения их *экономической* (выделено автором. — Я. С.) обусловленности и их влияния был и — при осторожном, свободном от догматизма применении — останется на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом»². От чего отмежевывается и с чем соглашается М. Вебер, оценивая материалистическое понимание истории? В резких выражениях он отвергает стремление «любителей и дилетантов» отыскивать при объяснении любых явлений экономические причины. Вполне очевидно, что историк полемизирует не с точным смыслом материалистической теории, а с приписываемым ей смыслом. Если учесть этот факт, то в остальном его оценка принципа экономической обусловленности исторических событий и процессов и, что еще более важно, его прогноз в этой связи, представляются глубокими и верными. «...История хозяйства, — писал М. Вебер, — образует почву, без познания которой немислимо плодотворное исследование ни одной из областей культуры»³. Оценка К. Поппером К.Маркса в качестве лжепророка не помешала ему сделать следующий вывод: «Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо»⁴.

¹ См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология науки / под ред. И. С. Кона. — М., 1977.

² Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. — М, 1990. — С. 365.
Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социально-экономической истории. - Пг., 1924. - С. 16.

Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. 2. — С. 98.

В какой мере и в каком смысле область духовных явлений можно рассматривать в связи с развитием материальных основ жизни? Факты говорят о том, что прямого и обязательного во всех случаях соответствия уровня материальных производственных отношений уровню духовной жизни не существует. Германия в конце XVIII — первой трети XIX в. вовсе не была передовой, развитой экономической страной, но немецкая классическая философия, культурное течение «Буря и натиск» были и остаются великими и непревзойденными образцами развития духа. Россия во второй половине XIX в. также не находилась на вершине экономического развития, но какого расцвета достигли в это время художественная литература, музыка, живопись! И напротив, уровень экономического развития США не согласуется с уровнем духовности американского общества в целом, о чем свидетельствует и американская поговорка: «Если ты умен, то почему не богат». Речь идет, таким образом, о диспропорции между развитием сфер материального производства и духовной жизни. «Относительно искусства известно, — писал по этому поводу К. Маркс, — что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а, следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»¹. Как видим, чем дальше отстоит от экономики сфера деятельности, тем с меньшей определенностью можно судить о характере ее отношения к ней; дух искусства, его природа и суть несовместимы с их переводом на язык экономических интересов, экономической мотивации человеческой деятельности. Согласно притче, к великому голландскому художнику эпохи Возрождения Рембрандту пришел начинающий художник. Он принес свою картину и хотел получить отзыв. Рембрандт посмотрел на его произведение и ничего не сказал. Автор картины добавил, что продает ее и назвал значительную сумму. «А вот это искусство», — услышал он в ответ от великого живописца. Ирония слов Рембрандта лишь подчеркивает тайну искусства, которая в значительной мере является тайной художника и духом того времени, в котором он жил. Давно ушла в небытие эпоха Рембрандта, но его картины не теряют своей художественной ценности и поныне. И все-таки они неотделимы от своего времени. Время — это все, в том числе и материальные основы жизни. Почему искусство Возрождения столь сильно проникнуто духом индивидуализма, возвеличения личности? Этого не было в предшествующие столетия Средневековья. Ослабление и разрушение корпоративных, общинных связей, зарождение рыночных раннекапиталистических отношений поставило индивида один на один

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 736.

со стихией рынка, когда выживанию как хозяйственному субъекту он был обязан только самому себе — таков был дух времени, характер новых хозяйственных распорядков. В культуре Возрождения эти тенденции выразились в форме эгоцентризма, крайнего индивидуализма.

Есть и более конкретные свидетельства влияния экономических основ жизни на духовную сферу, в том числе и на религию. Почему на излете Средних веков при переходе к Новому времени возникли такие весьма близкие по сути формы верований, как лютеранство, цвинглианство, кальвинизм? Их сходство — в своеобразном, хотя и не одинаково выраженном в каждом случае отношении к богатству, бережливости, рачительности, труду. Особенно это характерно для кальвинизма с его тезисом о светском призвании, объявляющем богатство, накопительство трудового происхождения святостью. Но как такое представление соотносится с отношением к богатству, скажем, в христианстве и исламе? М. Вебер ставил вопросы о роли протестантской этики в становлении капитализма, что важно в двойном отношении: «Является ли капитализм продуктом Реформации?» и «Как можно понять происхождение протестантской этики именно в данное время?» На первый вопрос историк дает отрицательный ответ, справедливо полагая, что на процесс становления капитализма оказала большое влияние религия. Добавим, это влияние стало фактом веры некоторой части людей, что не могло быть случайностью или результатом целенаправленного замысла, действия индивидуальной или коллективной воли. Отвечая на второй вопрос, М. Вебер решительно отмежевывается от той точки зрения, сторонники которой выводят Реформацию из экономических сдвигов как их «исторической необходимости», и ссылается на бесчисленные исторические констелляции¹. Но отмежеваться от чего-либо еще не значит опровергнуть его, а сослаться в столь зашифрованной форме на бесчисленные констелляции также еще не значит объяснить данный феномен. Следовательно, фундаментальной предпосылкой Реформации в Западной Европе было становление нового, по сравнению со средневековым, общества с иными хозяйственными порядками, в основе которых лежало стремление к прибыли и неограниченному накоплению. Это стремление пришло на смену знатности происхождения, сословности и т.д. Кальвинизм наиболее адекватно передает дух того времени, является его порождением. Он освящает накопление капитала, превращает его в богоугодное занятие и сам при этом становится одним из Факторов становления нового общества.

Таким образом, в обосновании экономической обусловленности исторических явлений и процессов К. Маркс более глубок и

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. — С. 106.

8.3. Географический детерминизм

рационален, чем М.Вебер. Впрочем, у К.Маркса и Ф.Энгельса экономический детерминизм также не выглядит как законченная, исчерпывающим образом обоснованная система взглядов, «...возможен ли Ахиллес, — спрашивал К. Маркс, — в эпоху пороха и свинца? Или вообще "Илиада" наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной?»¹ Мы понимаем невозможность этого именно благодаря К. Марксу: духовное начало, идеи и т.д. — продукт мыслящего рассудка, но, что не следует забывать, находящегося в условиях определенного времени, без учета которого оно не может быть объяснено.

Существенно и другое: в экономическом детерминизме К. Маркса есть нечто изначально (т.е. для того времени) ошибочное, не реализовавшее себя и в качестве прогноза: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса (обобществления производства. — Я. С.) превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается... Экспроприаторов экспроприируют»². Прогрессирующей динамики обнищания во времена К. Маркса не было. Так, Англия, используя выгоду своей колониальной монополии, взрастила прослойку рабочей аристократии к середине XIX в. Не было этой динамики и в XX в., причем одна из предпосылок такой ситуации — влияние реального социализма. Октябрь 1917 г. явился, конечно, подтверждением марксизма как теории в целом, но все же это была особая историческая ситуация, выходящая за рамки антагонизма капитала и труда. Впрочем, и этот вывод о правоте К. Маркса не является окончательным, особенно в свете крушения советского строя в нашей стране. Ответ в теоретических спорах даст сама история. Реализуемая сегодня в целом ряде стран концепция социального государства — не просто продукт осознания капитализмом «собственных пороков»³, а новый этап его развития.

В целом время не показало ошибочности экономического детерминизма К. Маркса в главном, а именно — вывода о фундаментальном значении экономической мотивации человеческой деятельности и экономических структур в истории. А теперь перейдем к анализу других видов детерминизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 12. - С. 737.

² Там же. - Т. 23. - С. 772-773.

³ См.: Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя: спор с правительством о социальной политике. — М., 2005.

Впервые природные факторы стали восприниматься в качестве сопричастной к развитию истории, силы в эпоху Античности. Эту тему в рассуждениях «О воздухах, водах и местностях» затрагивает знаменитый древнегреческий врач Гиппократ, 460 — 370 гг. до н.э. Более полно она раскрывается в «Политике» Аристотеля, хотя данный сюжет является лишь частью более общей проблемы соотношения природы и человека. Внимание древнегреческих мыслителей направлено прежде всего на разгадку тайн природы, космоса и в связи с этим — человека, его жизни. Первым историком, обратившимся к выявлению роли природного фактора в жизни людей, был Страбон (64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.), автор труда «География», представляющего собой своеобразный итог географических знаний эпохи Античности. О систематическом подходе к проблеме соотношения естественно-географических условий и жизни людей можно говорить в связи с концепцией средневекового мыслителя, политика и историка Ж. Бодэна (1530 — 1596). Он развил идеи о влиянии климата на жизнь людей, высказывавшиеся в эпоху Античности. Ж. Бодэн утверждал, что разные народы нуждаются в различном законодательстве в зависимости от географических условий, и конкретизировал этот вывод указанием на роль географической широты и долготы. Также он высказывал мысль об обусловленности психического склада народа, его темперамента совокупностью естественно-географических условий его проживания. В то же время он не считал эти условия непреодолимыми по отношению к усилиям человеческой воли, образа жизни и восприятия².

В философско-исторической мысли эпохи Просвещения проблема влияния географической среды на историю приобрела очень большое значение. В это время была сформулирована концепция географического детерминизма, согласно которой решающая роль в истории отводилась природно-географической среде. Виднейшим ее представителем был Ш.Монтескье. Особенности географической среды обитания он объяснял их физические качества и признаки людей, законы и государственное устройство, обычаи, традиции и нравы. Жаркий климат, по мнению Ш. Монтескье, способствует развитию лени, изнеженности, что в свою очередь приводит к формированию деспотизма как формы правления. Примерно также влияет на характер людей и плодородие. Непогодородная же почва формирует стремление к свободе. Жарким климатом Ш. Монтескье объясняет происхождение рабства, особенности взаимоотношений мужчины и женщины: пылкие

² См.: Избранные книги. — М., 1936.

См.: Косминский Е.А. Историография Средних веков. — С. 116.

ожные нравы заставляют мужчину держать женщину взаперти. Холодный же климат делает людей физически выносливыми: «...холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу»¹.

В то же время Ш.Монтескье считает, что законы, принятые в обществе, могут сдерживать, ослаблять влияние географической среды. Это самый убедительный вывод из всех приведенных ранее. Связь же между географическим фактором и феноменами человеческого поведения в большинстве случаев не доказана. Несостоятельной оказывается не сама идея влияния климата на жизнь людей, что неоспоримо, а прямые параллели между климатом и жизнью людей: лень — от жары, плодородие почвы порождает любовь к жизни, а его отсутствие ведет к войне. Буквально следующее: «Бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного — правлению, которого в те времена совсем не ждала Греция»². Подобные ссылки на географическую среду не имеют необходимой доказательности, которая подменяется констатацией мнимой очевидности взаимосвязи столь разных факторов — почвы и формы правления. Влияние географической среды на различные стороны жизни людей было — и остается — как прямым, так и косвенным, опосредованным, и задача конкретного исторического анализа — различать то и другое в каждом конкретном случае.

Последующее развитие философско-исторической мысли, в о-первых, обнаруживало отход, от оценки географического фактора как главной или даже единственной первопричины развития истории. Отметим определенную несообразность данного представления: как может быть единственным источником развития географическая среда, которая на протяжении тысячелетий существенно не менялась? Значит, дело вовсе не только в ней. Понимание этого постепенно приходило с развитием познания. В о-вторых, стали появляться элементы дифференцированного подхода к оценке роли этой среды в разное время и по отношению к различным сторонам деятельности человека. Определенные свидетельства тому есть в философско-исторической доктрине позитивизма.

Наиболее серьезная попытка связать изучение истории с фактором географической среды принадлежит Г. Т. Боклю. Под действием физических законов в истории он понимал влияние на человеческую деятельность «климата, пищи, почвы и общего вида природы»³. Содержание и структуру оставшегося незаконченным ис-

следования Г. Т. Бокля составляют многочисленные попытки выявить соотношение между географическим фактором, его особенностями в каждом случае и различными сторонами человеческой деятельности. В прямую зависимость от этого фактора он ставил накопление богатства, т. е. хозяйственную деятельность человека. Накопление богатства является самоцелью, но служит возможности приобретения и роста знания, т. е. духовному фактору как главному условию развития цивилизации. В логике рассуждений Г. Т. Бокля есть то, что весьма сближает его с просветителями, — стремление связать географическую среду с хозяйственной деятельностью, законодательством, формами государственного устройства, нравами, искусством, религией. Степень обоснованности его выводов об обусловленности географической средой каждой из этих сфер жизни различна. Можно ли, скажем, отнестись с доверием к выводам Г. Т. Бокля о том, что в Азии и Африке условием развития цивилизации являлось плодородие почвы, а в Европе — климат?¹ Ни климата, ни плодородия почвы недостаточно для объяснения сходства и различий исторического развития стран и народов.

Однако у Г. Т. Бокля есть и отступления от прямых параллелей между географической средой и деятельностью человека в истории. Например, он пишет, что на ранних ступенях развития истории зависимость хозяйственной деятельности (накопления богатства, по его терминологии. — *Н.С.*) от географической среды является полной и неограниченной, тогда как при более развитом состоянии общества действуют «другие обстоятельства»², правда, он не указывает, какие. Но есть еще один вопрос, на который Г. Т. Бокль обращает внимание, но на который не дает прямого ответа: «Как и почему распределяется богатство между классами в обществе?» По его мнению, это не зависит от влияния географической среды. Реализмом отличается вывод общего значения ученого: «...везде на нас лежит рука природы, и... история ума человеческого только тогда может сделаться понятной, когда мы свяжем ее с историей и явлениями материального мира»³.

Заметным явлением в осмыслении проблемы роли географической среды в истории стала книга нашего соотечественника Л. И. Мечникова (1838 — 1888) «Цивилизация и великие исторические реки». Отчасти продолжая традицию философско-исторической мысли просвещения, позитивизма, отчасти полемизируя с ней, Л. И. Мечников сосредоточил внимание на проблеме соотношения географической среды и истории в связи с оценкой роли рек в развитии человеческой цивилизации. В этом новизна его позиции. Обращение к этому аспекту связано с реальным истори-

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 350.

² Там же. — С. 392.

³ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии : в 2 т. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 44.

¹ См.: Бокль Г. Т. Указ соч.

² Там же. — С. 50.

³ Там же. — С. 166.

ческим фактом — возникновением древних цивилизаций на берегах рек — Нила, Тигра и Евфрата, Хуанхэ и Янцзы, Инда и Ганга. Следует отметить реализм подхода Л. И. Мечникова к проблеме — он не рассматривает реки в качестве единственного или даже главного условия формирования цивилизаций. Это связано с его общей оценкой географического детерминизма. При всем том, что Л. И. Мечников считал труд Г. Т. Бокля классическим, его собственный взгляд на проблему был существенно иным: «Мы далеки от географического фатализма (выделено автором. — Н. С), в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности»¹. Фактор человеческой деятельности, труд — «...первое и самое необходимое условие для зарождения исторической жизни и прогресса»². Нетрудно понять, что, выразившись таким образом, Л. И. Мечников поставил проблему огромного научного значения, хотя это касается уже не природы, а истории. По поводу роли географической среды он писал так: «...мы отнюдь не являемся защитниками теории "географического фатализма", провозглашающего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации»³. По мнению Л. И. Мечникова, главную причину возникновения цивилизации не следует искать в условиях географической среды; «характер цивилизации и социального строя зависит главным образом от того способа приспособления к условиям окружающей среды, какой практикует данный народ»⁴. «Способ приспособления», — это жизнь людей, история, которую надо изучать, отыскивая источники развития в ней самой.

Подчеркнуто негативное отношение Л. И. Мечникова к оценке географической среды как фундаментальной первоосновы всех сторон жизнедеятельности в истории опирается на значительный объем материала и высокий уровень доказательности в большинстве случаев анализа. «В жарком поясе, — писал он, — несмотря на его роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почетную страницу

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. — М., 1995. — С. 262.

² Там же. — С. 274.

³ Там же. — С. 323.

⁴ Там же. — С. 227.

летописях человечества. Здесь причина кроется в самом факте...⁰ лйШнего развития органической жизни во всех ее формах, это Изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны^{всё} необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности»¹. Но ведь цивилизации Шумера, Аккада, Древнего Египта возникли в условиях жаркого климата, причем этот климат не помог сохранить высокий уровень развития этих цивилизаций позже, в Средние века и Новое время. История сделала свои поступательные шаги в другом месте, с иным климатом — в Западной Европе, а более определенно — в туманном Альбионе. Значит, дело не только в климате. На заре человеческой истории климат способствовал возникновению очагов человеческой цивилизации, но с ее развитием и прежде всего с прогрессом ее материальных основ, производительной силы труда, средств сообщения и т.д. роль природно-географической среды ослабела, хотя и не сошла на нет.

Нетрудно заметить, что место и роль Древней Греции и Греции более поздних столетий, включая современность, в мировом историческом развитии несопоставимы, и климатом это никак не объяснить, особенно если учесть отсутствие значительных перемен в нем за все прошедшее время. Достоинство концепции географического детерминизма заключается в следующем: она ищет объяснения истории в ней самой, не в каком-то ином мире трансцендентальных сущностей, а в реальных природно-географических условиях жизни людей. Источником уязвимости этой концепции является прежде всего стремление ее авторов и сторонников усматривать в географическом факторе первопричину и даже основу истории в целом. Стремление установить непосредственную связь исторических событий с географической средой зачастую было безрезультатным ввиду того, что связь между этой средой и различными сторонами человеческой деятельности не прямая, а опосредованная. Определяется это не в ходе абстрактного теоретического мышления, а в результате поиска конкретных причин столь же конкретных событий или процессов. Простое сопоставление логики развития истории и состояния природно-климатических условий свидетельствует о несостоятельности концепции географического детерминизма: фундаментальные перемены в Жизни и развитии человечества не связаны с природно-климатическими условиями. Сегодня люди пришли к осознанию угрозы

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. — С. 273.

для жизни климатических изменений, порождаемых развитием цивилизации. В последние десятилетия цивилизация оказывает губительное влияние на природно-географическую среду. Следствие — в соответствии с концепцией географического детерминизма — стало в некотором смысле причиной, что свидетельствует об уязвимости этой концепции.

Анализ философско-исторической мысли XX в. показал различное отношение исследователей к роли географической среды в истории. Выдвинутая в противовес позитивизму и линейному представлению об истории концепция локальных цивилизаций А. Тойнби в значительной мере опирается на оценку географического фактора, как причины, исходного пункта возникновения и развития цивилизации. Географическая среда бросает вызов, на который общество должно дать ответ. Ответ должен быть адекватным и предполагать новый ответ. Это — условие цивилизации. Например, море — вызов, судоходство — ответ и т.д. А. Тойнби называет это формулой «вызова—и—ответа»¹. Данный феномен наглядно показывает реальное соотношение в деятельности человека географической среды и других факторов.

Рассмотрим формулу «вызова—и—ответа» на примере. Вызов — море. Он всегда один и тот же. Ответ — плавание. Однако плавать можно на плотах из базальтовых древен, прообразе Кон-Тики, на парусниках времен Колумба, на «Титанике» и атомной подводной лодке. Свести все это многообразие к вызову географической среды было бы странным, чтобы не сказать больше.

Среда — это предпосылка, остальное — человеческая деятельность: намерения, цели, воля, возможности и материальные условия их реализации. Последнее очень существенно, ведь желание плавать на «Титанике» не могло появиться раньше, чем желание плавать на паруснике.

Формула «вызова—и—ответа» является новым лишь в терминологическом выражении проблемы роли географической среды, которая, как это очевидно, изучалась на вполне солидном научном уровне задолго до А. Тойнби. Этот феномен упоминается историком в связи с анализом становления двадцать первой цивилизации на заре человеческой истории. Значение этого анализа — в привлечении нового фактического материала по проблеме соотношения географической среды и образа жизни людей. Рациональный смысл взглядов А. Тойнби — в признании того, что причина генезиса цивилизации кроется не в единственном факторе, а в их совокупности. Это верно, хотя и не ново. Далее, вполне резонно считая, что разные типы природной среды имеют различное значение для генезиса цивилизации, историк утверждает:

¹ См.: Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д.Жаркова. — М., 1996

«Мы достаточно определенно установили истину, согласно которой благоприятные условия враждебны цивилизации, и... чем благоприятнее окружение, тем слабее стимул для зарождения цивилизации». Во-первых, это не ново — намек на такое понимание среды есть у Г.Т.Бокля, Л.И.Мечникова, во-вторых, рассмотрение благоприятных природно-географических условий в качестве своеобразного тормоза роста цивилизации противоречит не только здравому смыслу, но и очевидным фактам.

Но А.Тойнби идет и значительно дальше. Он вводит некий «закон компенсаций» в связи с ситуацией чрезмерности вызова, т. е. в связи с крайне суровой природной средой, и рассуждает по поводу обоснованности формулы: «Чем сильнее вызов, тем сильнее ответ». По его мнению, есть золотая середина вызова, которая обеспечивает максимальную энергию ответа. Увеличение же суровости вызова дает обратный ответ. Суровость вызова содержит в себе и компенсацию, некий плюс в сочетании с минусом. А.Тойнби приводит пример: северо-американская пустыня не только стимулировала поселенцев к действиям, но и защищала их от незваных гостей. Очевидно нарушение логики рассуждений: неприютность пустыни не мешала поселенцам, но отталкивала незваных гостей, тем более что для чужаков это была уже заселенная территория, т. е. уже не пустыня.

В отличие от Г. Т. Бокля и особенно от Л. И. Мечникова, пытавшихся выявить реальное значение географического фактора для различных сторон жизни людей, А.Тойнби занят в основном надуманными рассуждениями и столь же беспочвенными формулировками законов. В представлениях этого историка есть существенный изъян: в дальнейшем развитии цивилизаций после их генезиса географическая среда выпадет из логики рассуждений, исчезает как фактор, и все развитие цивилизации объясняется изменениями лишь человеческой среды. В действительности влияние природно-географических условий на жизнь людей имеет место на всем ее протяжении.

Понять ошибочность рассмотрения географического фактора как первопричины, первоосновы исторического развития помогают факты, свидетельствующие о недоказуемости такого представления. Основной тезис одного из вариантов объяснения (теории) гибели культуры майя таков: под воздействием солнечной активности произошел спад рождаемости, причем по вине женщин, и культура погибла. Как это доказать? В 20-е гг. XX в. советский физик А.Л.Чижевский (1897—1964) предложил вариант объяснения исторических событий со ссылкой на пики солнечной активности. Он связывал 11-летние периоды пятнообразовательной деятельности Солнца, точнее, время ее максимумов,

¹ Тойнби А. Постигание истории. — С. 104.

с временем концентрации исторических событий, разного рода катастроф, войн, революций и т.д.¹ А.Л.Чижевский считал, что пики солнечной активности порождают рост, взрыв «нервно-психической возбудимости человеческой популяции» и как следствие — изменения в поведении людских масс. Вот некоторые выводы и примеры рассуждений этого ученого. Эпидемии чумы совпадали с периодами максимальной активности Солнца 30 раз, а с периодами минимальной его активности — около 8 раз. Февральской революции 1917 г. и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России, Ноябрьской революции 1918 г. в Германии предшествовали мощные подъемы пятнообразовательной деятельности Солнца. Максимум деятельности Наполеона падает на максимум солнцедейтельности; минимум солнцедейтельности совпадает с 1808 по 1811 г., когда Наполеон не предпринимал каких-либо походов. Вывод общего значения: течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов через 11 лет и соответствует периодам пятнообразовательной деятельности солнца. Автор заключает: бушует природа Солнца и Земли — волнуются люди, успокоилась природа — успокоились люди².

О проблемах соотношения человека и естественно-географической среды А.Л.Чижевский рассуждает с точки зрения физика. Он выражает надежду на превращение истории из «условной сказки» в точную науку. Ученый переносит стиль естественно-научного мышления на познание общественных явлений: тождественные явления, протекающие по определенному закону, должны давать при прочих равных условиях одинаковые результаты. На ошибочность подобной логики мышления мы уже указывали ранее, в данном же случае следует отметить, что негативный характер влияния повышенной солнечной активности на физиологию человека, даже здорового, очевиден. В период максимальной солнечной активности врачи рекомендуют проводить время дома, а не участвовать в перелетах. Остается сомнительным, что повышенное кровяное давление толкает людей к революции, тем более что основная ее причина давно и хорошо известна: это — нужда, которая является продуктом определенных исторических условий. Но даже если рассматривать солнечную активность как источник прилива энергии, остается непонятным, почему эта энергия реализуется во взрывной форме социальных потрясений, революций? Объяснение этого явления само нуждается в объяснении. Действительно, в 1808—1811 гг. Наполеон не предпринимал завоевательных походов, но причину этого следует искать не в действии небесных сил, а в том, что он готовился к походу на Россию, для чего собирал 600-тысячную

¹ См.: *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. — Калуга, 1924.

² Там же.

армию из рекрутов стран Западной Европы. Одним словом, проблема влияния солнечной энергии на организм человека — это Проблема физиологическая, и чтобы судить об истории, нужно видеть гораздо более определенно обусловленность состоянием физиологии человека мотивов его социального поведения, чего в концепции А.Л.Чижевского нет.

В последнее время концепция А.Л.Чижевского в сочетании с теорией длинных войн в экономическом развитии Н.Д.Кондратьева (1892—1938) стала основой для аналогичных представлений об обусловленности исторических событий пиками солнечной активности. По мнению В.Т.Рязанова, если сопоставить циклы А.Л.Чижевского и циклы Н.Д.Кондратьева с историей России, то выясняется, что наиболее крупные исторические события происходили именно в периоды пиков солнечной активности. На них пришлось также студенческие волнения в Париже в мае 1968 г., Исламская революция в Иране в 1978 г., «бархатные революции» в Восточной Европе в 1989—1990 гг. и распад Югославии в 1991—1992 гг.¹ Одним словом, прежняя логика: после этого — значит вследствие этого.

В оригинальной исторической концепции Л.Н.Гумилева (1912—1992) определенное значение имеет географический фактор. Одно из основных понятий этой концепции — «пассионарность» — вышло за рамки языка специального научного исследования и стало термином литературного языка эпохи. Что же такое пассионарность? У Л.Н.Гумилева нет однозначного толкования сути данного понятия. Пассионарность (от лат. *passio* — страсть) — это качество и отдельных людей, и целого этноса, причем пассионарность этноса измеряется количеством в нем пассионариев. Пассионарность — способность организма поглощать энергию окружающей среды, которая проявляется потом в виде действия; это биологический признак, передающийся по наследству; это — ступок биохимической энергии, толчок к действию. Исходным пунктом развития этноса, по мнению Л.Н.Гумилева, является пассионарный толчок, вызванный природным фактором, космическим излучением.

В результате возрастает пассионарная напряженность этноса, которая, однако, сообщается не всем, а лишь некоторой части людей — пассионариям; последние заряжают активностью всех остальных. Динамика развития этноса включает фазы подъема и Упадка пассионарности, из которого может вывести только новый пассионарный импульс.

Что же касается перевода логики мышления Л.Н.Гумилева на язык конкретных примеров и фактов, то он таков. Что заставило

¹ См.: *Рязанов В. Т.* У нашей страны особый путь // Советская Россия. — 1993. — 10 окт.

Александра Македонского начать завоевательный поход в Индию... Почему монголы-кочевники пошли за Чингисханом и завоевали полмира, заведомо уступая покоренным народам по численности и уровню развития... Почему Наполеон решился на серию завоеваний во многом вопреки здравому смыслу, а А.В.Суворов побеждал врага в абсолютно невыгодных условиях для русской армии? Причиной всех этих событий, по мнению Л.Н.Гумилева, является *пассионарность*¹. Можно привести множество аналогичных «почему», ответ на которые также примерно одинаков: подобные факты объясняются неравномерностью распределения биохимической энергии живого вещества биосферы, что отражается на поведении этнических коллективов в разное время и в различных регионах. То есть в основе событий лежит *пассионарность*.

Действительно, страсть как высшее выражение реальных земных целей лежит в основе человеческой деятельности. По мнению Г.В.Ф.Гегеля, «...ничто не осуществляется без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью..., то мы должны вообще сказать, что *ничто великое в мире не совершалось без страсти* (выделено автором. — И. С.)»². И далее: «Александр Македонский завоевал часть Греции, а затем и Азии, *следовательно*, он отличался *страстью* к завоеваниям. Он действовал, побуждаемый любовью к славе, жадной к завоеваниям, а доказательством этого служит то, что он совершил также дела, которые прославили его» (выделено автором — И. С.)³. Ни Г.В.Ф. Гегель, ни сам Александр Македонский не знали истинных причин происхождения подобного рода страстей. Знание этого не приходит и после знакомства с концепцией *пассионарности*. Значит, не следует пытаться объяснять что-либо в истории посредством того, что само нуждается в объяснении, в данном случае — *пассионарностью*.

Развитие рассмотренных представлений о роли географической среды в жизни людей дает необходимую опору для современного рационального решения этой проблемы. Во-первых, неприемлемо истолковывать природно-географические условия как единственную первопричину, первооснову деятельности людей. Эти условия — всегда лишь один из факторов, наряду с которым необходимо учитывать целый ряд других причинно-следственных связей. Во-вторых, роль этого фактора в разное время была неодинакова: от максимально выраженной зависимости человека от природы на заре человеческой истории через постепенное ее ослабление до вторжения людей в природу, которое создает сегодня

угрозу ее существованию, а значит, и человеческой истории. В-третьих, природно-географическая среда оказывала и оказывает различное влияние на разные сферы человеческой деятельности; разница состоит в ее прямом или косвенном, опосредованном воздействии на эти сферы.

Такое понимание роли географического фактора в общем, методологическом плане создает основу для конкретного исторического исследования, в ходе которого только и можно выявить совокупность факторов, породивших данное событие или процесс, и понять значение каждого из них. Во всех конкретных случаях роль природно-географической среды с неизбежностью будет разной. Есть лишь одно общее и устойчивое, т. е. независимое от времени, отличие географического фактора от остальных: являясь одной из предпосылок объяснения чего-либо, сам он не нуждается в каком бы то ни было объяснении, он — данность, природа, а не продукт деятельности человека. Впрочем, это не единственное по части природы в истории: физиология человека — тоже природа, однако объяснить ею изменения в истории все же невозможно по той простой причине, что на протяжении 35 — 40 тыс. лет в основных своих чертах она остается неизменной. Речь идет не о том, чтобы разьединить природное (физиологию человека) и социальное, ведь желание есть, пить, необходимость одеваться и обуваться — это физиология, и было бы странно отмахнуться от этого при изучении истории. И все же, когда Л. Н. Гумилев ставит вопрос о биохимическом аспекте *пассионарности*, он уходит в область проблем, не являющихся компетенцией историка. «Нехватка йода вызывает кретинизм, выделение адреналина создает страх или гнев; гормоны половых желез стимулируют любовную лирику и сентиментальный роман; химические соединения в качестве допингов воздействуют не только на физическое, но и на психическое состояние спортсменов...», — пишет он¹. Очевидно, что есть физиология человека — норма или патология — и есть вмешательство в физиологию, которое может иметь крупные социальные последствия (пример: наркомания). Однако, как объяснить физиологией человека, скажем, жадность, стремление разбогатеть? Могли ли иметь место такого рода помыслы в душе человека эпохи первобытного строя? Или более определенно: почему в Средние века мерилom ценности человека была знатность происхождения, а с переходом к Новому времени таким мерилom стали деньги? Мы бы никогда этого не поняли, если бы не обратились в каждом случае к окружающей человека общественной среде.

Понимание прошлого нашего Отечества и размышления о его будущем не могут обойтись без опоры на его природно-

¹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — Л., 1989.

² Гегель Г. Лекции по философии истории. — С. 76.

³ Там же. — С. 85.

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — С. 264.

географическую среду как в частных случаях, так и в проблемах масштабного характера. Одна из причин возвышения Москвы в XIII—XIV вв. — выгодное географическое положение. Сильные морозы в 1812 г. способствовали краху захватнических планов Наполеона, теплолюбивые французы не решились зимовать в таком холоде и отступили. Необычайно крепкий мороз зимой 1941—1942 гг. также стал нашим союзником. В январе температура воздуха достигала отметки -46 °С, что было непривычно для немцев, страдавших от обморожений, а также для танков, моторы которых было невозможно запустить. Однако разгромил гитлеровские войска не его величество мороз, а советский солдат: сибирским дивизиям, вставшим на защиту Москвы, холод был ничем.

Учет географического фактора не потерял своего значения и сегодня в связи с попытками решения фундаментальных географических проблем. Две трети (90 % населения страны) территории России находятся в холодном климатическом поясе. Это означает, что выход растительной биомассы с 1 га в России в 2 раза и более меньше, чем в Западной Европе, в 3 раза и более меньше, чем в США. Соответственно затраты на единицу сельскохозяйственной продукции у нас намного выше, чем на Западе; отсюда вывод о возможных последствиях выравнивания цен для отечественного производителя. Далее, Россия занимает территорию площадью 17 млн. км², что в 3,5 раза превышает территорию всей Западной Европы. Обширность территории является проблемой для рынка сбыта любой продукции. И дело не только в проблемах экономического свойства. Необъятные просторы влияли и влияют на психологию людей, их душевный склад.

Вот с чем столкнулся один из наших соотечественников во время поездки по Транссибирской магистрали. «Однажды я ехал с иностранцами до Новосибирска (всего лишь до Новосибирска, добавим мы. — Н. С.). До Волги они ехали спокойно, оживленно переговариваясь, пели песни, подзывали друг друга к окошку, показывали наши красоты и несуразности, смеялись. Волга их восхитила... "Муттер Вольга"! Послав ночь, они сосредоточенно и тихо рассматривали Уральские предгорья, перелески, россыпи каменных глыб и немного суровые наши города. Послав еще одну ночь, они присмирели, стали молчаливыми, попросили водки, считая, по видимому, ее наиболее соответствующим напитком этих расстояний. Проехали Омск, проносясь мимо безграничной Барабинской степи, выехав в тайгу, они с раздражением обратились ко мне: "А вы? Вы как себя чувствуете?" Я с недоумением ответил: "Хорошо! А что?" — "Но ведь это так давит!" — "Что?" — "Ну, вот эти расстояния". — "Да что вы! Так легко дышится".

Подумал о том, что для европейца такие расстояния не только не привычны, они пугают его, давят, требуют возвращения в свой малый мирок, в его дом, его крепость, в свой Люксембург, в свою Швейцарию... Русский

человек — человек широкого, почти безграничного пространства. Его мают дали, огни... расстояния...»¹.

Многие черты характера и поведения русского человека связаны с природными условиями — широта души и безалаберность, надежда на авось; терпение и выходящая за рамки любого ограничителя взрывная энергия действия («Русские медленно запрягают, но быстро едут». — О. Бисмарк); способность к концентрации трудовых усилий и лень.

Но дело не только в психологии, и это особенно важно сегодня. Современная Россия территориально близка к России середины XVII в. Территориальный распад страны стал проблемой выживания всех народов, так как от сохранения целостности Российской государства зависит слишком многое.

8.4. Психологический детерминизм

Мир истории — это жизнь этносов, сословий, классов и т.д., одним словом, общностей. Индивид во все времена, хотя и с существенными различиями в зависимости от конкретных исторических условий, является частью этих общностей. «Особенно следует избегать того, чтобы... противопоставлять "общество", как абстракцию, индивиду. Индивид есть *общественное существо* (выделено автором. — Н. С.), поэтому всякое проявление его жизни даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного* (выделено автором. — Н.С.), совершаемого совместно с другими, проявления жизни,² — является проявлением и утверждением общественной жизни». Индивид может обособляться только будучи членом общества. Наличие общностей, общества в конечном счете подразумевает, что люди вступают друг с другом в общественные отношения — производственные, политические, социальные, религиозные и т.д. Фундаментальным, но не единственным признаком этих отношений является то, что они носят безличный характер, что особенно характеризует взаимоотношения социальных слоев, прослоек, сословий, классов и т.д. Общественные отношения определяются местом, занимаемым социальным слоем или отдельным индивидом в существующей в каждый данный момент структуре общественных отношений. Эта структура является объективной, т. е. представляет собой продукт развития общества, а не произвольного выбора, чьей бы то ни было воли.

И все же: историю делают не носители социальных функций и Ролей (фараоны, рабы, феодалы, крепостные и т.д.), а люди. Пове-

¹ Ганичев В. Державный путь // Советская Россия. — 2001. — 26 июля.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. — С. 590.

дение человека во все времена характеризуется не только видом его деятельности (социальной ролью), но и определенным отношением к этой деятельности или к различным сторонам общественной ситуации. Это — область социального настроения, социальных эмоций, индивидуальных или коллективных.

В эпоху греко-римской Античности физический труд считался занятием, позорящим свободного человека, достойными занятиями были лишь умственная деятельность и художественное творчество. Последнее столетие Римской империи характеризовалось упадком нравов и отречением от земных благ. В эпоху Средневековья считалось предосудительным обращение дворян к производственным занятиям, хотя в разных странах отношение к этому было различным: во Франции это грозило исключением из дворянского сословия, в Англии же допускалось. К проявлениям социальных эмоций можно отнести религиозную борьбу в Германии в период Реформации, патриотический подъем в стране в период Наполеоновских войн, подъем национальных чувств в годы борьбы народов Индии и других стран за освобождение от колониального ига, героизм и самопожертвование советских солдат в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., трудовой энтузиазм в период освоения целинных земель в СССР и т.д. Определенным общественным настроением характеризовалась эпоха «застоя» в СССР в последние годы пребывания у власти Л.И.Брежнева. В период ваучерной приватизации 90-х гг. и XX в. общественный настрой проявился в стремлении многих людей разбогатеть и стать собственниками.

Перечисленные примеры социальных эмоций различаются по сути и степени устойчивости и в разной мере характеризуют ту область социального поведения, индивидуального или коллективного, которая называется социальной психологией. Примерами подобного рода эмоций являются страх (страх перед колдовством, страх возмездия за содеянное); стыд (стыд матрон Древнего Рима появляться обнаженными перед мужчинами своего сословия, стыд аристократов за свою бедность); гордость (за своих близких, за Отечество); скромность (черта поведения приверженцев кальвинизма; полное пренебрежение Ж.Ж.Руссо и К.А.Сен-Симона во второй половине жизни к своему материальному положению); ненависть (социально-классовая ненависть участников штурма Бастилии, ненависть инквизиторов к еретикам в Средние века в Западной Европе); упорство в достижении поставленной цели, крайняя мера приверженности чему-либо (приверженность старообрядцев своей вере, живущих отдельными поселениями в делях верховий Енисея и в Южной Америке). Следует подчеркнуть: без эмоциональной окраски индивидуального или коллективного, массового поведения людей истории не бывает. Следовательно, ее невозможно вполне адекватно понять и объяснить без учета фак-

тора социальной психики как одного из начал человеческой деятельности.

В связи с этим возникают по крайней мере два вопроса: «Каково происхождение социальных эмоций?», «Какова их роль в истории?». Очевидно, что физиология человека — конечная материальная основа психики, однако эмоции не могут быть сведены лишь к ней: их различие в зависимости от времени и ситуации слишком очевидно. Впрочем, одна и та же физиологическая реакция может быть и результатом эмоций: обида, радость, боль и т.д. могут вызывать слезы. На первый из поставленных выше вопросов попытался дать ответ известный советский историк Б.Ф.Поршнев (1905—1972). Он отверг возможность рационального объяснения особенностей социальной психики в том или ином случае со ссылкой на физиологию человека¹, что вполне обоснованно в свете изменчивости первой и устойчивой неизменности второй. Наряду с этим ученый отверг и какую бы то ни было роль природно-географической среды, что ошибочно в свете приведенного в предыдущем разделе материала. Обоснованной автор считает позицию, которая опирается в объяснении особенности психического склада на исторически сложившиеся экономические, социальные, культурные условия жизни каждого народа², что вполне рационально. Для нас это важно и в другом отношении: психологические мотивы индивидуального или коллективного поведения нуждаются в объяснении относительно своих истоков.

Что же такое психологический детерминизм, какова его роль в познании явлений общественной жизни? Психологический фактор впервые стал привлекаться историками в качестве аргумента для объяснения тех или иных явлений в XIX в. Известный французский историк И.Тэн (1828—1893) одним из первых сформулировал психологический метод изучения общества. Согласно этому методу психология людей имеет решающее значение в истории. И.Тэн использовал выражение «психологическая анатомия». «Психологическая анатомия» не изначальна и формируется тремя факторами: расой, средой (климат, географические условия³), социальной и психологической обстановкой данной эпохи⁴.

Немецкий психолог В.Вундт (1832—1920), один из создателей этнопсихологии, предметом которой было психологическое истолкование мифов, религии, искусства, обычаев и т.д.⁴, выпустил капитальный труд «Психология народов». Это исследование

¹ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. — М., 1966.

² Там же. — С. 99.

³ См.: Тэн И. Происхождение современной Франции / пер. с фр. — СПб., 1907. — Т. 1-5.

⁴ См.: Вундт В.М. Проблема психологии народов. — М., 1912.

оказало заметное влияние на формирование представлений о психологическом детерминизме у профессиональных историков. Известный немецкий исследователь К.Лампрехт (1856—1915) отстаивал методологический принцип, согласно которому предметом изучения историка является коллектив, а не отдельные личности, и стремился доказать, что действие масс в истории определяется факторами интеллектуально-психологического характера. Социально-экономические отношения, по мнению К.Лампрехта, должны рассматриваться в тесной связи с духовным развитием человечества, определяющимся закономерностями социальной психики. Ученый настойчиво подчеркивал, что в основу методологии истории следует положить социальную психологию. Обоснование метода коренится, согласно К.Лампрехту, таким образом, в природе человеческой психики, причем решающее значение имеет коллективная психология, определяющая психологию отдельной личности. Носитель коллективной социальной психологии — нация¹.

По существу мы имеем дело с психологизацией исторического процесса, сводящей его развитие к развитию коллективной (т.е. национальной) психики. Самым уязвимым, а по существу недоказанным и не раскрытым фактором в этой логике представления об истории, остается понятие «коллективная психология», из которого выводится все, но само оно выглядит как некая метафизическая тайна, не требующая какого-либо объяснения по части своей природы. В этом К.Лампрехт делает шаг назад по сравнению с И.Тэнном. Если мы хотим добиться более глубокого и основательного понимания истории с помощью социально-психологического фактора, нужно более тщательно изучить механизмы формирования особенностей психики человека в той или иной общественной среде.

Проблема социальной психики с точки зрения ее истоков, предпосылок и значения в деятельности человека и в истории привлекала внимание отечественных ученых дореволюционной поры. Н.И.Кареев неоднократно обращал внимание на то, что общество невозможно без психического взаимодействия его индивидов: «...основа общественности находится в психике»². По мнению В.М.Хвостова, общество «...есть духовный организм, возникающий благодаря тому психическому взаимодействию, в которое вступают между собой образующие его люди»³.

Е.Н.Щепкин (1860—1920) выделял «коллективную психологию» в качестве самостоятельно фактора исторического про-

¹ См.: *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в.

² *Кареев Н. И.* Историология. — С. 136.

³ *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. — С. 250.

есса¹. Придавая социальной психике важное значение в истории и ее познании, отечественные историки рассматривали ее в рамках многофакторного подхода; реализм их взглядов, следовательно, уже в том, что психологический детерминизм выступает в качестве одного из факторов деятельности человека и ее познания. Несколькими дальше, чем другие, шел в понимании природы исторической психологии Н. И. Кареев. Он ввел в ее структуру элемент коллективного бессознательного как способа духовной самооценки бытия в переживаемое время. Эта «бессознательная философия общества», по выражению Н.И.Кареева, возникает на основе социального, экономического и культурного взаимодействия².

В XX в. проблемы социальной психики стали привлекать все более широкое внимание представителей разных областей общественно-научного познания, причем в отечественных исследованиях советского периода и зарубежных исследованиях анализ этих проблем осуществлялся с существенными различиями. Самое главное из них связано с оценкой роли и значения человеческих эмоций, т.е. социальной психики, в деятельности людей и в ее изучении. В отечественной литературе в результате споров и дискуссий возникла дисциплина «Социальная психология» как область научных исследований и как учебный предмет психологических факультетов университетов. Индивидуальная, как и коллективная, психика является продуктом соответствующей общественной среды. Задача социальной психологии — изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их включением в социальные группы, а также изучение психологических характеристик самих групп.

Следовательно, индивидуальная, как и коллективная, психика — одна из детерминант (факторов) деятельности человека в истории. Социальная психика — это область социальных эмоций, настроений индивидов, коллективов, людских масс.

Эмоциональное (настроение) и рациональное (интеллект) в различном их сочетании пронизывают все сферы человеческой деятельности, которую невозможно понять и объяснить, не разобравшись в том и другом виде ее мотивации. Оказать влияние на настроение — значит повлиять на ход событий; объяснить соответствующий эмоциональный настрой людских масс — значит в известной мере пробиться к пониманию данного хода этих событий.

Понимание социальной природы индивидуальной и коллективной психики не чуждо представителям ряда направлений западной философско-исторической мысли XX в. Заслуживает вни-

¹ См.: *Щепкин Е. Н.* Вопросы методологии истории. — Одесса, 1905.

² См.: *Кареев Н. И.* Историко-философские и социологические этюды. — СПб.,

мания прежде всего школа «Анналов» ни механизмы общественных учреждений, ни идеи той или иной эпохи не могут быть поняты и разъяснены историком, — если он не охвачен первоочередной заботой, которую я назову заботой психологической: стремлением увязать, соизмерить каждую совокупность условий существования данной эпохи со смыслом, который вкладывают в свои идеи люди этой эпохи. Ибо эти идеи, как и все прочие, окрашиваются этими условиями, приобретая вполне отчетливый для каждой эпохи и для каждого общества колорит»¹. В этой формулировке есть нечто отступающее от привычных представлений о причинно-следственных связях: чтобы понять учреждения эпохи, необходимо уяснить идеи, которыми руководствовались люди той эпохи. Однако следует помнить, что эти идеи в свою очередь окрашиваются условиями эпохи. И то и другое верно, но где причина, а где следствие? С чего начинается мышление?

Л. Февр вводит понятие «индивидуальная историческая психология» как дисциплины, которую нужно еще создать. Историческая психология — психология изучаемого времени, которая строго индивидуальна и не совпадает ни с какой другой. Индивидуальная историческая психология выглядит в этой логике рассуждений как звено, которое является началом цепи человеческих действий. В этом следует искать корни межличностных отношений людей, следовательно, добавим, — и общественных отношений. Речь идет о таком понимании истории, которого, по мнению Л.Февра, еще нет. А пока «...не приходится говорить и о *подлинной истории вообще* (выделено автором. — Н.С.). Подумать только — у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости»².

Л. Февр³ считал основой основ работы «каждого настоящего» историка изучение роли эмоционального начала, истории чувств. Первооснову (первопричину) деятельности человека в истории исследователь усматривал в области коллективной, а еще глубже — индивидуальной психики. Соответственно, настоящим историком будет лишь тот, кто строит свое понимание изучаемых явлений на фундаменте социальной психики. Пока же нет ни подлинной истории, ни вполне настоящих историков — таков взгляд Л.Февра на реальность пройденного пути исторического познания. Следует сказать, что такая оценка ошибочна. Примеры подлинно научных исторических исследований, как и имен настоящих историков, были до и после Февра и не являются таким уж редким исключением в развитии познания. Что же касается идеи Л.Февра о пре-

вращении истории в подлинную науку упомянутым способом, то ожидаемый результат более чем маловероятен.

Возьмем тему любви, остающуюся малоизученной историками школы «Анналов». Эта область взаимоотношений мужчины и женщины имеет своеобразие в каждое время. Однако в любом случае любовные переживания нельзя оторвать от семейно-брачных отношений. Между тем проблема возникновения и развития семейно-брачных отношений на разном материале изучена несравненно лучше, чем история любви. Почему так произошло? Не потому, конечно, что в жизни, как и в познании, любовь является тем чувством, которым можно пренебречь. Важно другое: историки изучали формирование и развитие семейно-брачных отношений, опираясь на совсем другие реалии, и нет оснований считать, что это ошибочно.

В немецкой историографии XIX в. проблема перехода от родоплеменных отношений к моногамии у германских племен позднеантичного и раннесредневекового периодов рассматривалась в тесной связи в связи с переходом к земледелию как основному занятию, а также с развитием форм собственности на землю. Такой подход нашел отражение в работах крупных немецких медиевистов Г.Л.Маурера (1790-1872), Г.Вайца (1813-1886), О.Гирке (1841—1921) и др.¹ В изучаемых источниках не было ничего о любовных страстях и эмоциях, даже состояние и формы семейно-брачных отношений приходилось выявлять косвенно, выясняя, кто является трудящимся субъектом, какова процедура передачи земли по наследству, кто из родственников имел право наследовать земли и т.д. Эволюцию семейно-брачных отношений у германских племен от большой семьи к малой индивидуальной семье через эволюцию их хозяйственных распорядков, развитие форм собственности на землю и закрепляющих их юридических норм² удалось показать советскому историку А. И. Неусыхину (1898—1969). Надо признать: даже самые выраженные любовные страсти и эмоции не смогли бы помочь разобраться в таком характере эволюции семьи. Современные отечественные авторы, которые не вполне разделяют взгляды А. И. Неусыхина, признают, что в период раннего Средневековья из сравнительно широких родственных коллективов происходило выделение наиболее близких родственников (родители и их дети), образовавших семьи, объединенные «тесными домохозяйственными узами»³. В данном случае любовные страсти также не фигурируют в качестве фактора изменения

¹ Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. — М., 1994. — С. 118.

² Там же. — С. 123.

³ Там же. — С. 125.

¹ См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории...; Гутнова Е. В. Историография истории Средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). — М., 1974.

² См.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в западной Европе VI—VIII вв. — М., 1956.

³ См.: Габдрахманов П. Ш. Средневековые крестьяне и их семья. — М., 1996.

структуры семейно-брачных отношений. Но это все же не дает нам основания считать взгляды рассмотренных выше историков лишь в качестве некоей предыстории семьи по отношению к той «подлинной», на которую уповал Л.Февр. К тому же любовь как разновидность межличностных эмоций сама требует объяснения. Лишь потом можно пытаться, опираясь на нее, объяснять что-то другое. Взаимоотношения в Средние века мужчины и женщины высших слоев общества отличались от взаимоотношений мужчины и женщины крестьянского происхождения.

После исследования Л.Февра появились работы, в которых анализируются проблемы социальной психики применительно к прошлому — проблемы истории любви, сексуальности, милосердия, жизни, смерти¹. Они вводят пласты нового фактического материала, освещают те стороны жизни прошлого, которые были вне поля зрения историков. Однако эти работы не меняют фундаментальных методологических основ исторического познания, следовательно, не только они являются теми подлинно историческими исследованиями, о которых говорил Л. Февр.

Методологический потенциал психологического детерминизма явно недостаточен для того, чтобы стать фундаментальной основой, тем более — первоосновой нового понимания истории. Социальная психика представляет важность как один из факторов человеческой деятельности, ее изучения и объяснения историком. Историки, особенно представители школы «Анналов», обоснованно считали продуктивным научным приемом сочетание данных психологии как науки о человеке с данными истории, в связи с чем возникло выражение «историческая психология». Л.Февр подразумевает под исторической психологией психологию людей прошлого². Опираясь на авторитет этого историка, некоторые отечественные авторы идут значительно дальше. «Необходимо создать, — пишет В.А. Шкуратов, — историческую психологию, которая станет основой науки о прошлом»³. И далее: «Из соединения знаний о современности с историческим взглядом должны возникнуть универсальные характеристики психической жизни и синтетическая наука о человеке»⁴. В данном случае мы имеем дело, по существу, с попыткой усмотреть в социальной психологии единственную и конечную первооснову истории.

¹ См.: *Zeldin T.* France, 1848-1945. - Oxford, 1973. - Vol. 1-2.; *Mandrou R.* Introduction to Modern France, 1500-1640: An Essay in Historical Psychology. — N.Y., 1976; *Foucault M.* Histoire de la sexualité. — 3 vol. — 1958; *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. — М., 1991.

² См.: *Февр Л.* Бой за историю.

³ *Шкуратов В. А.* Историческая психология. — М., 1997. — С. 112.

⁴ Там же. — С. 113.

8.5. Демографический детерминизм

«Историю делают люди» — в этом тезисе заключена возможность формулировки отдельной теоретической проблемы, значимой для понимания любой эпохи человеческой истории. Речь идет о влиянии на ход событий, самых разных по масштабам и последствиям, колебания численности населения, ее динамики. Проблема демографического детерминизма — одна из сравнительно поздних в практике конкретного исторического исследования и области методологии.

Термин «демография» появился приблизительно в середине XIX в. В 1877 г. в популярной французской энциклопедии П.Ларусса (1817—1875) впервые была опубликована статья «Демография». В справочных изданиях России статья под таким названием появилась в 1893 г.¹ Термин «демография» утвердился в научной литературе различных стран примерно в середине XX в. С этого же времени начинается формирование особой дисциплины — демографии, или исторической демографии. В связи с ее появлением в учебном расписании отечественных университетов в 1967 г. было издано учебное пособие «Курс демографии». Становление демографии в исследовательском плане и в области образования было связано с определением ее предмета и задач, что предполагало выявление роли демографического фактора в развитии истории. Этот процесс начался задолго до появления соответствующей дисциплины и ее терминологического обозначения.

Одним из первых среди поставивших эту проблему мыслителей был представитель французского Просвещения К.А. Гельвеций. Высказанные им идеи имели концептуальное значение. Согласно представлениям К.А.Гельвеция, рост численности населения лежит в основе всех перемен в развитии общества. Мыслитель проводил прямую связь между этим ростом и материальными отношениями и считал, что накопление богатства небольшой группой людей, как и нищета большинства обусловлены именно ростом численности. Накопление богатства приводит к развитию городов, в которые устремляются многие, потому что для бедных там «...больше помощи, для порока — больше безнаказанности, а для сладострастия — больше средств удовлетворить его»². Распространение нужды приводит к формированию все более сурового законодательства и к зарождению деспотизма. Рост численности населения приводит и к изменению формы правления: «Граждане какого-нибудь государства, сделавшись весьма многочисленными, чтобы собраться в одном и том же

¹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 84 т. — СПб., 1894. - Т. 19. - С. 367.

² *Гельвеций К. А.* Соч. : в 2 т. - М., 1974. - Т. 2. - С. 316.

месте, назначали представителей»¹. Это влечет за собой раскол интересов представителей и тех, кто их представляет. Сосредоточение собственности в руках все меньшего количества людей подрывает устойчивость власти. «Все империи пришли к разрушению, и падение их нужно датировать с того времени, когда народы, размножившись, стали управлять через своих представителей; когда эти представители, используя различие интересов между представляемыми ими лицами, могли стать от них независимыми», — писал К.А.Гельвеций². Чрезмерно большая численность населения, по его мнению, является во всех странах конечной причиной порчи нравов.

Теория К.А.Гельвеция — это концепция демографического детерминизма, относящаяся к истории в целом, вследствие чего, очевидно, мыслитель был немало озабочен ни временными, ни территориальными особенностями развития. Это, впрочем, не помешало ему подметить некоторые весьма существенные особенности социальной стороны общественных перемен. Главный вывод К. А. Гельвеция: и накопление богатства, и его влияние на структуру власти, и состояние нравов восходят к фактору роста численности населения как своей первопричине.

Идеи К.А.Гельвеция оказались заразительными, они были в дальнейшем использованы представителями различных направлений философско-исторической мысли. В этой связи особо выделяется теория народонаселения английского экономиста Т. Р. Мальтуса (1766—1834). Ее суть такова. Людям присуще постоянное стремление к размножению, инстинкт.- Это закон роста народонаселения, являющийся одним из законов природы. Т. Р. Мальтус проводит прямую и непосредственную связь между ростом народонаселения и ростом средств существования: количество населения удваивается каждые 25 лет, если не существует каких-либо сдерживающих факторов (геометрическая прогрессия), тогда как средства существования не могут увеличиваться быстрее, чем в арифметической прогрессии. Суть его дальнейших рассуждений сводится к поиску и обоснованию средств обуздания роста населения³. Безусловно одно: между динамикой численности населения и производством жизненных средств существует связь, однако рост численности не означает автоматически ни накопления богатства (К.А.Гельвеций), ни роста нищеты (Т.Р.Мальтус). Все зависит от конкретной исторической ситуации.

В материалистическом понимании истории, начавшем формироваться в первой половине XIX в., человеческий фактор был изначально отнесен к числу фундаментальных. «История есть не

что иное, как последовательная смена отдельных поколений...», — писал К.Маркс¹. Материальное производство, развитие потребностей и «воспроизводство человеческой жизни» рассматривались в этой теории как важнейшие стороны развития истории на всем ее протяжении. Более определенно, с учетом различия значимости демографического фактора на разных ступенях развития истории, это нашло выражение в зрелом варианте теории: «Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд..., следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»². Речь идет не только о меняющейся значимости демографического фактора в зависимости от уровня развития производства, но и об учете последствий численности населения, его динамики для развития производства: «Увеличение населения увеличивает производительную силу труда, делая возможным большее разделение труда, большее комбинирование труда и т.д. Увеличение населения есть природная сила труда...», — писал К.Маркс³. Но и этим еще не исчерпывается суть трактовки проблемы представителями марксизма. Возникает вопрос, постановки которого мы не находим у К. А. Гельвеция, хотя он дает на него ответ: «Население, его воспроизводство, численность и динамика численности — это естественная предпосылка и условие общественного развития, как, например, географическая среда, или это результат развития общества, причем вместе с тем и одна из его предпосылок?» Ответ К.А.Гельвеция однозначен: естественная и изначальная предпосылка.

Иной расклад у К. Маркса: «...бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он как постоянная предпосылка человеческой истории есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат» (выделено автором. — Н. С.)⁴. В отношении реального исторического исследования это означает то, что, опираясь на демографический фактор для объяснения чего-то, следует и его рассматривать в качестве продукта определенных предшествующих условий и обстоятельств развития общества; только в этом случае он является причиной, предпосылкой

¹ Гельвеций К. А. Соч.: в 2 т. - М., 1974. - Т. 2. - С. 318.

² Там же. — С. 320.

³ См.: Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. — СПб., 1868.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. — С. 44.

² Там же. - Т. 21. - С. 26.

³ Там же. - Т. 46. - Ч. 1. - С. 374.

⁴ Там же. - Т. 26. - Ч. 3. - С. 516.

чего-то иного. Следует оговориться: термин «демография» в материалистической теории того времени не употребляется.

В XX в. самая значительная попытка анализа проблемы демографического фактора была предпринята историками школы «Анналов», которые высказали идею о фундаментальном значении численности населения и ее динамики. «...Насколько же несовершенны наши знания о численности населения мира вчерашнего, но ведь как для краткосрочного цикла, так и для долгосрочного, как на уровне местных реальностей, так и на огромной шкале реальностей всемирных — все связано с количеством, с колебаниями численности людей», — писал Ф. Бродель¹. Тем не менее представители школы «Анналов» не рассматривали демографическую структуру общества в качестве его первоосновы. Концепция «глобальной истории» Ф. Броделя основана на признании действия и взаимодействия в истории совокупности факторов и различных уровней ее развития. По его мнению, ментальные, демографические структуры — лишь отдельные составляющие из упомянутого взаимодействия. Наиболее исследованными из них Ф. Бродель считал экономическую, социальную, политическую и культурную системы. Каждая из них в свою очередь делится на подсистемы; системы (факторы) взаимодействуют, переходят друг в друга, благодаря чему любая из них может стать определяющей в той или иной ситуации. Таким образом, демографический фактор в этой структуре представлений взаимодействует с другими.

В последующем развитии школы «Анналов» отношение к нему изменилось, что особенно отчетливо проявляется в концепции «серийной истории» одного из ведущих представителей третьего поколения школы П. Шоню (1923 — 2002)². Концепция «серийной истории» складывалась во многом под влиянием взглядов Ф. Броделя, хотя ее суть значительно отличается от источника влияния. Развитие «серийного подхода» к истории предполагает ориентацию на изучение повторяемости в истории с применением к ее анализу количественных методов в противовес «событийной» истории. В центре внимания П. Шоню экономическая история, однако общий смысл концепции заключается во взаимодействии ряда наук о человеке — демографии, антропологии и этнологии. Историческая демография, по мнению историка, находится в центре всего: экономики, производства, биологии, а также жизни, смерти, любви. Демография опосредованно готовит встречу истории со всеми науками о человеке. Столь явное преувеличение П. Шоню роли демографии в упомянутом междисциплинарном

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.: в 3 т. - М., 1986. - Т. 1. - С. 42.

² См.: Максимов С.Н. Концепция «серийной истории» в трудах французского историка П. Шоню: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — М., 1997.

синтезе не означает отсутствия элементов рационального подхода к изучению динамики населения и т.д., однако это уже другая проблема.

Таким образом, развитие исторического познания привело к возникновению относительно самостоятельной области знаний — демографии¹, или, если речь идет о прошлом, — исторической демографии¹. Подавляющее большинство исследований посвящено выяснению того, что такое демография, каковы условия формирования численности населения, какова ее динамика и в чем причины такого рода динамики, каково соотношение исторической науки и демографии² и т.д. Это вполне понятно и оправданно прежде всего потому, что демографический фактор не является естественным, природным началом в развитии исторических явлений и процессов. Следовательно, его нельзя считать первоосновой человеческой деятельности, или ее отправной, которая от самой этой деятельности не зависит и является только причиной. Демографический детерминизм в этом смысле устарел и не относится к числу современных научных обоснованных вариантов решения проблемы, хотя элементы этих представлений не изжиты до сих пор и встречаются у известных историков. Демографический фактор является предпосылкой и условием дальнейшего развития общества только в качестве продукта и результата общественного развития. Он является не внешней, а внутренней составляющей всех общественных процессов и структур. К этому следует добавить особую остроту демографической проблемы в современной России, переживающей демографический кризис. Демографы рисуют довольно мрачную картину на будущее. По данным статистики, в 1987 г. российские роддома криком огласили 2,5 млн новорожденных; в 1999 г. — 1 млн 200 тыс. В 2010 г., по прогнозам, в России родится всего 600 тыс. детей. Прежде всего необходимо объяснить такую динамику рождаемости.

Демографический фактор, динамика численности населения не сводится к какой-либо одной причине, скажем, материальным отношениям. Демографический взрыв на планете во второй половине XX в. (2,5 млрд в середине XX в. и более 6 млрд в начале XXI в.) ученые объясняют улучшением качества жизни, снижением смертности. Однако есть факты, не укладывающиеся в эту схему объяснения. Академик Н.Н.Моисеев (1917—1998) указывал на парадоксы демографии: вспышки рождаемости в Индии

¹ См.: Барг М.А. К вопросу о росте населения Англии X—XIII вв. // Вопросы Истории. — 1946. — № 8, 9; Шелестов Д. К. Историческая демография: учеб. пособие. - М., 1987.

См.: Шелестов Д. К. История и демография // Вопросы истории. — 1981. — № 5; алентей Д. И., Елизаров В. В., Зверева Н. В. Демографический фактор и его роль Развитии общества // Вопросы философии. — 1985. — № 9.

наблюдались в годы наиболее жестоких стихийных бедствий, голода и эпидемии — и при этом рост средней продолжительности жизни был сопряжен со снижением рождаемости. Финские ученые проследили изменение рождаемости в Скандинавских странах в XX в.: пики рождаемости пришлись на годы обеих мировых войн. Демографы, полагающие, что пики рождаемости приходятся на конец войны, когда солдаты возвращаются домой, оказались не правы: Швеция не воевала, а подъем рождаемости в конце обеих войн наблюдались и в этой стране. Таким образом, проблемы, связанные с формированием демографического фактора, хранят немало тайн. Еще менее изучено влияние этого фактора на развитие этого общества.

Мы рассмотрели различные виды детерминизма, наиболее актуальные и интенсивно анализируемые проблемы в развитии философско-исторической мысли. Появились и другие представления о действии причинно-следственных связей в истории и их разновидностях. Основатель психоанализа З.Фрейд (1856— 1939) писал о глубинах бессознательного, в котором, по его мнению, хранились тайны мотивов человеческого поведения. Впрочем, об одном из таких мотивов — половом инстинкте — он высказывался вполне определенно. Развитие общества — это, согласно З. Фрейду, процесс обуздания полового инстинкта и использования его для решения разного рода социальных проблем¹. Бурное развитие техники в XX в. и, как одно из последствий этого, возникновение экологических проблем породили технический и экологический виды детерминизма. Их суть в признании решающей роли в истории развития техники и технологии, а также в отнесении возможностей среды обитания к фактору аналогичной значимости².

Таковы основные представления о факторах развития истории, причем появление новых факторов является результатом развития не только философско-исторической мысли, но и самой истории. Однако вполне очевидно, что история всегда характеризовалась действием многочисленных факторов, совокупностью причинно-следственных связей и зависимостей. Ясно и другое: то, что составляет ткань истории, является результатом взаимодействия факторов, причем это проявляющееся в событиях и процессах взаимодействие многообразно, как и мера значимости каждого из них в любой конкретной ситуации. В истории такого фактора, который бы являлся единственной и конечной основой ее развития, не существует. Представители философско-исторической мысли, как видно, мало считались с этим фактором, сторонники того или иного вида детерминизма искали первопричину, глав-

ный фактор, лежащий в основе всего сущего и все объясняющий. Значение иных по отношению к нему факторов признавалось, но они рассматривались в качестве побочных, второстепенных. Поиск первопричины положительно характеризует мышление, как доказательство стремления дойти до самой глубокой, скрытой от поверхностного наблюдения сути событий и процессов, однако упомянутый поиск бессмыслен с точки зрения искомого конечного результата. История — это продукт взаимодействия факторов, в котором причина и следствие меняются местами: следствие оказывает обратное влияние на причину и в свою очередь становится причиной чего-то нового. Следовательно, не монокаузальность, а *многофакторный подход к истории является единственно рациональным способом ее изучения*. Однако этим проблема не исчерпывается.

В связи с отрицанием монокаузальности возникает вопрос о соотношении факторов, причем в соответствии с этим следует различать области конкретного исторического анализа, связанного с объяснением реальных событий, и теоретического мышления. При изучении любого события совокупность причин (факторов), его породивших, будет всегда особой, связанной именно с данной ситуацией. Будут ли эти причины равноценны по значимости? Вовсе нет, различие по этому признаку в любом случае очевидно и не требует особого доказательства. Например, один и тот же фактор — географическая среда — имел различное значение в земледелии Древнего Египта, Древнего Рима, средневековой Скандинавии и т.д.

Что же касается проблемы соотношения факторов как методологической проблемы (по отношению к истории в целом), то существуют два подхода к ее решению. Согласно первому подходу факторы равноценны. Таких взглядов придерживался представитель позитивизма, автор теории факторов Г. Спенсер¹. Выделяя в истории совокупность факторов, ученый отстаивал их равнозначность. Однако он считал, что факторы равноценны в принципе, но по отношению к конкретной ситуации на первое место по значимости выдвигаются отдельные факторы (или один), остальные же этим свойством не обладают; меняется ситуация и с ней приходит новая расстановка факторов. Это нечто иное, как уступка реальному историзму. Но и в такой форме представления Г. Спенсера являются аргументом в пользу тезиса о неравнозначности факторов при взгляде на историю в целом. Однако необходимо опираться на анализ и понимание вполне конкретных исторических событий и процессов. Разница между тем и другим заключается лишь в уровне обобщения и абстракции, предполагаю-

¹ См.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М., 1992.

² См.: Семенов Ю.И. Секреты Клио.

¹ См.: Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. — М., 1960; Кон И. С. Позитивизм в социологии. — Л., 1964.

шей отвлечение от конкретного многообразия явлений общественной среды. Неисчерпаемое многообразие последних — продукт взаимосвязи и взаимовлияния совокупности факторов, различающихся в каждом случае по своей значимости и роли. Теория не является вывернутой наизнанку историей, следовательно, если упомянутая неравнозначность проявляет себя в каждом событии, то это относится и к истории в целом. Однако конкретно-историческое исследование во всех его областях среди множества факторов показывает особую значимость экономических структур и экономической мотивации человеческой деятельности во все времена и эпохи этой деятельности, причем речь идет не только о политике, праве, социальной структуре общества и т.д., но и о духовных явлениях в целом.

Фундаментальное значение материальных отношений в истории заключается в том, что они являются важным условием человеческого бытия, следовательно, в разной мере основой всех сфер человеческой деятельности. То, что принадлежит к глубинным, сущностно-значимым предпосылкам и условиям этой деятельности, не может быть второстепенным или несущественным в ее познании. Развитие истории, изменение мира не устраняет значимости материального фактора, а именно — способа производства материальных благ в жизни людей, и объясняет сохраняющуюся значимость экономического детерминизма в различных вариантах, что важно для понимания истории сегодня.

«Маркс прав, разве тому, кто владеет средствами производства, землей, судами, станками, сырьем, готовым продуктом, не принадлежит и господствующее положение? Остается, однако, очевидно, что одних только этих двух координат, общества и экономики, недостаточно. Государство... играло свою, часто весомую роль в тех сооружениях, которые с помощью определенной типологии можно сгруппировать в различные социэкономии мира: одни — с рабством, другие — с сервами и сеньорами, третьи — с деловыми людьми и предкапиталистами. Это значит, вернуться к языку Маркса, оставаться на его стороне, даже если отказаться от его точных выражений или слишком строгого порядка, при котором всякое общество должно было бы плавно переходить от одной из своих структур к другой. Проблема остается проблемой классификации, проблемой продуманной иерархии обществ. И никому не уйти от этой необходимости, притом начиная с уровня материальной жизни», — писал Ф. Бродель¹.

Почему же? Уходят. Несогласие с истиной само по себе не означает ее опровержения. В данном случае нам важно другое: что значит эта уверенность — «никому»? Смысл позиции Ф. Броделя дос-

таточно очевиден: в ней есть следы влияния представлений К. Маркса, но вполне марксистской ее назвать нельзя. В целом это позиция Броделя, а не Маркса. Другой пример этой уверенности — мнение Ч.Капхена: «...никто не станет отрицать, что постепенное изменение способа производства в значительной степени влияет на политические и социальные институты»¹. Однако отрицается и это. Но продолжим мысли Ч.Капхена: «Логика исторического процесса, исторической эволюции неумолима: способ производства определяет историю, поскольку порождает фундаментальный механизм удовлетворения основных человеческих потребностей и желаний. Образ, каким люди удовлетворяют свои потребности, порождает соответствующие формы управления и общественные идентичности»². Важно подчеркнуть, что Ч.Капхен не причисляет себя к числу сторонников К.Маркса. Следовательно, тезис о фундаментальном значении экономических структур в истории перестал быть лишь марксистским. Он является составной частью самых разных теоретических представлений об истории. Сегодня этот тезис представляет собой истину с точки зрения разных методологических позиций, что также помогает понять его место и значение среди других действующих в истории видов детерминизма.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV—XVIII вв.: в 3 т. - Т. 1. - С. 596.

¹ Капхен Ч. Закат Америки. — С. 549
Там же. — С. 535.

В структуре исторического познания фундаментальное значение имеет принцип историзма. Он выражает коренные особенности исторического познания, порождаемые своеобразием ее объекта — исторической действительности. К такому пониманию подводит уже рассмотренная ранее проблема соотношения исторической науки и естествознания. Что такое историзм?

Следует различать термин «историзм», теоретическую постановку проблемы и накопление историческим познанием в ходе его развития свойств, приемов и признаков мышления, формирующих научную основу понимания принципа историзма. Конечно, постановка проблемы историзма, как и в других случаях выдвижения методологических проблем и принципов, не была целенаправленной логикой развития мышления. Отношение к принципу историзма и его понимание были и остаются различными. Речь идет об обосновании наиболее рациональной позиции по данной проблеме в соответствии с современным этапом развития общества и уровнем исторического познания.

Принцип историзма резюмирует представления о характере, своеобразии явлений общественной среды. Развитие этих представлений стало важной составной частью исторического познания в целом, причем это не было областью абстрактного теоретического анализа, оторванного от практики конкретно-исторического исследования. Более того, она является основой формирования признаков и черт мышления, составляющих содержание развивавшихся представлений об историзме и подводящих к современному его значению и смыслу.

Постановка проблемы историзма в качестве способа теоретических представлений об истории и принципа исторического мышления относится к концу XIX в. В это время в исследованиях появляется термин «историзм». Впервые это понятие было использовано немецкими историками. Что же касается возникновения и формирования представлений об историчности явлений общественной среды, то начало этому было положено еще историками Античности. Самым главным, чтобы не сказать, исчерпывающим суть исторических событий и общественных форм, признаком античные ученые признавали их сходство, повторяемость. Действительно, реальным историческим явлениям и процессам всегда присуще сходное, общее, повторяющееся, но в данном слу-

чае мы имеем дело с особой логикой мышления, которую не следует смешивать с какой-либо другой: повторяемость признается фундаментальным свойством событий и общественных форм. Дальше этого историки Античности не пошли, хотя поставленная ими проблема развития и роли общего в событиях была актуальна и в последующие исторические периоды.

Античных авторов интересовал вопрос об источниках и причинах исторического развития. При множественности вариантов представлений в конечном счете они склонялись к признанию конечной причины исторических событий, отождествляемой обычно с понятиями «судьба», «высшая необходимость», которым подчиняются даже боги и которую невозможно познать¹. Однако в целом античная историография, как и общественная мысль, еще не создали представления о качественном различии эпох, времен, вследствие чего разные события выглядели как особые проявления одного и того же мира, как разные действия и поступки одной и той же человеческой природы.

Средневековое историческое мышление отошло от канонов античной историографии, в том числе от ее преимущественно светского понимания повторяемости в истории и характера динамики исторического развития. В последнем случае отказ от античной концепции цикличности имеет и положительное значение, хотя в основе этого лежит не светское рациональное, а теологическое мышление. В свою очередь концепция Блаженного Августина в светском прочтении ряда ее аспектов содержит идею поступательно-прогрессивного развития: установление «государства божьего» представляется автором как своеобразный прогрессивный процесс². Кроме того, переход от града земного к граду небесному вносит в сознание элемент качественного различия эпох, и поскольку переход мыслился в будущем, элементом этого сознания становилось ощущение связи времен как развитие от прошлого через настоящее к будущему. Однако выраженное в теологической форме, это мышление не привело к конкретным результатам в области исторического исследования, и линейного представления об истории в светской форме средневековая историография не выработала. «Вечность, а не время, было определяющей категорией сознания; время измеряет движение, вечность же означает постоянство. Изменения совершаются лишь на поверхности, новое редко получает одобрение»³. Даже историки гуманистического направления, радикально разъединившие области исторического познания и веры в Бога, рассматривали свою эпоху

¹ См.: Историография античной истории / под ред. проф. В. И. Кузищина. — М., 1980.

² См.: *Блаженный Августин*. О граде божьем. — Кн. 11, гл. I; кн. 19, гл. XVIII.

³ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1972. — С. 266.

всего лишь как возврат к Античности. В то же время их «трехчленная» (Е. А. Косминский) периодизация истории внесла существенный вклад в становление историзма — понимания качественного своеобразия эпох. Таким образом, логика становления историзма заключалась в переходе от представлений о циклическом характере исторического развития и неизменности человеческой природы к пониманию — в религиозной и светской формах мышления — необратимости процесса развития и качественного различия его этапов и эпох¹.

Переход к Новому времени был связан с углублением и развитием представлений о качественном своеобразии явлений общественной среды. Этому способствовало прежде всего само развитие истории: расширялся горизонт видения прошлого, как «другого», отличающегося от того, что приходило в мир впоследствии. В связи с этим нельзя не упомянуть Дж. Вико. Его философско-историческая концепция основана на идее органического развития. По мнению историка, общественный порядок возникает и развивается «...естественным путем... при известных обстоятельствах человеческой необходимости или пользы»². Рациональный смысл принципа органического развития несколько ограничивается верой Дж. Вико в божественное установление этого принципа. Но важно другое: органическое развитие является закономерным, причем закономерное в событиях — выражение повторяемости в них. Дж. Вико ищет сходное, повторяющееся на разных уровнях развития — от всемирно-исторического до конкретных событий и процессов.

По мнению историка, у всех народов есть одна общая идеальная система развития, отличающаяся поступательно-прогрессивным характером. Таким образом, Дж. Вико стремится уловить единую нить в кажущейся хаотической смене событий. Часто это приводит к неправомерному отождествлению явлений, различных по своей природе и сути. Вот например: «У всех древних наций мы встречаемся с клиентами и клиентелой; эти отношения могут быть поняты соответствующим образом только как Вассалы и Феодалы; и ученые-исследователи феодального права не могут найти для обозначения их более соответствующих слов...»³. Дж. Вико прав: в обоих случаях речь идет об отношениях зависимости, но эти отношения столь же различны, как и время, их породившее. В первых, клиента — и не только терминологически — это отношения зависимости именно в Древнем Риме. Во вторых, отношения патрона и клиента могли быть самыми разнообразными, в основе феодальных отношений лежали поземельные отно-

шения, причем вассал в Средние века не был плебеем, просто зависимым, он мог быть феодальным сеньором с определенным положением в феодальной иерархии (при ее наличии).

Если учесть, что фундаментальный труд Б. Г. Нибура (1776 — 1831) по истории Древнего Рима появился восемьдесят лет спустя после выхода в свет основной работы Дж. Вико, а исследование Г. Л. Маурера по аграрным отношениям в Средние века в Германии еще и того позже, то можно только подивиться, как много Дж. Вико внес в формирование историзма. Его замечание по поводу идентичности событий, обозначаемых в источниках разными терминами, является, по существу, научным прозрением. Неважно, что приводимые историком примеры не всегда показательны, значение имеет сам прием анализа источников.

Дж. Вико в своих настойчивых попытках поиска сходного, повторяющегося в событиях нередко выдает различие за сходство. Однако этот факт не перечеркивает необходимости такого поиска: повторяемость не вносится мышлением в изучаемые события, а является их объективным признаком. Понять сходство или различие можно лишь выйдя за рамки конкретно-исторического анализа. Для этого необходима опора мышления на что-то более общее, чем данная конкретная реальность, причем чем масштабнее рассматриваемые события и процессы, тем в большей мере мышление должно отойти от нее. Это — область общеисторической теории. Вполне очевидно, что Дж. Вико это по-своему понимал и пытался рассматривать историю в целом.

Несмотря на необходимость поиска сходства, следует помнить, что любое событие бывает только один раз, следовательно, адекватность его понимания никак не может сводиться к констатации в нем повторяемости. Что же еще в таком случае необходимо? Вот что мы находим в связи с этим у Дж. Вико: «Природа вещей — не что иное, как их возникновение в определенные времена и при определенных условиях; всегда, когда последние таковы, именно таковыми, а не другими возникают вещи.

Свойства, не отделимые от предметов, должны быть продуктом модификации или условий, при которых возникли вещи; поэтому такие свойства могут удостоверить, что именно таковой, а не иной была природа, т.е. возникновение данных вещей»¹. Этот вывод историка является важным шагом в становлении историзма. Событие происходит в конкретной исторической ситуации, оказывающей влияние на формирование его черт и признаков. Следовательно, без ее учета невозможно добиться адекватно-научного понимания события. Согласно Дж. Вико, эта ситуация характеризуется своеобразием, неповторимостью, индивидуально-

¹ См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М., 1987.

² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. — С. 52.

³ Там же. — С. 251.

стью, не подходит под категорию общего, повторяющегося. Историк приводит еще один довод в пользу значимости своеобразного в истории: «Человеческая Природа, — пишет он, — общественна»¹. И поясняет: «... сначала жестока, потом сурова, затем мягка, после утонченна, наконец, распушена»². Даже если не согласиться с динамикой расшифровки природы человека, с тем, что она общественна, не согласиться нельзя.

Таким образом, у Дж. Вико мы находим понимание того, что сущность явлений, общественная их природа включает в себя общее, повторяющееся и индивидуальное, неповторимое. Это огромный шаг вперед в становлении историзма. Правда, постоянное стремление мыслителя искать в событиях общее, закономерное свидетельствует о том, в чем он видел ключ к пониманию каждого события и истории в целом. С научной точки зрения постановка вопроса: что в событиях важнее — общее или индивидуальное — не является состоятельной, как если бы мы спросили: «Что в Английской революции середины XVII в. важнее — сходство с Французской конца XVIII в. или отличие от нее?» Повторяющееся и индивидуально-неповторимое находятся в реальной истории в неразрывной связи и единстве, общее — сущность явления — всегда существует в его конкретно-исторической и своеобразной форме: место, время события, люди, его совершившие, причины и следствия, ход — все очень конкретно. Проблема познания состоит в том, чтобы определить способ движения к познанию повторяющегося — через конкретное или в обход его. Дж. Вико тяготеет все-таки к первому способу познания.

Прямое отношение к проблеме становления историзма имеет просветительская историография, хотя ее вклад в различные аспекты историзации мышления весьма неоднозначен. Просветители отвергли принцип круговорота в развитии истории, по их мнению, развитие являлось поступательно-прогрессивным. В связи с признанием закономерного характера этого развития просветители в еще большей степени, чем Дж. Вико, были ориентированы на поиск и анализ общего характерного, повторяющегося в событиях, что было шагом назад в понимании их природы. Исключением являются взгляды представителя немецкого Просвещения И. Г. Гердера. Он подчеркивал органический характер исторического развития, «органический» и «развитие» были его излюбленными, часто употреблявшимися понятиями: все развивается и развивается органически. В связи с этим его мышление было свободно от таких провалов в цепи времен, примером которых является отнесение Средних веков к категории нелепых ошибок, случайностей в развитии человечества.

¹ Вико Дж. Основания новой истории... — С. 103.

² Там же. — С. 91.

И. Г. Гердер не разделял просветительских взглядов на историю как господство повторяющегося; по его мнению, ничто в истории не повторяется, каждая эпоха индивидуальна. Значение каждого народа в истории в том, что он вносит в нее нечто свое. Особенно индивидуально-своеобразны, по мнению И. Г. Гердера, национальный характер и культура, которые не могут быть заимствованы или пересажены из одного места в другое. Мыслитель неоднократно подчеркивал определяющее значение среды, конкретной исторической ситуации в жизни человека и целого народа. В понятие «среда» он включал прежде всего географический фактор, хотя и не переоценивал его роль в отличие, например, от Ш. Монтескье. Также И. Г. Гердер выделял духовный склад, традиции; в этом смысле природа человека — продукт окружающей среды, обстоятельств, духа времени. По мнению мыслителя, человек — «сын счастья, которое переменчиво и определяет меру его радости и печали в зависимости от страны, эпохи, учреждений, обстоятельств, в условиях которых он живет»¹. И. Г. Гердер стремился объяснить поведение людей, их эмоции, потребности влиянием на них окружающей среды и привычками, традициями, т. е. прошлым.

Несомненно, в центре внимания И. Г. Гердера — индивидуально-неповторимое в событиях. Утрачивает ли при этом свое значение общее, ведь мыслитель, как и другие просветители, признавал закономерное в истории? Вовсе нет. Одной из общих линий движения истории он считал ее направленность к достижению состояния гуманности, высшей цели человеческого развития. Как бы мы ни относились к такого рода прогнозу, в рассуждениях И. Г. Гердера по этому поводу есть глубокий смысл. Об этом говорит, например, его следующее положение: «Сознание людей зависит от образования и климата; но повсюду практическая роль сознания в том, что оно ведет к гуманности»². Следовательно, к единой, общей цели каждый народ идет в известном смысле по-разному. С этим невозможно спорить. Таким образом, по мнению И. Г. Гердера, общее в истории существует в форме особенного, индивидуального, неповторимого. Это важный шаг в становлении историзма, в понимании соотношения таких его основных категорий, как «развитие», «общее», «индивидуальное». Современный научный историзм не может обойтись без такого понимания, хотя философско-историческая мысль после И. Г. Гердера развивалась в другом направлении.

Особую страницу в становлении историзма представляет собой философия истории Г. В. Ф. Гегеля. В ней прослеживается влияние

¹ Herder Y. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. — Bd. I. — Berlin — Weimar. — S. 324.

² Jbtd. - S. 282.

просветительских идей, и прежде всего веры в торжество разума в истории. Положительная оценка Французской революции сочетается у Г. В. Ф. Гегеля с убеждением в прогрессивном характере развития истории, хотя и он не заимствовал у просветителей представление о прогрессе в целом. В то же время мы находим у философа ряд отступлений от взглядов просветителей. Это касается, прежде всего, его понимания исторического, т. е. характера явлений общественной среды.

Г.В.Ф.Гегель различал природу и историю как качественно несопоставимые реальности. Ф. Энгельс отмечал, что его способ мышления отличался «...огромным историческим чутьем...». Он писал о том, что у Г.В.Ф.Гегеля «...повсюду красной нитью проходит великолепное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически в определенной, хотя и извращенной связи с историей»¹. Столь комплиментарный отзыв представителя иного направления философско-исторической мысли свидетельствует о том, что формирование историзма выдвинуло условия изучения исторических явлений, с которыми не может не считаться историк, будь он сторонником Г.В.Ф.Гегеля, К.Маркса или кого-либо еще. Одно из них — необходимость рассмотрения исторических событий и явлений в развитии. Г.В.Ф.Гегель осознал, что историю делают люди, и впервые попытался философски осмыслить несовпадение первоначально задуманных целей и результатов человеческой деятельности². Развитие истории, по его мнению, неотделимо от деятельности человека, от конкретных условий этой деятельности. Но дело в том, что люди — всего лишь инструменты, орудия объективного мирового духа как конечной общей основы развития мировой истории, ее носителя. Это общее интересно нам не тем, что оно выражено в мистической форме и представляет собой повод для несогласия и критики, а тем, что при пренебрежении этой формой нельзя не увидеть важной теоретической проблемы — соотношения общего и индивидуального. Г.В.Ф.Гегель писал: «...частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания»³.

Таким образом, историческое, согласно философу, заключает в себе общее, всеобщее в развитии каждого народа; но это всеобщее всегда проявляется в конкретной, особенной форме. «...Особенность, — утверждал Г.В.Ф.Гегель, — принадлежит истории»⁴. История, по его мнению, развивается поступательно. Такое раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 13. - С. 496.

² См.: Гегель Г. Лекции по философии истории.

³ Там же. — С. 84.

⁴ Гегель Г. Соч. - Т. VII. - М.; Л., 1934. - С. 270.

витие — необходимость, оно не зависит от страстей, планов, целей людей и необратимо.

Французская революция конца XVIII в. оказала и другое влияние на представителей исторической науки и общественной мысли. Прежде всего просветительский взгляд на мировую историю как на единство, в котором господствует повторяемость, стал отторгаться. Эта тенденция отчетливее всего проявилась в Германии. Становление историзма происходило в условиях острой социально-политической борьбы старых средневековых порядков, сохранявшихся в Германии, и новых, побеждавших во Франции. Что же касается теоретического смысла полемики, то в интересующем нас аспекте он сводится к оценке индивидуального не только как важного свойства явлений общественной среды, но и как признака, исчерпывающего их суть и природу.

Такова позиция представителей «исторической школы права» и романтической историографии. Например, создатель «исторической школы права» Ф.К. Савиньи (1779—1861) оценивал историческое развитие и право как сугубо индивидуальные феномены, порожденные духом народа, несоместимым с заимствованиями извне и с коренной ломкой¹. Историк пытался доказать беспочвенность изменения государственно-правовых отношений Германии в духе идей Французской революции и способов этих изменений. Подобно Ф. К. Савиньи, представитель романтического направления А.Мюллер (1779—1829) рассматривал государство в качестве великой индивидуальности, а всякое развитие в истории — только как индивидуальное развитие².

В немецкой историографии XIX в. представление об истории как сфере индивидуального стало господствующим. В распространении этого представления большую роль сыграл Л. Ранке (1795—1886). Историческое познание, по его мнению, направлено по своей природе на изучение единичного, под которым историк подразумевал не только отдельное конкретное событие, но и коллективную индивидуальность — нацию, государство и т.д.³. Совершенно очевидно также, что индивидуальное подразумевает не только конкретно-историческую форму событий, но и их сущность: событие индивидуально по своей природе.

Л. Ранке осознал, что сущность явлений скрыта от исследователя. Он утверждал, что история, как и естественные науки, стремится проникнуть в глубокую суть явлений, а не ограничивается только сбором фактов. И тем не менее индивидуальное, по его мнению, исчерпывает собой сущность исторического. Л. Ранке ут-

¹ См.: Savigny F. K. Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. — Freiburg, 1892.

² Muller A. Die Elemente der Staatskunst : In 2 bd. — Bd. I. — Berlin, 1909.

³ См.: Ranke L. : In 54 bd.— S.W.- Bd. 23 — 24.— Leipzig, 1872.

верждал, что через познание своеобразия историк реализует задачи своего исследования. Это положение имеет и более глубокий смысл, чем тот, который в него вкладывал историк: минуя своеобразие явлений, невозможно постичь их сущность, хотя изучение индивидуального недостаточно для понимания последней. Сущность не заключается только в том, что отличает одно явление от другого. С одной стороны, любая попытка постичь ее уводит от опоры мышления только на индивидуальное, неповторимое в явлениях; с другой стороны, общее, сходное не есть признак сущности, лишения своеобразия; сходное заключает в себе различие.

Торговля, обмен, рынок являются спутником практически всей обозримой человеческой истории, однако в каждую эпоху они имели особое содержание и значение. Именно поэтому выражение «рыночная экономика», часто употребляемое сегодня, не раскрывает конкретной структуры экономических отношений и рынка. Аристотель разделял в своих представлениях об экономике, во-первых, хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей экоса (дома) или полиса (города-государства) и, во-вторых, эту же деятельность с целью накопления богатства (хрематистика) и питал к последней презрение¹. Взгляды философа были связаны с атмосферой общества, в котором действия, направленные на получение личной выгоды (ростовщический капитал, проценты и т.д.), считались несправедливыми и аморальными. Катон Старший² считал, что ростовщичество ни чем не лучше убийства. В Западной Европе в эпоху Реформации доктрина кальвинизма в наиболее отчетливой форме объявляла накопление богатства занятием богоугодным. Это свидетельствует о фундаментальных различиях типов общества в эпоху Античности и в эпоху перехода к Новому времени, в том числе о разнице экономических систем, хотя мораль и не является однозначным выражением канонического экономического развития. Античность знала частную собственность, работу по найму, денежный капитал, но это еще не говорит о наличии экономики капиталистического типа. В Древнем Риме были пролетарии. Пролетариями (от лат. *proles* — наследники, дети) называли тех, кто, кроме потомства, не имел наследства в виде собственности, в отличие от пролетариев, обладавших таковой. Капиталистические отношения больше подходили к хозяйственным порядкам Античности, чем к порядкам Средневековья, в ходе разрушения которых они возникали, хотя это было не продолжением Античности или возвратом к ней, а проявлением общего, повторяющегося в истории на качественно ином уровне. Говоря словами Г.В.Ф.Гегеля, Новое время было отрицанием отрицания Античности.

¹ См.: Аристотель. Политика. — Кн. Первая. — III, 9—11, 23.

² См.: Цицерон. Об Обязанностях. — II, 89.

Известный исследователь Античности Т.Моммзен, получивший за свой труд «История Рима» Нобелевскую премию, в своих параллелях между Древним Римом и Германией XIX в. пошел дальше, чем это можно сделать с учетом реального своеобразия эпох и событий. Понятие «индивидуальное» играло важную роль в его мышлении, причем он не стремился искусственно преодолеть индивидуальное многообразие действительности, считая, что историк не обязан охватывать ее полностью. По мнению Т. Моммзена, многообразие действительности предполагает признание индивидуальности как отдельных событий, так и совокупности явлений или черт, характеризующихся единством. Историк использовал понятия «национальная индивидуальность», «народная индивидуальность»¹. Поэтому он считал недопустимым отделять оценку событий или лиц от конкретных условий, подчеркивал связь общего и особенного в истории, в которой действуют «...одинаковые основные силы и всюду различные сочетания их»². По поводу природы этих сил Т.Моммзен ничего не говорит. Однако ясно, что это помогало ему находить в Древнем Риме капиталистов, пролетариев, юнкерство, хотя и не вполне в буквальном смысле повторяемости.

Согласно К.Марксу, Т.Моммзен находил капиталистический способ производства уже во всяком денежном хозяйстве³. Для нас это объяснение важно в связи с определением рамок, границ, пределов познавательных возможностей историзма как принципа мышления: чтобы не проводить названной аналогии, нужно опираться на иное понимание того, что такое капитализм. Но это уже проблема не историзма как принципа научного мышления, а общесторической теории.

Формирование историзма подводит историка к необходимости анализировать природу изучаемых явлений с точки зрения общего, повторяющегося в них и индивидуально-неповторимого в их единстве; что же касается природы повторяемости, то это проблема более общая, чем принцип историзма. Она включает вопрос понимания истории в целом. Может быть, именно ввиду масштаба и сложности проблемы Т. Моммзен высказывал сомнения относительно возможности постижения рациональным путем взаимосвязи в событиях общего и индивидуального: «...тайна природы, соединяющей в совершеннейших своих проявлениях типическое с индивидуальным, невыразима»⁴. И далее: «...миг, который обнажает тысячи взаимосвязей, проникновение в индивидуальность людей и народов являются в своей высокой гени-

¹ См.: Моммзен Т. История Рима. : в 4 т. — М., 1936. — Т. 1; М., 1937. — Т. 3.

² Там же. — Т. 3. — С. 464.

³ Маркс К. Капитал.: в 3 т. — М., 1970. — Т. 3.

⁴ Моммзен Т. История Рима : в 4 т. — Т. 3. — С. 385.

альности издевкой над всяким обучением и изучением»¹. Одним словом, не рациональное, не логика, а интуиция, воображение — ключ к пониманию природы исторических событий.

Таковы основные вехи становления историзма в развитии исторического познания и философско-исторической мысли. Определенным итогом этого развития было возникновение термина *историзм* (*der Historismus*) и постановка теоретической проблемы историзма. Впервые эта проблема стала рассматриваться в начале 20-х гг. XX в. историками и философами Германии. Сразу же следует сказать, что в данном случае речь идет не об историзме вообще, а о том его понимании, которое тесно связано с традициями немецкого философско-исторического мышления. Теоретическое осмысление проблемы историзма связано прежде всего с научной деятельностью Э.Трельча (1865—1923) и Ф.Мейнеке² (1862—1954). Ф. Мейнеке дал теоретически развернутое обоснование содержания и структуры данной разновидности историзма³. По его мнению, историзм — не только принцип научного мышления, в том числе современного, но и основа, и суть. Основное содержание историзма выражается в идее индивидуального и идее развития. Понятие «индивидуальное» являлось для Ф. Мейнеке выражением характера, природы явлений общественной жизни, причем, как у Л. Ранке и других немецких историков, данное понятие применялось для обозначения отдельных событий, целых комплексов, эпох. При обосновании своих представлений об индивидуальном характере исторических событий любого масштаба Ф. Мейнеке часто ссылался на Л. Ранке как на высший авторитет, хотя это не всегда точно выражало смысл взглядов историка⁴. Так обстояло дело и в случае с попыткой Ф. Мейнеке определить соотношение индивидуального и общего в истории и познании. «Всеобщее, как мы можем сказать точнее, — писал он, — есть высшая из всех наблюдаемых индивидуальностей, охватывающая все остальные»⁵. Одним словом, по мнению Ф. Мейнеке, общее — разновидность индивидуального.

Идея индивидуального в концепции историзма Ф. Мейнеке тесно связана с категорией развития. Индивидуальное обнаруживает себя через развитие, которое, в свою очередь, понимается как индивидуальное развитие. Связь этих двух категорий выражает, с точки зрения

¹ Mommsen Th. Reden und Aufsätze. — Berlin, 1905. — S. 11.

² См.: Troeltsch E. Der Historismus und seine Probleme. — Tübingen, 1922; Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. — München, 1946.

³ См.: Данилов А. И. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм // Новая и новейшая история. — 1962. — № 2.

⁴ См.: Смоленский Н. И. Л. Ранке и Ф. Мейнеке (Значение Ранке для немецкого буржуазного неоиdealистического историзма) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1967. — Вып. 5.

⁵ Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. — S. 593.

историка, содержание историзма, зрелой формой которого он считал представления Л. Ранке. Ф. Мейнеке высказывался и о характере развития. По его представлениям развитие — это не прогресс или регресс, а процесс изменений, не поддающийся вполне рациональному осмыслению и соприкасающийся с областью «метафизических тайн»¹. Можно лишь сказать, что истории не бывает без тайн, но не дело историка нагромождать их самому.

Ф. Мейнеке так оценивает процесс становления историзма: «...возникновение историзма было... одной из величайших духовных революций, которую пережила западная мысль», «суть историзма заключается в смене генерализирующего изучения действующих в истории человеческих сил индивидуализирующим»². Что касается значения историзма, то если это и не революция в познании, то, во всяком случае, одно из необходимых и важных условий становления истории как науки. Ф. Мейнеке дал всего лишь свое понимание проблемы сути истории, которая выглядит как крайне одностороннее и необоснованное обобщение.

Обращение к истории познания является одной из основ формирования современных научных представлений. И если взять взгляды тех мыслителей, которых Ф. Мейнеке игнорировал, несомненно, по идеологическим мотивам, — К. Маркса и Ф. Энгельса, — то и эти взгляды имеют прямое отношение к становлению историзма.

«Весь дух марксизма, — писал В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (ос) исторически; (р) лишь в связи с другими; (у) лишь в связи с конкретным опытом истории»³. Самое важное, по его мнению, «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникало, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴. С этим обобщением было связано отношение к историзму и его понимание в советской историографии. В марксистском варианте методологии и в советской историографии историзм является не методом, не сутью всего исторического мышления в целом, а одним из его принципов⁵, что, впрочем, не было от-

¹ См.: Данилов А. И. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм // Новая и новейшая история. — 1962. — № 2.

² Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. — S. 1 — 2.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: в 55 т. — Т. 49. — С. 329.

⁴ Там же. — Т. 39. — С. 67.

⁵ См.: Иванов В. В. Принцип историзма в произведениях В. И. Ленина 90-х годов. — Томск, 1966; Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. — Д., 1967; Принцип историзма в познании социальных явлений / отв. ред. В. Ж. Келле. — М., 1972; Петряев Д. К. Вопросы методологии исторической науки. — Киев, 1976; Ракитов А. И. Историческое познание. — М., 1982; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. — М., 1997.

крытием. Он был одним из приемов мышления и до К. Маркса. Первое, что нам следует взять из опыта становления историзма в качестве исходного пункта современных представлений о нем: историзм — один из принципов исторического познания.

Становление историзма помогает определить и основные требования данного принципа, без соблюдения которых мышление историка не может быть научным. Прежде всего любое событие следует рассматривать в развитии: историк изучает предмет, находящийся не в неизменном состоянии, статике, а в развитии. При этом не всякое изменение является развитием: смена дня и ночи, времен года, климатические перемены не обозначаются понятием «развитие». Конечно, земная кора, природа, климат, если брать миллионы лет, формировались и развивались. Однако все, что относится к области природных, физических явлений в их современном состоянии, является ставшим, сформировавшимся. Изменения в области природных явлений происходят, однако это совершается настолько медленно, что исследователь может ими пренебречь. Более того, создав человека, природа в каком-то смысле закончила свое развитие, не породив чего-то более совершенного. Что же касается вещей более конкретных, то, скажем, физик, изучая теплоту, не нуждается в постановке вопроса о ее развитии: теплота не имеет истории. Не имеют истории и пространственные отношения, свойства мира физических явлений и т.д.; поэтому нет истории геометрических фигур, хотя есть геометрия Евклида (III в. до н.э.) и Н.И.Лобачевского (1792 — 1856). Не имеют истории и законы классической механики — открытые И.Ньютоном, они также действовали задолго до этого события, миллионы лет. Таким образом, под развитием следует понимать такие изменения, которые несут с собой новое качество.

Мы можем говорить об историческом развитии независимо от того, идет ли речь об отдельном событии или об истории в целом. Что отсюда следует? Историк не может получить цельного представления об изучаемом на основе какого-то его фрагмента, ведь каждая конкретная эпоха отличается от других. Следовательно, чтобы понять событие, историк должен проследить его развитие. Другого способа не существует. Нельзя, скажем, понять, что такое Французская революция конца XVIII в., не проанализировав развитие событий от 14 июля 1789 г. до падения якобинской диктатуры, обратившись лишь к какому-то одному отрезку данной цепи событий. Развитие, таким образом, — ключ к пониманию сущности любого явления. Правда, тут есть и другое затруднение: чтобы излагать его историю, нужно в известной мере опираться на знание его сущности, только тогда история не будет выглядеть простым перечнем беспорядочных и не связанных друг с другом событий.

В современном историческом познании и его методологии это выражено в проблеме соотношения исторического и логического, причем логическое является воспроизведением, отражением исторического в отвлеченной, абстрактной форме, что зависит от масштаба изучаемых событий и степени глубины их постижения историком. В этом смысле логическое — это выражение сути изучаемого. Таким образом, чтобы понять сущность исторического явления, надо знать развитие, ход событий, но чтобы это осуществить, необходимо иметь хотя бы некоторое представление о его сути. С чего же начинать историку?

Признание взаимосвязи и взаимообусловленности развития событий и их сути не дает ответа на этот вопрос, но очевидно: познание должно начинаться с того, с чего начинается ход событий, этим началом сделан первый шаг к пониманию их сути. Однако реальное историческое исследование никогда не начинается с чистого листа. Развитие является в конечном счете основой понимания сути изучаемого (логическое), более детальная и полная картина развития способствует более глубокому пониманию их сути, что, в свою очередь, позволяет увидеть в конкретных событиях нечто новое, — и так без конца. В этом заключается развитие познания, хотя изменение представлений о сути не всегда означает более полное, глубокое ее постижение. В этом состоит одна из фундаментальных предпосылок прогресса научного познания.

Выдающиеся представители российской исторической науки второй половины XIX — начала XX в. М.М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и др. создали картину аграрного развития Англии XIII в., согласно которой страна была покрыта крупными манорами, состоявшими из трех частей: господской земли, наделных держаний и фригольда. Вскоре после этого исследования английский историк Ф.У.Мэтланд (1850—1906) на основе обширного конкретного материала показал наличие различных по размерам майоров и пестроту их структуры, что изменило в известной мере и представления о маноре. Правда, эти представления не давали возможности судить о том, на какой именно стадии находилось развитие аграрных отношений в стране в тот период. Позже известный советский историк Е. А. Косминский на основе углубленного конкретного анализа и с привлечением теории феодальной ренты Уточнил представления о сущности манора и о реальном уровне и Развитии аграрных отношений в Англии XIII в.¹

Рассматривать явления в развитии — значит показывать их переходящий характер: их возникновение, динамику (периоды, этапы) и завершение, финал. Это в любом случае требует выхода

¹ См.: Косминский Е.А. Английская деревня в XIII в. — М.; Л., 1935; Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. — М.; Л., 1947.

мышления за хронологические рамки свершившегося. Первоначальный выход связан с выявлением причин, породивших изучаемое. Это вносит дополнительное условие в понимание истории в целом: чтобы понять современность в каждый данный момент, необходимо знать прошлое.

Современность не является ни продолжением прошлого, ни его абсолютным отрицанием, но всегда в той или иной мере между ними существует преемственность: прошлое готовит настоящее. Преемственность — это сходство, определенная повторяемость, различимая не только по конкретно-исторической форме событий, но и по их сути.

Следовательно, и в этом смысле историк не может не признавать общего, повторяющегося в истории, как в отдельных событиях, так и в логике ее развития в целом. Проявившиеся в процессе становления историзма противоположности — в истории все повторяется и в истории все индивидуально — примеры неоправданной абсолютизации того и другого.

Для понимания сущности событий необходим выход за их хронологические рамки и в другом отношении — выход в то, что произошло потом. Это позволяет учитывать последствия изучаемого, гносеологический смысл чего мы рассмотрим ниже.

Для понимания сущности событий и явлений историку не обойтись без оценки их места и значения не только в общей хронологической цепи развития, но и в конкретной ситуации. Без учета как этой ситуации, так и прошлого невозможно объяснить, почему произошло именно так, а не иначе; ситуация придает любому событию тот неизгладимый отпечаток места и времени, который выражает его качественную определенность как единства особенного, индивидуального и общего, повторяющегося. Изучать с учетом конкретной ситуации, — это, прежде всего, не подходить к событию, как чему-то изначально данному, неизменному и окончательно, тем более — вечному.

Вот категории, которые выражают непонимание или глубокое игнорирование этого требования историзма: «естественное состояние», «естественное право», «естественная и неизменная человеческая природа», «права человека», «демократия». Современный мир понял, что со стороны США идет экспансия по части прав человека, свободы и демократии и нередко отвечает: у нас свое понимание прав человека и демократии. В этом — реальный историзм.

Кроме того, изучать событие с учетом конкретной ситуации значит не привносить в это изучение дух, свойства, особенности и т.д. другого времени в качестве критерия понимания и оценки событий. То, что на средневековых картинах можно было встретить людей той эпохи, одетых в древнеримские тоги, свидетельствует об отсутствии историзма и *архаизации* — перенесении эле-

ментов прошлого на нынешнее. Гораздо более распространено осовременивание прошлого — *модернизация*. Ее используют с целью сделать прошлое более близким и доступным пониманию современников.

Модернизация сравнительно более безобидный прием по сравнению с архаизацией, попыткой доказать извечность современных общественных отношений.

В советской историографии модернизация отечественного прошлого не применялась широко в связи с тем, что новое советское общество образовалось в результате революции и разрыва с прошлым, однако избежать ее не удалось. Одно из ее проявлений — представление о том, что при переходе от Античности к Средним векам¹ произошла революция рабов. Но революции рабов не было, более того, рабы могли быть лишь разрушителями старого строя, но не создателями нового: рабство «участвовало» при переходе к новым средневековым отношениям, но при этом утрачивало свою сущность (колонат).

Что же касается доказательств извечности современных общественных отношений, то это стало достаточно распространенным приемом в различных направлениях историографии стран Запада в конце XIX и в XX в. Яркий пример — представления австрийского историка А. Допша (1868 — 1963). Он отрицал качественное развитие истории и связанного с этим своеобразие событий и целых эпох и находил капитализм в различных явлениях Средневековья и Античности. Именно по этому А. Допш не видел какой-либо разницы между хозяйственными порядками Римской империи и теми, какие были у древних германцев, вошедших с ней в соприкосновение и явившимися будто бы наследниками римлян.

Столь очевидные отступления от историзма вытекают из общего теоретического положения — об исконном существовании самых различных экономических форм на всем протяжении истории любого народа. А. Допш находил капиталистов, приведших к пролетаризации крестьянство путем земельных спекуляций, в Древней Индии времен пророка Исаи; капиталистический дух, по его мнению, существовал и во Франкском государстве².

Если выйти за пределы чисто исторического исследования и обратиться к жизненной практике, области преобразований и Реформ, то обнаружится критерий их оценки — их исход, результаты. При чем тут принцип историзма? Дело в том, что учет конкретной исторической ситуации при проведении любых обществен-

¹ggg Полянский Ф.Я. Товарное производство в условиях феодализма. — М.,

² См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории.

ных преобразований — столь же важное условие, как и при историческом исследовании.

Рассмотрим эту тему на примере экономических реформ в России 90-х гг. XX в.¹ Понимание негативных последствий результатов этих реформ и их причин присуще представителям разных общественных слоев и структур современной России и зарубежным исследованиям. Патриарх Алексей II признал, что в ходе экономических перемен произошел раскол общества на сверхбогатое меньшинство и бедное большинство, возросла социальная несправедливость². Наставник российских реформаторов, американский экономик Дж.Сакс назвал результаты реформ экономической катастрофой³.

Возникает вопрос о причинах происшедшего. По мнению Дж. Сакса, ошибка в проведении реформ заключается в обнаружившемся их несоответствии исторической ситуации в России⁴. О важности учета такой ситуации говорил российский демократ Г. Попов.

Приведем его высказывания по поводу реформ в Китае: «КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточилась на создании нового»; «реформы в Китае исходили из особенностей своей страны, а не из рецептов зарубежных знатоков»; «учитывалась главная из этих особенностей — гигантские ресурсы дешевой рабочей силы.

Другая особенность — забота о величии китайской нации, о превращении страны из отсталой в современную державу»; «проблема социальной платы за реформы... оставалась одной из главных»; «и самое главное — никаких штурмов, скачков, обещаний успеха через 100 или 500 дней уже "к началу осени"»⁵.

Понимание необходимости опоры на историческое своеобразие России в ходе экономических и иных преобразований присуще представителям отечественного бизнеса. Так, президент компании «Русское золото» считает, что единственное спасение России — это отстаивание своей исторической, экономической и социальной уникальности⁶.

Страницы прошлого учат тому же. Рассказывают, что в 1812 г. император Александр I вызвал к себе М. И. Кутузова и сказал, что русским армиям пора переходить границу и идти в Европу до Парижа. «Зачем нам идти в Европу, — возразил Кутузов. — Нам, Ваше Величество, в Европе делать нечего». «Но разве мы не Европа?» — спросил царь. «Нет, не Европа», — отвечает М. И. Кутузов. «А кто же мы? Может, Азия?», — горячится император. «Нет, мы и не Азия», — заявляет старый фельдмаршал. «Так кто же мы все-таки?» «Мы, Ваше Величество, Россия».

¹ См.: *Смоленский Н.И.* Научный историзм и проблема реформ // Армагеддон. - Кн. 11.-М., 2001.

² Патриарх Алексей II. Борьба добра и зла достигла чрезвычайной остроты // Советская Россия. — 2002. — 4 янв.

³ Цит. по: *Элевтеров Г.* Диалектика будущей мощи // Советская Россия. — 2000. - 16 нояб.

⁴ Цит. по: *Кожин В.* В беседе с В. Кожемяко: Пушкиным крепится русская душа // Советская Россия. — 1999. — 18 февр.

⁵ См.: *Попов Г.* Книги моих однокашников: китайский вариант // Московский комсомолец. — 2000. — 8 дек.

⁶ См.: *Таранцев А.* Смена вех // Московский комсомолец. — 2000. — 24 мая.

ГЛАВА 10. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Проблема объективности исторического познания является одной из самых фундаментальных теоретических проблем. Объективность — значит научность, истинность; требование достижения истинного знания — одно из важнейших в области науки, без истинности науки не бывает. Понятие «истина» относится не к самим явлениям, а к их мысленным образам, которые также могут быть частично или полностью неистинными. Будучи истинным, мысленный образ не совпадает с изображаемым, не является его копией: мышление не может совпадать с реальностью, быть ей тождественным. Следовательно, требование истинности означает необходимость достижения представлений об изучаемом, которые ему приблизительно адекватны. Познание не может отобразить все свойства, мельчайшие подробности явления, это и не нужно для понимания его сущности. Из вышесказанного следует, во-первых, то, что общенаучный механизм мышления заключается в соотношении объекта (изучаемого предмета) и субъекта (мышления ученого). Первичным в этом соотношении является объект, субъект же всегда вторичен. Во-вторых, познавательный образ является приблизительно адекватным отображением свойств изучаемого объекта. Стоит отказаться от этого принципа, и наука перестает быть наукой, а истина — истиной. Истина становится в этом случае условным соглашением определенной общности людей, необязательным для другой общности и, следовательно, не являющимся истиной. Согласие по поводу истины может иметь только один источник — меру адекватности познавательного образа изучаемому объекту.

Таков общенаучный механизм получения объективно-истинных результатов познания. Он в полной мере приложим к историческому познанию, хотя для понимания природы последнего его недостаточно. Своеобразие механизма получения объективно-истинного знания в исторической науке определяется особенностями ее объекта — исторической действительности. Чтобы понять это своеобразие, необходимо рассмотреть следующие вопросы, связанные с проблемой объективности исторического познания:

- каков первоначальный — с точки зрения общего развития познания — смысл стремления к достижению истинного знания; какое представление о соотношении изучаемых явлений и мышления историка лежит в его основе;

- какова последующая логика развития представлений о соотношении объекта и субъекта исторического познания, включая их современное состояние;

- каково значение исследовательской ретроспективы (временной дистанции между изучаемыми явлениями и историком) для развития представлений о соотношении объекта и субъекта исторического познания; какое значение имело в этой связи осознание качественного несовпадения изучаемых явлений и современной историку среды;

- какую роль в трактовке соотношения объекта и субъекта познания сыграло доказательство неустранимости позиции историка из процесса исследования; когда это стало фактом развития науки и какое значение имеет сегодня;

- в чем критерий объективно-истинного знания в свете логики развития рассматриваемой проблемы?

Проблема объективности исторического познания не может анализироваться без опоры на историю познания¹. Речь идет не об историографии проблемы, а об изложении логики ее развития (возникновение, основные составляющие структуры мышления, этапы), причем не столько хронологического, но и прежде всего содержательного характера. История познания и логика его развития взаимосвязаны: история дает ключ к пониманию логики, а логика помогает определить в развитии содержание — вплоть до конкретных взглядов историка, — которое позволяет нам наиболее полно ее раскрыть и охарактеризовать. Логикой развития проблемы объективности обусловлен выбор конкретного историографического материала. Следует подчеркнуть, что этот материал неравнозначен с точки зрения полноты проявления в нем упомянутой логики. Это относится и к отдельным историкам, и к национальным школам историографии, и к целым периодам развития исторического познания. Вместе с тем очевидно, что для создания целостной картины анализа данной проблемы необходимо опираться на развитие представлений, этапы которого являются и этапами развития исторического знания в целом. Этим объясняется привлечение историографического материала. Избирательность^в его подборе обусловлена прежде всего степенью полноты отражения в нем логики развития исторического познания. Так, в данной работе использован материал, характеризующий развитие

См.: Гавришчев В. А. Об идейно-методологических принципах немецкой буржуазной историографии 50—60-х гг. XIX в. // *Методологические и историографические вопросы исторической науки* / отв. ред. А. И. Данилов. — Томск, 1967. — ^{б1} п. 5.; Смоленский Н. И. История и современность в немецком буржуазном ⁰ис-
Ризме XIX в. // Там же. — Вып. 7—8. — Томск, 1972; Кирилленко Е. И. Теоретико-
методологические основы исторических представлений И. Г. Дройзена: дис. на со-
^сКание степени канд. ист. наук. — Томск, 1982.

немецкой историографии XIX в., где рассматриваемая проблема проявляется наиболее полно и четко как с точки зрения обоснования выдвигавшегося тогда варианта объективности (Л. Ранке), так и в смысле его отрицания (И. Г. Дройзен). Это, разумеется, не означает, что рассматриваемая проблема не может изучаться на ином историографическом материале какой-либо национальной историографии.

В отечественных исследованиях теоретического характера с наибольшей полнотой раскрыта гносеологическая суть проблемы — объективность, ее механизм и природа¹. Диапазон взглядов российских историков весьма широк. Рассмотрим несколько примеров. По мнению академика И. Д. Ковальченко, «цель всякого, в том числе, исторического научного познания состоит в получении *истинных* (выделено автором. — Я. С.) знаний, т.е. знаний, которые *адекватно*² (выделено автором. — Я. С.) отражают изучаемую реальность»³. Он оставался верен своему убеждению в том, что изучение прошлого «...направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход»⁴.

По мнению доктора исторических наук А. Я. Тишкова, историк должен «стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достичь — заблуждение»⁴.

А. Я. Гуревич считал, что «всякая историческая реконструкция (восстановление прошлого) есть не что иное, как определенная конструкция видения мира, относительно которой историки достигли определенного консенсуса. Сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна»⁵.

К. В. Хвостова и В. К. Финн придерживаются следующей точки зрения: «Проблема объективности и субъективности исторического познания не совпадает с вопросами, связанными с его адекватностью, предполагающей различение факта науки и факта дей-

ствительности... Некоторые историки предполагают, что объективность исторического познания может быть констатирована только в рамках выбранных предпосылок, тогда как выбор самих точек зрения не есть строго обусловленная структура познания и носит эвристический характер»¹. Авторы отстаивают своеобразие объективности исторического познания по сравнению с естественно-научным, но они не принимают постмодернистский тезис о контекстности истины, т.е. об отсутствии элементов общезначимости в ее содержании.

Различия во взглядах историков обуславливают необходимость решения вопросов: «Как связаны эти различия с предшествующей логикой развития рассматриваемой проблемы?», «Что дает эта логика для понимания и оценки меры научной обоснованности различных представлений об объективности исторического познания?»

10.1. Возникновение и развитие представлений о соотношении объекта и субъекта исторического познания

Античность. Колыбелью формирования гносеологии, стержень которой — требование достижения истины и понимание того, что такое историческая истина, — является Древняя Греция. Впервые проблему истины попытался разрешить Фукидид. В отличие от Геродота (ок. 490 — ок. 425 г. до н.э.), у которого историописание еще не вполне отделено от художественного описания, мифа. Он стремился объяснять изображаемое рационалистически, т.е. взаимной связью событий, их внутренними свойствами, а не любым, в том числе сверхъестественным, вмешательством в их ход. Отсюда то внимание, которое историк уделял источникам. Фукидид стремился подвергать их критическому анализу. Цель такого подхода к использованию источников — выявление подлинности сообщаемых сведений. Это первая попытка постановки вопроса об объективности исторического познания.

Фукидид отмечает, что очевидцы передают одно и то же событие по-разному², и пытается понять, почему это происходит. По его мнению, это связано не только с ограниченностью человеческого восприятия, но и с позициями, пристрастиями людей. Несовершенство восприятия Фукидид, в частности, усматривает³ в том, что «большинство людей не затрудняет себя разысканием Истины и склонно усваивать готовые взгляды»³. Критическое от-

¹ См.: Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. — М., 1974; Ерофеев Н. А. Что такое история. — М., 1976; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. — Томск, 1978; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. — М., 1980; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 1987; Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания. — М., 1997; Смоленский Н. И. Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история. — 2004. — № 6.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — С. 239.

³ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. — М., 1995. — № 1. — С. 3.

⁴ Материалы дискуссии «Актуальные теоретические проблемы исторической науки» // Вопросы истории. — М., 1992. — № 8—9. — С. 162.

⁵ Там же. — С. 162.

См.: Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания. — М. — С. 41.

² Фукидид. — История. I, 22, 3.

³ Там же. — I, 20, 3.

ношение к используемым свидетельствам о событиях историк возводит в принцип, с которым неразрывно связано становление истории как науки. С надеждой он пишет о том, что «...недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил»¹.

С точки зрения более поздних и развитых представлений об истине, объективности познания Фукидид не выходит за рамки проблемы фактической достоверности картины событий. Однако в стремлении отделить позицию историка от изображаемого, описывать события «не по личному усмотрению» он идет и дальше. Для Фукидида было одинаково важно разъединить позицию и сообщаемый материал не только в ходе его проверки на достоверность, но и при изображении картины событий автором. Во всяком случае, он хорошо понимал, что недостоверные свидетельства являются результатом вмешательства автора в ход событий, т. е. в излагаемый материал. Причину этого вмешательства историк связывал с позицией автора сообщаемых сведений.

Исходя из вышеизложенного, взгляды Фукидида можно рассматривать в качестве начального звена той традиции мышления, а по существу — варианта гносеологии, который не утратил своего значения для части историков и сегодня и, что гораздо важнее, стал отправной точкой для разработки иных, в том числе современных вариантов. Очевидно, такой взаимосвязи в развитии гносеологии не могло бы быть, если бы в период ее становления не была выдвинута фундаментальная проблема соотношения объекта и субъекта исторического познания. Эта проблема остается актуальной и сегодня; современные историки так же, как и историки прошлого, пытаются найти ответ на вечный вопрос: может ли изучение прошлого помочь отыскать истину и если да, то как и благодаря чему?

Историки Древнего Рима продолжили поиски истины. С именем Тацита связывается возникновение тезиса, вошедшего в поговорку: «Без гнева и пристрастия (*Sine ira et studio*)». Это, по существу, не только идеал, но и завещание историка: «...тем, кто решил непоколебимо держаться истины, следует вести повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти»². Вместе с тем Тацит отчетливо сформулировал мысль о моральном значении изучения прошлого, причем стремление к истине и нравственное предназначение исторического знания у него не разъединены, а слиты воедино: только правда о прошлом научит добру в настоящем. Историк писал: «Я считаю главной обязанностью анналов — сохранить память о проявлении добродетели и противопол-

¹ См.: Фукидид. История. — I, 21.

² Тацит. История. — I, 1.

ставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве»¹.

Взгляды Тацита обладают значительно большей, чем у Фукидида определенностью: невмешательство субъекта в материал о ходе событий у него выражено очень четко. Вместе с тем субъект рассматривается в данном случае не как нечто безликое и неопределенное, а как исследователь, занимающий активную общественную позицию в связи с применением результатов познания в нравственных целях.

За пределами логики рассуждений Фукидида и Тацита остаются как минимум два вопроса: «Можно ли устранить влияние позиции историка на изображаемое?» и «Была ли у них самих такая позиция?» На первый вопрос ответа нет, хотя, скорее всего, античные историки верили в возможность реализации идеала. Что же касается ответа на второй вопрос, то можно утверждать: оба эти историка имели четко выраженную позицию, и прежде всего социально-политического свойства. Политические симпатии Фукидида были на стороне умеренной демократии, что соответствует его более чем положительному отношению к афинской демократии Перикла. Тацит также придерживался вполне определенных социально-политических взглядов в условиях своего времени и являлся одним из представителей староримского патрицианского образа мыслей, поклонником Республики в эпоху ее кризиса. Свое беспристрастие как следствие отсутствия какой бы то ни было позиции в ходе изложения событий историка не доказали: их позиция была выражена в самой сути изложения. Быть может, стремление Тацита подчеркивать свое беспристрастие связано с его ощущением того, что предлагаемые им картины событий могут восприниматься с гневом и пристрастием. Бесспорно и другое: уровень развития знаний в то время уже показывал зависимость событий от отношения к ним историков, но еще не раскрывал природу этой зависимости, не содержал необходимого материала для представлений о механизме исторического мышления, в том числе для ответа на вопрос о том, возможно ли вообще преодоление историком своего «Я» при изучении событий. Само это «Я» нуждается в расшифровке с точки зрения соотношения в нем личного и сверхличного (общественной позиции историка). Такая расшифровка была осуществлена гораздо позже.

В целом опыт античной историографии не может быть истолкован (без его осовременивания) как первый вариант гносеологии с точки зрения более поздних, в том числе современных представлений, основывающихся на том или ином понимании соотношения объекта и субъекта исторического познания. Соотношения объекта и субъекта исторического познания в этом смысле в

¹ См.: Тацит. Анналы. — III, 65.

античной историографии еще не было и быть не могло, так как этому препятствовало отсутствие необходимой глубины исторической ретроспективы, т. е. временной дистанции между тем, что изучается (объект) и эпохой, к которой принадлежит историк (субъект). Речь идет о продолжительности не только временного промежутка между тем и другим, но и о самом понимании того, что такое время.

Представление о времени в эпоху Античности исключало ту более позднюю постановку коренной проблемы гносеологии, из которой вытекало основное затруднение историка — как ему понять ушедшую действительность с позиций и на основе другой эпохи, современником которой он является. Античное понимание времени лишено представления о качественном различии эпох, следовательно, это могло быть предпосылкой формирования только такого механизма исторического познания, который обеспечивает изучение и понимание эпохи исходя из нее самой. Это было следствием непродолжительности исторической ретроспективы, благодаря чему предпосылкой, основой и условием понимания Античности у греков и римлян была сама Античность. С этим связано и требование Фукидида опираться лишь на те свидетельства о событиях, которые являются результатом личного наблюдения. Это требование он пытался реализовать при изображении Пелопоннесской войны¹. Добавим, что стремление ограничивать свою задачу изучением сравнительно недавнего прошлого было не столь редким среди античных историков, во всяком случае, это не являлось исключением. В той ситуации познания интерес к прошлому мог быть лишь интересом к недавней предыстории настоящего с точки зрения его корней или причин тех или иных событий.

Внешним, но отнюдь не случайным и поверхностным признаком античного варианта гносеологии был крайний эмпиризм, «событийность» стиля работ историков. Особенность античного эмпиризма, конечно, не чисто количественная, поскольку описательность являлась характерным признаком работ историков и совсем другой поры развития историографии, включая и современность. Описание — устойчивый, а не случайный признак любого варианта гносеологии: того, который является разновидностью самопознания эпохи, и того, в реализации которого осуществляется познание эпохи с позиций и на основе реальности качественно иного времени. Без описания невозможно изобразить ход событий. Однако это изображение осуществлялось в древности иначе, чем в современной историографии: конкретность проявлялась не в цепи взаимосвязанных событий, а в рядоположенных, относительно завершенных и самостоятельных сюжетах. Этому

¹ См.: Фукидид. История. — I, 22, 2.

вполне соответствовала структура сочинений историков греко-римской Античности: главы книг подразделялись на более мелкие единицы, которые, в свою очередь, могли также иметь подразделы.

Проблема соотношения объекта и субъекта познания в античной историографии не была поставлена. Ее постановки и не могло быть. Это связано не только с неразвитостью исторического познания, но и с механизмом исторического мышления того времени. Понимание несовпадения позиции историка (субъекта) с изучаемым (объектом) отсутствовало, что вытекало и из циклической концепции времени, и из ограниченности сознания эпохой Античности, что превращало историческое познание в буквальном смысле в самопознание эпохи. Речь идет, таким образом, не только о глубине исторической ретроспективы, которая в действительности могла быть и весьма значительной при всем предпочтении историков античности обращаться к изучению недалекого прошлого. Ключом к пониманию Античности для историков Древней Греции и Древнего Рима была сама Античность. Они этого не осознавали, поскольку ощущение этой особенности, тем более превращение ее в предмет теоретического мышления, могло появиться только на другом уровне развития исторического сознания, означавшем конец Античности и начало новых отношений в истории. В этом заключается связь гносеологии и логики исторического развития.

Может показаться, что это свидетельствует в пользу тезиса о слиянии объекта и субъекта, распространенного сегодня среди части историков и о равноценной значимости любых представлений об истории: сколько историков, столько и истин. Но не такова была заря историографии с ее основополагающим требованием правдивости и достоверности изображаемого. Не менее важен и тот ясно различимый смысл способа реализации этого требования — с помощью нейтральности позиции историка, выражающейся в устранении его отношения к предмету изображения («без гнева и пристрастия»).

Средние века, Новое время. Средневековая историография отчасти следовала античной традиции, а отчасти отходила от нее, поскольку понятие «истина» не было изъято из средневековых представлений о гносеологии. Однако следует заметить, что это понятие перестало быть единым светским. Решающее значение для средневекового исторического мышления имела *идея провиденциализма*, которая заключала в себе ответ на коренные вопросы о Движении истории (о ее целях, этапах, смысле). Идея провиденциализма означала признание вторжения в человеческую ИСТОРИЮ взвездных, внеисторических сил. В этом смысле понимание Истории, как и гносеологический механизм ее изучения, являлись отходом от представлений Античности.

Отход заключался в различном понимании сути истории: с одной стороны, она являлась священной, всечеловеческой, содержание которой раз и навсегда изложено в Библии, а с другой — светской¹. Они различались по способам постижения, притом что цель познания — достижение истины — сохраняла свое значение в любом случае. Разница же в способах, источниках постижения огромна: в священной истории истина — это откровение; она постигается не разумом, не логикой, а является результатом озарения, снисходит сразу и во всем объеме. Своеобразный девиз таких представлений: «Не мудрствуй лукаво, и ты постигнешь истину». Светская же история — это результат «мудрствования», это иное знание, сугубо относительное, имеющее более низкий статус. Истина, заключенная в этом знании, несопоставима со священной истиной, так как она включает сведения о реальной человеческой жизни. Сокращение сферы рационального затронуло не только область общих представлений о характере исторического познания, об истине, но и область конкретной исследовательской практики, в которой был значительно сокращен (по сравнению с Античностью) критический анализ источников. Это соответствовало бытовавшему представлению об исторической науке как божественном знании (*studio divina*), в связи с чем ссылки на Священное писание рассматривались как верх доказательства истинности каких-либо представлений о событиях.

Одним словом, идея божественного вмешательства в исторический процесс имела огромное значение для понимания не только его самого, но и природы, характера его познания. Соответствовавший этой идее механизм исторического мышления мало что дает для осмысления рационального варианта соотношения объекта и субъекта и развития этого соотношения в историографии прошлого. Важным этапом такого развития стал переход от *studio divina* к *studio humana* (науке о человеке), совершенный гуманистами. В результате произошла секуляризация исторического мышления, которая наиболее ярко выразилась в том, что любое историческое представление может быть признано правильным (т. е. заслуживающим доверия), только если оно основано на доводах рассудка, а не на вере в Бога. Доводы, таким образом, теряли значение аргументов, более того, упоминание о них в историческом исследовании становилось признаком дурного тона.

Гуманисты не отказывались от веры в Бога, они лишь разъединили области научного знания и религиозной веры — как по предмету, так и по методу. Несмотря на различия школ гуманистической историографии, родиной которой была Италия, их объединяло пристальное внимание к критическому анализу источников.

¹ См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма.

В анализ источников гуманисты внесли немало нового: критический анализ источников по их содержанию, филологическую критику текста и т.д. Была введена система сносок, что обязывало автора обнародовать источники и препятствовало анонимному и неограниченному заимствованию материала, как это было в античной историографии. Однако даже в том, в чем гуманисты, казалось бы, отходили от античной традиции, они следовали ей — все их усилия в области критического анализа и использования источников не выходили за рамки решения проблемы достоверности исторического знания: истинно то, что доказано в качестве достоверного.

Решение проблемы достоверности гуманистами подразумевало вывод за рамки достоверного всего, что было связано с вмешательством субъекта в изложение хода событий в соответствии с той или иной позицией субъекта, его взглядами. За этой вполне осмысленной и рационально обоснованной процедурой мышления стоит нечто более общее, рационально не столь осознаваемое, хотя и являющееся чем-то само собой разумеющимся и не требующим поэтому доказательства — сам вариант мышления, или гносеологии. Невысказанной его сутью является, как и у историков эпохи Античности, различие объекта (реальности исторических событий) и субъекта (историка) как до, так и в ходе исторического познания. Задача познания, не требующая обоснования, по мнению историков-гуманистов, заключалась в получении представлений, адекватных изображаемому событиям. Адекватность в этом случае также сводилась к фактически достоверному знанию.

Постановки вопроса о роли позиции историка в ходе изложения критически проверенного материала у гуманистов нет. Объясняется это главным образом тем, что гуманисты имели активную общественную позицию, в соответствии с которой тезис о нейтральности субъекта был неприемлем. В посвящении к «Истории Флоренции» Н.Макиавелли клятвенно заверял Климента VII, позже ставшего Папой Римским, в своем стремлении избегать как хулы, так и незаслуженной похвалы, лести, излагать нелицемерно, не приукрашивая истины. Впрочем, Н. Макиавелли вполне определенно высказывал предположение о том, что его книга не может «не задеть весьма многих»¹. При этом он вовсе не стремился к нейтральной позиции и рассматривал свое исследование прежде всего с точки зрения важности извлечения политических Уроков в целях управления современной Флоренцией.

Историография эпохи Просвещения как важное звено в развитии исторической науки не внесла чего-либо принципиально но-

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. — М., 1973. — С. 7—8.

вого в постановку рассматриваемого круга проблем и их трактовку. Данная проблематика не привлекала внимания просветителей даже в той мере, в какой это имело место у историков Античности и гуманистов. Проблемы источниковедческой критики, а также проблемы достоверности истины в историческом познании были отодвинуты на задний план, что объясняется переносом центра тяжести мышления историков эпохи Просвещения на политическую или нравственную значимость результатов исторического познания. Это, в свою очередь, было связано с ролью, которую играла историческая наука в борьбе просветителей со средневековым историческим мышлением и со Средневековьем в целом. Идеи истины как беспристрастия в то переходное время не могли вызвать у просветителей, имевших активную общественную позицию, большого интереса и внимания.

Философская мысль эпохи Просвещения гораздо дальше, чем историческая, продвинулась в изучении механизма познания, но именно в общенаучном или, точнее, в общефилософском смысле. Так, изучались проблемы роли ощущений в познании, соотношения ощущений и внешнего мира, в связи с чем высказывались идеи как о первичности объекта и вторичности ощущений (Дж.Локк), так и о решающей роли субъекта познания (Дж. Беркли, 1685-1753).

Однако успехи философской мысли почти не оказали влияния на историографию и историческую мысль и не послужили толчком к изучению механизма исторического мышления даже в тех случаях, когда представитель философской мысли являлся одновременно и историком, как, например, Д. Юм (1711 — 1776). Многотомная работа Д. Юма по истории Англии выдержана, несмотря на его философский агностицизм, в обычной для просветителей манере историописания.

Б. Г. Нибури и проблемы гносеологии. Развитие представлений о механизме исторического познания (историография проблемы) имеет отношение к содержанию современных вариантов гносеологии: оно является одним из фундаментальных источников этого содержания и, следовательно, важным условием его понимания и оценки. Конечно, не все стадии имеют значение. XIX век был временем наибольшего продвижения вперед, к результатам, сохраняющим свое значение и сегодня. В развитой форме и раньше всего эти результаты были достигнуты немецкими историографами, но это не являлось национальной особенностью данной школы историографии и составляло общую, хотя и в разной мере выраженную тенденцию развития исторической науки многих стран.

¹ См.: *Hume D.* The history of England from invasion of Julius Caesar to the revolution of 1688. - Vol. 1-8. - L., 1786.

Общим условием формирования этой тенденции была глубокая историческая ретроспектива в сочетании с утвердившимся восприятием развития истории как неразрывной и последовательной временной цепи. При этом осознавалась зависимость каждого последующего звена от предыдущего и качественное отличие неповторимости каждого из них. Подобные представления обуславливали необходимость рассмотрения проблемы познания реальности прошлого (объекта) с учетом принадлежности историка (субъекта) к качественно иной реальности. Связь историографии XIX в. с античной традицией ощущается, но ее нельзя назвать прямой. В Античности большую роль в познании играли убеждения в обратимости времени, в устранении из изображаемого позиции историка как чего-то личного, пристрастного. В XIX в. стала осознаваться роль позиции историка, воспринимаемая как продукт влияния на него окружающей среды, качественно отличной от изучаемого времени. Понимание этой обусловленности стало одним из результатов развития исторического познания.

На новом витке представлений о гносеологии большое значение имел поиск истины. В самом целеполагании познания никакого отхода от античной и средневековой историографии не было. Однако понятие «истина» становилось более сложным и не сводилось лишь к фактической достоверности. В связи с этим рассмотрим возникновение проблемы на конкретном материале развития представлений о механизме исторического познания в немецкой историографии XIX в. В философско-исторической мысли Германии первой половины XIX в. одной из традиций мышления было признание дуализма объекта и субъекта познания. Согласно этому под истиной подразумевались представления, формы мысли, согласующиеся с изучаемыми явлениями, реальностью. Так, в словаре Я. Гримма (1775—1863) объект рассматривается в качестве предмета чувственного восприятия или мышления в противоположность понятию «субъект»; а понятие «объективный» расшифровывается как «предметный»¹. Истиной является то, что соответствует действительности, это правильное понимание вещей.

Представители профессионального исторического знания в Целом разделяли подобные представления об истине. В частности, это относится к исследователю Античности Б. Г. Нибуру. Его Достижения в области критики римской традиции имеют вполне определенную гносеологическую основу. Они связаны с его убеждением в возможность достижения объективно-истинного знания о прошлом, подобно тому, как категория истины предполагает весьма недвусмысленное понимание отношения источника

¹ См.: *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch. — Bd.VII. — Leipzig, 1889.

и исторической действительности. Так, в своем исследовании по древней истории Рима он писал: «...если бы не существовало истины, то не было бы никакого исследования»¹. Б. Г. Нибур отрицал существование идей, представлений, не связанных с восприятием действительности. Историк не ограничивался непосредственным восприятием. По его мнению, следы явлений, «отдельные признаки, знаки (*Zeicheri*) свидетельствуют о предмете, который недоступен непосредственному восприятию, но они сами — предмет восприятия; их бытие принадлежит действительности и подобно тому, как реальны они, реально и то, что их обуславливает»².

В природе источника Б. Г. Нибур различает две стороны: он — знак, вещественное или письменное свидетельство об ушедшей действительности, но в то же самое время — ее часть. Вывод историка о двойственном характере источников имеет фундаментальное значение: природа источников действительно двойственная; новые их виды — кинофотодокументы и т.д. — лишь подтверждают это. Не менее важен этот вывод и для формирования различных вариантов гносеологии, а их при выдвигании на первый план одной из сторон происхождения источников может быть как минимум два. Если опираться на вывод об источнике как части действительности, а не просто как форме ее восприятия, можно говорить о варианте гносеологии, стержнем которой является стремление к объективности познания. Другой вариант гносеологии связан с той особенностью происхождения источника, которая делает его формой восприятия действительности со всеми вытекающими отсюда проблемами относительно степени достоверности, адекватности этого восприятия. При односторонне субъективном истолковании упомянутого восприятия формируется основа для варианта гносеологии, в крайних своих формах несовместимого с требованием объективности, как в первом случае. И хотя в самой природе источника соотношение признаков реликта действительности и ее отображения восприятия не является произвольным или случайным, истолкование этого соотношения может быть односторонним, неадекватно отражающим двойственную природу источников. Такое истолкование не вытекает ни из двойственной природы источников, ни из механизма исторического мышления. Оно в любом случае означает отрыв источника от исторической действительности. Таким образом, решение главной проблемы гносеологии — проблемы соотношения объекта и субъекта исторического познания — предполагает ее постановку и по отношению к природе исторического источника.

Такая логика решения проблем гносеологии исторического познания реализовывалась в ходе его развития. Б. Г. Нибур был одним из первых, кто связывал свое представление о механизме исторического познания, соотношении в нем объекта и субъекта с происхождением и природой исторических источников. В основе отстаиваемого им варианта гносеологии был реальный историзм, который утверждал идею качественного своеобразия отдельных событий и целых эпох. Благодаря этому возникла проблема, которая сохраняет свое значение и сегодня: как историку понять прошлое, которое качественно отличается от современной ему среды. У Б. Г. Нибура есть четкое понимание недопустимости изображения и оценки прошлого с позиции современности¹. В отношении же образа исторической действительности в источнике или в труде историка исследователь отмечает одно принципиальное сходство механизма его формирования в обоих случаях — связь с окружающей средой. По мнению историка, тот, кто хотел бы порицать авторов свидетельств о римских древностях за то, что они зависели от своей эпохи, тот не понимает «...нашу общую долю, от которой свободны только любимцы богов...»². Итак, зависимость историка от своего времени — это жребий, рок. Б. Г. Нибур не раскрывает характер и содержание этой зависимости, но подчеркивает, что восприятие историком прошлого должно быть личностно, эмоционально окрашено, должно представлять собой восприятие соучастия в изучаемых событиях. Назначение и роль этого соучастия, по убеждению историка, препятствует искажению подлинного смысла изображаемых событий.

О каком же соучастии идет речь, с каких позиций? Об этом Б. Г. Нибур с полной определенностью сказал в одном из своих писем И.В.Гёте: «...я написал историю Рима с ощущением современника, и по-другому писать историю прошлого нельзя»³. Историк пояснял: политические принципы, которыми он при этом руководствовался — суть принципы гражданина Рима. В связи с этим В. Г. Нибур высказывал негативное отношение к исследователям, которые не видели всей глубины особенностей мироощущения римских граждан и смешивали их с духом других времен. Реальный историзм лежит в основе доказательства В. Г. Нибуром своего взгляда на познаваемость прошлого. Мы не можем сказать, что речь идет в данном случае только об условиях познания истории Древнего Рима: прошлое надо изучать с позиций и на основе самого прошлого. Представленный вариант гносеологии не лишен противоречий: если историк связан с окружающей его средой, то как ему совместить эту зависимость от своего времени с пере-

¹ *Niebuhr B. G.* Die Briefe. Hrsg. V.D Gerhard u. W.Norvick. - Bd. II. - Berlin, 1929. - S. 527.

² *Ibid.* - S. 526.

¹ См.: *Niebuhr B. G.* Die Briefe. — Bd. II.

² *Niebuhr B. G.* Romische Geschichte. Erster Teil. — Berlin, 1833. — S. 7.

³ *Niebuhr B. G.* Die Briefe. Zweiter Band. — S. 303.

ходом на позиции изучаемой эпохи? Не менее важно и другое: о каких позициях по отношению к прошлому может идти речь? Ответа на эти вопросы у Б. Г. Нибура мы не находим.

Вместе с тем вполне очевидно, что Б. Г. Нибур видит сложность проблемы: ушедшая в небытие действительность в своей реальности не является и не может быть предметом исследования историка, следовательно, мышление имеет дело не с самой реальностью, а с ее остатками, свидетельствами о ней; происхождение и природа этих свидетельств таковы, что открывают возможность объективно-истинного знания об исчезнувшей реальности; истина заключается в таком соотношении реальности и представлений о ней, в котором образ прошлого не искажен и отражает существо и своеобразие явлений; истинность достигается и проверяется в ходе критического анализа свидетельств о событиях. Следовательно, взгляды Б. Г. Нибура являются лишь одним из этапов исторического познания. К началу XIX в. были выделены основные звенья в формировании механизма исторического мышления, которые и сегодня являются необходимым условием появления различных вариантов гносеологии. Содержание этих вариантов зависит от способа истолкования и смысла каждого из упомянутых звеньев, в частности от того, как понимается соотношение источника и действительности. Признание единства действительности и источника было одним из отправных пунктов формирования гносеологии, в основе которой лежит проблема объективности. Отрыв источника от действительности означал отход от данной проблемы и при теоретической ее постановке, и при конкретно-историческом исследовании.

Достижение Б. Г. Нибура заключается в том, что он признавал единство действительности, источника и содержания исторического познания, т.е. образа прошлого. Историк говорил о необходимости соблюдения требования объективности. Объективное, по мнению В. Г. Нибура, — это противоположность субъективного, развитие познания позволяет избавиться от субъективной точки зрения и перейти к объективной¹. Таким образом, позицию этого историка характеризует стремление к объективности. Однако способ достижения истины, предлагаемый историком, — через позицию современников изучаемых событий — в целом ошибочен и нереализуем, хотя он предлагается и некоторыми современными исследователями в области гносеологии. «Задача объективного исследователя видится в том, — пишет профессор В.И.Овсянников, — чтобы стать на почву того времени, когда происходили

изучаемые события»¹. Доктор философских наук В. М. Межуев высказывается на этот счет не менее определенно: «Если историк смотрит на историю глазами тех, о ком пишет, то философский взгляд на нее — это всегда и во всем взгляд современного человека, стремящегося увидеть в ней свое собственное отражение»². А вот мнение члена-корреспондента РАН А.А.Искендерова: «В целом историку надо научиться с каждой исторической эпохой разговаривать на ее языке, используя присущие ей системы понятий и терминов. Только в этом случае он сумеет понять и верно передать дух и особенности эпохи, ее специфику»³. Следует помнить, что одну и ту же теоретико-познавательную позицию (Б. Г. Нибура и современных ученых) разделяет значительный промежуток времени, с вытекающей отсюда разницей в уровне исторического познания и представлений о его механизме (гносеологии). Отсюда следует, что этот уровень в том и другом случае не может быть основой для одинаковых выводов, и то, что было объяснимо у Нибура (так как вытекало из состояния знания того времени), перестало быть таковым сегодня. Для того чтобы это показать, продолжим анализ развития представлений о гносеологическом механизме познания немецких историографов XIX в.

Л. Ранке и проблема объективности. Чрезвычайно важны в связи с этим представления Л. Ранке. В целом он придерживался тех же представлений об объективности познания, что и Я.Гримм, Б. Г. Нибур и другие историки того времени. Он писал: «В общем я отвергаю мнение, что в истории нет объективной истины, не говоря уже о том, что она непознаваема. История — это реальность (*Geschehene*), историческое исследование (*Historie*) — наука. То, объективное, является предметом, это, субъективное, — знание о нем»⁴. Важной задачей Л. Ранке считал достижение их совпадения. О каком же совпадении идет речь? Л. Ранке отвергал априоризм Г. В. Ф. Гегеля; совпадение, по его мнению, — это соответствие представлений историка изучаемой действительности, верное, объективное ее изображение. «Важнейшее требование к историческому труду, — писал он, — заключается в том, чтобы он соответствовал истине; каким был ход событий, таким и должно быть их изображение», — писал историк⁵. Общий смысл теоретико-познавательной позиции Л. Ранке заключен в выражении, не-

¹ См.: Овсянников В. И. Избранные историографические произведения. — М., 2000. — С. 111.

² Межуев В. М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 77.

³ Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 28.

⁴ Ranke L. V. Vorlesungen. Hrsg. V.V. Dotterweich und W. P.Fuchs. — München; Wien, 1975. — S. 268.

⁵ Ranke L. V. Sammtliche Werke (S.W.). — In 54 Bd. — Bd.12. — Lpz., 1870. — S.5.

¹ См.: Niebuhr B. G. Vortage über romische Altertumer, an der Universitat zu Bonn gehalten. — Berlin, 1858. — S. 24.

редко цитируемом историками в качестве крылатого — показать, «как было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen ist*).

Но как это реализовать?

Позиция Л. Ранке по этому поводу широко известна и характеризуется понятием «объективизм», которым сам он не пользовался, так как оно стало применяться гораздо позже. Он требовал исключить из исследования «Я» автора, т. е. свое отношение к материалу, его оценку; историк должен быть беспристрастным, причем речь идет не только о чем-то личном, не выходящем за пределы «Я», но и о позиции историка, связанной с влиянием на него окружающей среды. Синонимом этого влияния для Л. Ранке в значительной мере была партийность исследователя. Под категорией «партийность» историк подразумевал политические, религиозные и иные взгляды историка¹. Общий же смысл требования исключения из исследования «Я» историка таков: объективность предполагает беспристрастность. Но объективность — это и беспристрастие в самом широком смысле слова, уход от выражения своего отношения к материалу. Л. Ранке хотел заставить замолчать свое «Я», чтобы заговорили сами события.

Таков теоретико-познавательный идеал Л. Ранке. Судя по всему, для историка он оставался всего лишь идеалом. Требование объективности, по мнению Л. Ранке, мешает воплотить в жизнь «личная ограниченность историка: субъективное сказывается само собой». В противоположность своему идеалу он находил свидетельства связи исторических исследований с современной им эпохой и считал, что лучшие из них обязаны во многом своим возникновением именно этой связи.

Таким образом, взгляды Л. Ранке весьма противоречивы. Идеал объективности как беспристрастия, нейтральности позиции и мышления историка говорит о его вере в возможность быть свободным от какого бы то ни было влияния на него окружающей среды. Подобные представления об объективности получили в первой половине XIX в. широкое распространение. Напомним, что и Б. Г. Нибур считал способом реализации своего идеала объективности сведение уровня и содержания исторического исследования к уровню самосознания изучаемой эпохи, что также предполагало веру в возможность историка быть независимым от окружающей его среды. Объективизм как вариант гносеологии был характерной особенностью взглядов историков XIX в., следовательно, имел некоторую общую основу в развитии историографии. Он отражал ту ступень развития исторического познания, на которой представления о его механизме еще не содержали достаточного обоснования неустрашимости влияния на историка со-

временной ему среды, хотя мнение о том, что она является источником искажения прошлого, уже высказывалось. Объективизм и сам являлся одним из аргументов своего собственного отрицания. Практика исторического исследования и деятельность Л. Ранке свидетельствовали о его нереализуемости. Это способствовало накоплению материала в пользу понимания того, что связь мышления историка с окружающей его общественной средой заключена в самой природе этого мышления и не может быть устранена.

Доказательство неустрашимости влияния современной историку среды на его позицию. Решение важной гносеологической проблемы влияния современной историку среды на его позицию, с которым нельзя не считаться и сегодня, привело к возникновению новой и не менее сложной проблемы: как соединить неизбежную социальную обусловленность позиции историка с поиском и достижением истины? Уже тогда это положило начало разделению историков на тех, кто не отказывался от требования объективности познания, и тех, кто из неустрашимой социальной обусловленности мышления историка делал прямо противоположный вывод. Важным подтверждением тому стала исследовательская практика историков-малогерманцев. Для историков школы Л. Ранке также характерны эти различия, хотя за ними стояло то общее, что для самих историков было важнее этих различий — их глубокая и безоговорочная приверженность идее объединения Германии «прусским» путем. В связи с этим призывы Л. Ранке к самоизоляции историка от современного ему общества с целью достижения им научной объективности являлись для малогерманцев и — отчасти — для учеников Л. Ранке неприемлемыми, в том числе и по соображениям нравственного порядка.

Требование жизненной активности историка означало для них необходимость «с оружием науки вступить в борьбу дня»¹. Активность жизненной позиции историка предполагала в данном случае осознанное убеждение в том, что влияние современности является частью этой позиции. Лозунг Античности: «*Sine ira et studio*», таким образом, меняет свой смысл: «*Cum ira et studio*» (с гневом и пристрастием). Г. Зибель (1817—1895), ученик Л. Ранке, писал: «То, что человек рассматривает действия и страдания людей с другими чувствами, чем естествоиспытатель свои минералы и инфузории, является, как мне кажется, законом нашей природы, одновременно также и законом истории»². Поэтому, по его мнению, «...всякий историк... имеет свои цвета»³.

¹ Treitschke H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. — Bd. IV. — Lpt., 1927. — S. 408.

² Sybel H. V. Vorträge und Abhandlungen. Mit einer biographischen Einleitung C. Varrentrapp. — München; Leipzig, 1897. — S. 299.

³ Sybel H. V. Kleine historische Schriften. — Bd. I. — Stuttgart, 1880. — S. 355.

¹ См. Ranke L. V. S.W. - Bd. 8. - Lpz., 1868; S.W. - Bd. 10. - Lpz., 1869.

Отстаивая данную позицию, И.Трейчке (1834—1896) выступил в защиту Л. Ранке от его неразумных учеников, искаживших подлинный смысл его требования исключить «Я» историка из исследуемого материала: «...бездарные ученики, которые не имели своего "Я", чтобы отказаться от него, усердствовали, переиначивая желаемым для себя образом выражение, которое содержало лишь глубочайший порыв ученого к истине, как будто они тем самым могли скрыть свою нищету. Однако, вне всякого сомнения, он не хотел этим сказать всерьез, что физически неосуществимое и безнравственное является научным идеалом»¹. «Физически неосуществимое» — это и есть выражение понимания неустранимости позиции историка, формируемой окружающей ученой средой, из исследования любой проблемы прошлого. Несмотря на то, что к этому выводу пришли отнюдь не все историки, его значение трудно переоценить. Притом что обусловленность позиции историка современной ему средой не является чем-то однозначным, неизменным ни по своему содержанию в каждом отдельном случае, ни в общем, теоретическом ее осмыслении, следует признать: этот вывод отражает одну из самых фундаментальных закономерностей развития исторического познания в целом и гносеологии в особенности. Эта закономерность имеет общее значение, так как действует на всех этапах развития исторического знания, независимо от осознания ее историками, а также вопреки их стремлению преодолеть влияние окружающей среды на их исследование прошлого. Осознание является результатом развития науки, подготавливается им и возможно только на определенном уровне этого развития.

Привлеченный историографический материал свидетельствует о том, что осознание неустранимости влияния на историка современной ему среды, одним из показателей которого является уровень мышления историков, было достигнуто в первой половине XIX в. в немецкой историографии. В ходе последующего развития науки многократно увеличился материал, раскрывающий социальную обусловленность исторического познания в каждый момент его развития, проявились положительные и негативные последствия влияния современности на изучение прошлого. Таким образом, любая попытка обоснования гносеологии современного научного исследования обречена на провал, если игнорируется социальная обусловленность позиции историка окружающей его средой. Это пройденный этап развития исторического познания, вернуться к которому невозможно даже во имя благой цели — сохранения стандартов научности истории как дисциплины, достижения объективно-истинных представлений о прошлом.

¹ См.: *Treitschke H.* Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. — Bd V — Lpt., 1927. — S. 413.

Исследования немецких историков XIX в. отражают начальный этап постижения необходимости признать влияние на историческое мышление окружающей среды как нечто коренящееся в природе этого мышления. Дальнейшее развитие исторического познания заключалось в осознании данного факта все большим количеством историков. Тем не менее, сохранялось весьма неоднозначное понимание и оценка неустранимости влияния современности на работу историка. Рецидивы объективизма, например, в историографии ФРГ после Второй мировой войны, или призывы некоторых современных историков избегать влияния окружающей среды имеют частный характер и являются беспочвенными.

Неоднозначность оценки влияния современности на историческое мышление проявилось впервые уже у историков-малогерманцев. Это было связано с проблемой соединения исходящего от современности импульса с поиском истины.

Объективистский подход, согласно которому современность является источником искажения картины прошлого, и поэтому ее влияние необходимо исключить, заменяется представлениями о механизме познания, сводящимся к двум основным вариантам теории познания. Эти представления появились в XIX в. и характерны для современного состояния науки и ее возможных перспектив. Вариант 1 — позиция историка как концентрированное выражение влияния на него окружающей среды совместима с поиском истины. Вариант 2 — эта позиция несовместима с истиной в том смысле, что результаты исследования различных историков субъективны и равноценны по своей значимости, так как каждый из них по-своему прав. При всем том, что и во втором варианте его представителям результаты познания могут вполне подводиться под понятие истины, объективности, хотя и понимаемым особо, разница между этими вариантами огромна и отнюдь не сводится к вопросу о применимости или неприменимости данного понятия. В первом случае речь идет о понятии «объективность», обозначающем соответствие (неискаженное представление) картины, образа изучаемых событий самим событиям. Полученные результаты рассматриваются не только в качестве истинных с данной точки зрения (позиции), но и в более широком смысле. В первом варианте исключается представление о равноценности различных подходов к изучению прошлого как в отношении исходного пункта такого изучения, так и в связи с полученными результатами: не всякое представление является истинным, что характерно для сторонников второго варианта.

Вернемся теперь к рассмотрению опыта малогерманской школы историографии. Пытаясь соединить социальную обусловленность позиции историка со стремлением к объективности познания в духе непротиворечивости, представители этой школы рас-

сма тривали объективность как соответствие результатов исследований историка их предмету и признавали, что субъективное начало не только неустранимо из анализа, но и правомерно, неотделимо от сущности самого познания. Следовательно, истина предполагает определенное отношение историка к материалу, его оценку.

По мнению Т. Моммзена, историку позволяется воздержаться от оценки¹. С точки зрения Г. Зибеля, истина и беспристрастие — разные вещи². Критика источников, согласно этому историку, дает возможность получить лишь определенные данные, прояснить детали общей ситуации; всякая же их комбинация, синтез, без которых нельзя обойтись, — субъективный опыт исследователя. Эта мысль выходит за рамки прежней логики рассуждений. Прав ли Г. Зибель? Конечно, общая картина событий несет на себе отпечаток позиции исследователя, в которой может быть элемент личного отношения к ним, то, тем не менее, далеко не любая позиция исследователя подпадает под понятие субъективного. Позиция — продукт времени, и у историка есть относительная свобода ее выбора, особенно когда речь идет о ее социальной сути. Г. Зибель же рассматривал ее в иной плоскости. Упомянутых комбинаций, по его мнению, может быть много, поэтому нельзя говорить об истории Каролингов или Гогенштауфенов, а лишь о тех или иных взглядах на нее³. Таким образом, Г. Зибель отходит от гносеологии своего учителя Л. Ранке и взглядов представителей малогерманской школы историографии, согласно которым историк должен быть объективен, но при этом иметь активную жизненную позицию. Это отход от представления об истории как о науке, поскольку провозглашается, что об истории как реальности говорить нельзя, что речь может идти лишь о тех или иных взглядах на нее.

В соотношении объекта и субъекта у Г. Зибеля на первый план выдвигается понятие «субъект», тогда как объект выступает чем-то вроде сырого материала, полуфабриката. Этот вариант гносеологии можно назвать *субъективизмом*. Очевидно, что конечной основой происхождения субъективизма является состояние исторического знания, показывающее значимость позиции историка и его вмешательства в изучаемый материал, т. е. объект. У многих историков той поры, перенос центра тяжести с объекта на субъект лишь только обозначился, так как теоретически и в ходе конкретного исследования они не отказались от идеала объективности как цели познания. Самый тенденциозный из них, Г.Трейчке,

¹ См.: Моммзен Т. История Рима : в 4 т. — Т. 1. — М., 1937.

² См.: Sybel H. V. Osterreich und Deutschland in Revolutionskriege. — Dusseldorf., 1868.

³ См.: Sybel H. V. Vortrage und Abhandlungen.

утверждал, что задача всех наук в том, чтобы давать истину; он даже употреблял выражение «непоколебимая истина»¹. Представители малогерманской школы четко разделяли понятия «объективность» и «тенденциозность», при этом последнее имело у них отрицательную окраску. Объективность оставалась целью, идеалом познания, свидетельством и проявлением его научности даже в тех случаях, когда историк заявлял о своем желании поставить историческое знание на службу дня, что было характерно для большинства историков-малогерманцев.

Что же дает предложенный малогерманцами вариант сочетания устремленности к истинному знанию с активной жизненной позицией историка для анализа современных гносеологических проблем? Главное, безусловно, заключается в самой идее такого сочетания, возможность которого сегодня в доказательстве не нуждается. Развитие познания показало, что путь к истине не может проходить в обход позиции историка. Историки-малогерманцы стояли у истоков формирования этого фундаментального представления о механизме познания и не дали его обоснования. Конечно, они имели в виду прежде всего свою собственную позицию и уже приходили к общему убеждению, что без позиции историка не бывает. Теоретически объективность познания не приносилась ими в жертву идее объединения страны, тенденциозность осуждалась.

В практике же их собственного конкретно-исторического исследования ситуация была существенно иной. Грубое осовременивание прошлого, проявляющееся в легенде о роли Пруссии в судьбе Германии, в отождествлении процессов объединения Италии под властью Древнего Рима и объединения Германии — искажение сути событий прошлого в угоду позиции исследователя. Противоречия между этой явной тенденциозностью и требованием истины не усматривалось. Как в таком случае определить, что тенденциозно, а что — нет? На чьей стороне и в каком объеме может быть правда о прошлом? Равноценны ли шансы на истину с учетом разницы исходных позиций историков? Ответов на эти вопросы историки-малогерманцы не дали. Отсутствие у них теоретически осмысленных и обоснованных представлений о критерии объективности является самым уязвимым звеном в их попытке соединить поиск истины с активностью мышления и позицией исследователя. Впрочем, синонимом истинного знания для них являлось фактически достоверное знание. В данном отношении они следовали одной из традиций немецкого исторического мышления, в основании которого лежат труды Б. Г. Нибура, Л. Ранке и других историков. Отсюда такое внимание к вопросам критического анализа исторических источников. Понятие «достоверность»

¹ См.: Treitschke H. Politik. - Bd. I. - Lpz., 1898.

не может быть в любом случае изъято из области гносеологии, как и решение проблем достоверности сведений не может привести к объективности, так как не тождественно ей, а является лишь исходным пунктом и предпосылкой ее достижения. Исследовательская практика малогерманцев — одна из ступеней развития познания, ведущих к пониманию этого обстоятельства.

Доказательство неустранимости влияния современной историк-у среды на характер, структуру его мышления не мешало решать проблему объективности познания ни теоретически, в области гносеологии, ни в области конкретно-исторического исследования. Современное состояние этого исследования в самых разных его областях и при множестве исходных позиций историков усилило доказательность вывода о социальной обусловленности позиций исследователей. Напротив, ни у историков-малогерманцев, ни у современных историков результаты конкретно-исторического исследования не сводятся только к позиции, лежащей в их основе, и в той или иной степени выходят за ее пределы, т. е. оказываются приемлемыми с точки зрения какой-то иной позиции. Благодаря подобным представлениям развитие познания является не просто сменой не связанных между собой конкурирующих интерпретаций, отражающих лишь позицию историка, а сменой, в которой существенную роль играет элемент преемственности. Именно поэтому ни одно поколение историков не начинало свои исследования на пустом месте, с нуля. Эта ситуация познания принципиально отличается от той, которая следует из пресловутого тезиса: «Сколько историков — столько и истин, каждый историк по-своему прав».

Очевидно, что однажды свершившееся событие, как и история в целом являются в своей ушедшей в небытие реальности окончательными и неизменными. Для обозначения этих свойств прошлого историк иногда пользуются понятием «инвариантность». По мнению академика И.Д. Ковальченко, историческая реальность в том виде, как она совершилась, является инвариантной, т.е. однозначной¹. В связи с этим он следующим образом формулировал задачи познания прошлого: «Во-первых, показ того, как это было в его инвариантности. Во-вторых, это объяснение того, почему было так, а не иначе»². Иными словами, прошлое, как ушедшая в небытие реальность, безальтернативно. До момента окончательного ее свершения имеется несколько ее вариантов, прошлое же, как свершившаяся реальность, окончательно, неизменно, инвариантно. В таком прошлом уже ничего

нельзя изменить, это фундамент познания, его можно только изучать, создавая его образ.

Однако если мы обратимся к историческому познанию, то картина здесь будет достаточно неоднозначной. В одних случаях этот фундамент действительно являлся основой для убедительных, рационально обоснованных научных представлений, в других — для весьма шатких конструкций, а в третьих — зыбкой почвой для представлений, согласно которым творцами истории объявлялись не люди, а сам историк. По мнению известного английского историка ХХ в. М. Оукшотта, история «...не делается никем, кроме самого историка; писать историю — единственный путь делать ее»¹. Не менее определенно высказался на этот счет другой известный представитель английской историографии того же времени П. Гардинер: «... не существует абсолютно реальных причин, которые ждут, чтобы их открыли историки, вооруженные достаточно мощными увеличительными стеклами. Существуют только историки, пишущие на различных уровнях и с различных расстояний, с различными целями и интересами в различных контекстах и с различных точек зрения»². Очевидно, что с этой позиции, характерной для широкого круга современных историков, прошлое — это ничто, все дело заключается не в прошлом, а только и исключительно в самом историке как субъекте познания, а точнее, в характере его позиции. Таким образом, понятие «историческая реальность» изымается из механизма исторического мышления, в результате с необходимостью следует то, что максимально отчетливо выражено в одном из современных течений гносеологии — постмодернизме. «Историю как совокупность свидетельств прошлого, — пишет Х.Уайт, — можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов»³.

Высказанные в разное время и различными историками взгляды имеют общий смысл: они затрагивают проблему соотношения мышления историка и изучаемой им реальности. Без наличия изучения механизма мышления, с помощью которого осуществляется конкретно-исторический анализ, познание вообще невозможно. Если же рассматривать механизм исторического мышления как таковой, как самостоятельную проблему гносеологии, то невозможно не признать, что историк изучает мир явлений, который он не создал и который существовал бы и в том случае, если бы этого историка вообще не было. Отсюда следует вывод о первичности бытия, жизни людей и вторичности мышления историка в реальности и в научном познании, дока-

¹ См.: Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. — 1995. — № 1.

² Там же. - С. 10.

¹ Oakeshott M. Experience and Its Modes. - Cambridge, 1978. - P. 99.

² Gardiner P. The Nature of History. - L., 1961. - P. 61.

³ White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteen - Century Europe. - Baltimore, 1973. - P. 283.

зательство чего с точки зрения обыкновенного здравого смысла может показаться столь же излишним, как и попытки опровержения. Это, однако, вовсе не столько проблема здравого смысла, сколько фундаментальная предпосылка любого познания: роль субъекта познания всегда вторична. Развитие научного познания в самых разных его областях не изменило и не может изменить такое соотношение объекта и субъекта, так как оно никак не зависит от результатов познания. И если, предположим, психолог изучает свой духовный мир, то он изучает вовсе не то, что придумал и сконструировал сам.

Рассматриваемый вопрос также не является проблемой общественной практики. Реальная жизнь, общественная практика во все времена опиралась на память о прошлом, однако эта память всегда была сугубо избирательна, конкретна и определена. В основе той формы социальной памяти, на которую опираются господствующие в данный момент общественные силы и тенденции развития, не плюрализм интерпретаций, а вполне определенный образ прошлого. Наиболее четко выраженные проявления этой формы социальной памяти — теория официальной народности в России XIX в., расистская теория Третьего Рейха, концепция атлантической солидарности в странах Западной Европы после Второй мировой войны, современная концепция либеральных ценностей в странах Запада и т.д. В каждом из этих случаев речь идет об официальном, господствующем типе социальной памяти как определенном сплаве, сочетании понимания прошлого и современности, что включает в себя еще и соответствующую перспективу развития. Это присуще любому обществу. Отсюда следуют, по крайней мере, два вывода: 1) эти формы социальной памяти в разной мере опираются на правду о прошлом и в разной степени нуждаются в ней; 2) плюрализм интерпретаций является лишь своего рода побочным продуктом весьма однозначного представления, которое не допускает иных интерпретаций, а если и допускает их, то не как равноценные.

Система общественных отношений всегда нуждалась в конкретном, однозначном обосновании прошлого. Такова и подлинная суть плюрализма «открытого общества», в котором всегда наряду с другими господствует определенный тип социальной памяти. Следовательно, тезис о равноценности различных интерпретаций прошлого в любом варианте представлений, в том числе новейшем, постмодернистском, является фикцией не только в научном, но и в социально-политическом отношении. По существу речь идет не о равноценности этих интерпретаций с точки зрения истины, а о их равноудаленности^{TM} от нее.

XIX век. И.Г.Дройзен о роли субъективного фактора в познании. Вариант гносеологии, сутью которого является тезис о плюрализме равноценных конкурирующих интерпретаций прошлого,

начал формироваться в середине — второй половине XIX в. Его зарождение мы также рассмотрим на материале немецкой историографии, где эта тенденция проявилась наиболее полно. Начало этому варианту гносеологии было положено в малогерманской школе и связано с именем И.Г.Дройзена.

И.Г.Дройзен не сразу сформулировал основные положения своей теории познания. В начале своей научной деятельности, до середины 50-х гг. XIX в., в главном он разделял представления малогерманцев и считал, что мышление историка способно дать объективно-истинные результаты при различении в объекте в соответствии с его познанием сутью истинное и неистинное. Объективность, по его мнению, предполагает изображение явлений такими, какие они были в действительности, причем И.Г.Дройзен считал, что исследователь должен избавиться от индивидуальной окраски, от привнесения субъективной точки зрения в их оценку. Вместе с тем историк критикует Л. Ранке и утверждает, что цель исторического исследования не может ограничиваться установлением достоверных исторических фактов, хотя критерий достоверности играет в его трудах большую роль.

Поводом для перехода И.Г.Дройзена на позиции иной теории познания является его борьба с позитивизмом, в ходе которой он отстаивал свое понимание специфики исторического познания. Упомянутый переход был совершен им в связи с критикой взглядов Л. Ранке, благодаря которому, по его мнению, немецкие историки «погрязли в так называемой критике, все искусство которой состоит в том, чтобы выяснить, что списал один хронист у другого»². Задачей же историка, согласно И.Г.Дройзену, является не критика, а «понимание», или интерпретация. Он не разделял представления Л. Ранке и других историков о том, что содержание процесса исторического познания является отражением в сознании историка объективной действительности, способное давать адекватные ей результаты. И.Г.Дройзен считал идею отражения преодоленной, безвозвратно ушедшей в прошлое³. Особенно историк выступал против представления о том, что критерии объективности в той или иной форме связаны с требованием соответствия результатов исторических исследований объективной действительности. Картина исторических событий является, с точки зрения И.Г.Дройзена, не отражением (*Abbild*) действительности, а ее знаком, сигналом (*Zeicheri*), хотя внешний по отношению к историку мир явлений рассматривался как объективный.

¹ См.: *Droysen* Y. G. Vorlesungen über das Zeitalter der Freiheitskriege. — Bd. I. — Kiel, 1846.

² *Droysen* Y. G. Texte zur Geschichtstheorie / Hrsg. V.G. Birtsch u. Y. Rusen. — Göttingen, 1972. — S. 82.

³ См.: *Droysen* Y. G. Historik. Vorlesungen über Enzyklopedie und Methodologie der Geschichte / Hrsg. V.R. Hubner. Zweite Auflage. — München; Berlin, 1943.

Мышление, согласно И.Г.Дройзену, по своей природе способно дать не объективный образ действительности, который ей соответствует, а лишь субъективное ее восприятие. Мышление развивает систему знаков как обозначений чего-то существующего или существовавшего; эти знаки, символы являются рабочим материалом мышления. Такова, по мнению И.Г.Дройзена, природа восприятия действительности в мышлении историка и в историческом источнике.

Для нас важно оправдание этого восприятия не с точки зрения физиологической природы мышления, а с точки зрения его общественной природы. То, что мышление историка не является только субъективным актом, но и во многом глубоко обусловлено окружающей его средой, т.е. объективными обстоятельствами, И.Г.Дройзен осознавал более отчетливо, чем другие историки национально-политического направления. Но вопреки этой очевидной объективной природе исторического познания он доказывал ее субъективный характер.

И.Г.Дройзен исходил из бесспорного факта, который для него имел очень важное теоретическое значение: историк имеет дело не с прошлым как таковым, так как его больше не существует, а с тем, что от него сохранилось в виде остатков (*Ueberreste*), источников (*Quellen*) и памятников, вещей (*Denkmaler*)¹. Он подчеркивал субъективную сторону источников, связанную с их происхождением, в противоположность объективному их содержанию: «Все источники, будь они плохими или хорошими, являются определенным восприятием (*Auffassung*) событий независимо от того, непосредственно ли это восприятие или же оно составлено на основе определенного количества таких непосредственных и первоначальных восприятий...»². По мнению И.Г.Дройзена, все материалы неполны, случайны, фрагментарны и не могут служить в качестве надежной объективной основой познания.

Мы подошли к рассмотрению одной из важных предпосылок субъективизма И.Г.Дройзена — отрыву исторического источника от исторической действительности и их противопоставлению³. Даже самое субъективное изображение предполагает изображаемое — историческое событие. В этом — объективная природа источника и познания в целом. Однако для И.Г.Дройзена была важна именно субъективная сторона восприятия действительности в источнике. Задача источниковедческой критики состояла, согласно это-

му, не в том, чтобы установить достоверные исторические факты, а в том, чтобы определить, «в каком отношении стоит исторический материал, который мы намереваемся использовать, к актам воли, о которых он свидетельствует»¹. Речь идет не о доказательстве истинности или неистинности вообще, а о том, чтобы показать, с какой точки зрения и в какой степени факты являются истинными.

По мнению И.Г.Дройзена, все верно только с определенной точки зрения: «Именно так обстоит дело с историческими представлениями и данными: лишь в определенном отношении они соответствуют тому, о чем повествуют»². Таким образом, вопрос о соответствии фактов и исторических представлений действительности не снимается. Это соответствие, согласно И.Г.Дройзену, предопределяется не действительностью, а позицией исследователя. Историк не только различал факты действительности (события) и научные исторические факты, но и отрывал одно от другого: научный факт, с его точки зрения, является совокупностью представлений, создаваемых исследователем. Это, конечно, субъективизм, но он имеет определенные предпосылки в действительной природе познания. События многогранны, неисчерпаемы для восприятия, поэтому даже самый элементарный исторический факт может быть разложен на еще более элементарные составные части. Но суть явления от этого в процессе восприятия и познания не меняется.

Так, переход Цезаря через Рубикон можно разложить на множество деталей; еще больше можно поставить в связи с этим вопросов, на которые в источнике нет ответа. Однако даже при сильном стремлении к конкретности и детализации доказательству того, что исторические факты — это продукт творчества мышления историка, все же не получится превратить это событие, скажем, в переход Суворова через Альпы, даже если согласиться с изречением: «Дьявол прячется в деталях». Стремление представить историка в качестве творца фактов является разновидностью намеренной «дьяволизации» познания, и какое бы количество историков не вдохновлялось этим, к науке это отношения не имеет.

Восприятие факта исследователем может быть — и чаще всего бывает — неоднозначным не только в деталях, но и в основных моментах, однако это не просто продукт субъективного творчества историков, а следствие отмеченной особенности самих событий. В этой связи субъективное — восприятие — также определяется объективным — действительностью.

¹ См.: *Droysen Y.G. — Historik. Volesungen...*

² *Ibid.* — S. 134.

³ *Данилов А.М.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв.

¹ *Droysen Y.G. Historik. Volesungen...* — S. 98.

² *Ibid.* — S. 130.

10.2. Проблема активности научного мышления: история и квантовая механика

Активность нельзя считать особенностью только исторического мышления. Любое научное мышление активно, т.е. избирательно, поскольку оно не может дать копии, слепка с изучаемого объекта. В этом смысле природа исторического и естественно-научного мышления едина. Отмечая общенаучный характер представлений об указанном соотношении объекта и субъекта познания, следует подчеркнуть особую роль в их формировании научных открытий в области физики, и особенно — классической механики. Выявленные И. Ньютоном законы макромира, — обычного мира, в котором живет человек, — опираются на признание его объективности, т.е. на признание независимости от человека и, в частности, от субъекта познания, его познаваемости. Фундаментальным принципом классической механики является положение о независимости изучаемых объектов от средств и способов наблюдения за ними, т.е. от опыта, эксперимента, так как в макромире явления (объекты) имеют четко выраженную прерывную или волновую, непрерывную, природу. По мнению Н.Бора, все представления и понятия классической физики основаны на предпосылке о том, что «...можно отделить поведение материальных объектов от вопроса о их наблюдении»¹.

Понятие «истина» в соответствии с этими представлениями имеет только один смысл — адекватность отображения объекта мышлением. Проверка же адекватности осуществляется средствами, внешними по отношению к создаваемой картине научных представлений, т.е. с помощью опыта. Как выяснилось позже, адекватность законов классической механики не имеет универсального характера. Эти законы оказались лишь частным случаем, объясняющим поведение одного класса явлений — макромира. Мир микрочастиц подвержен действию совсем других законов, однако это уже другой этап развития физики. Что же касается классической физики, то ее открытия и достижения стали основой единой физической картины мира, т.е. были использованы при изучении явлений в области химии, математики и т.д. Какое же отношение все это имеет к области исторического познания?

Классическая механика была одной из вершин научных достижений, революцией в естествознании XVII в. Открытия в области физики привели к попыткам отождествления механизмов естественно-научного и исторического познания. Однако эта аналогия наталкивается на непреодолимое препятствие: активность мышления историка обусловлена прежде всего фактором, отсутствующим в механизме естественно-научного мышления — современ-

ной историку средой. Этим определяется выбор темы исследования, формирование понятийного и иного аппарата ее анализа, а в итоге — выдвижение на первый план одних аспектов изучаемого явления и отнесение к числу второстепенных других и т.д.

Во влиянии современности на историческое познание отчетливо прослеживается связь объективного и субъективного. Объясняется это тем, что в историческом познании субъект (историк) является частью объекта как в буквальном смысле, когда речь идет об изучаемых современных историку явлениях, так и частью истории как процесса развития в целом. Такое соотношение субъекта и объекта напоминает ситуацию в квантовой механике, в которой взаимодействие между объектами и измерительными приборами составляет существенную часть явлений. Подобное взаимодействие «...ставит абсолютный предел для возможности говорить о поведении атомных объектов как о чем-то независимом от средств наблюдения»¹. Это лишь подтверждает тот факт, что природа научного познания едина, но вовсе не говорит о том, что любые результаты наблюдения равноценны, равнозначны. С точки зрения физиков, слияния объекта и субъекта не происходит. Такого слияния нет и в историческом познании. Историк не является творцом объекта ни буквально, так как прошлое от него не зависит, ни в переносном смысле в качестве предмета исследования, так как он всегда является частью объекта.

Современность проявляет себя двояко в качестве источника или импульса субъективного: в тексте источника, как позиция его автора и в мышлении историка, изучающего этот текст. И все же она не является символом и синонимом лишь субъективного начала в мышлении историка, с ее влиянием связаны вовсе не только искажения образа прошлого. Современность — источник развития познания, субъективный и объективный одновременно. Развитие истории, частью которой всегда является современная историку среда, обеспечивает развитие познания (объективное), но обуславливает его результаты присущим для него общим уровнем познания, степенью развития логического аппарата мышления и т.п. (субъективное); современность обнажает глубину и относительность познания одновременно. Приводя к подтверждению известных результатов познавательной деятельности (объективное), современность исключает возможность подтверждения части этих результатов в конечной инстанции и по отношению ко всему объему исторического знания (субъективное). Современность связывает познание прошлого с решением тех или иных общественно значимых в данный момент задач или частных целей самого историка (субъективное), но тем самым она одновременно предупреждает против отрыва субъекта от объекта, мышления истори-

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. — М., 1961. — С. 35.

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. — С. 42.

ка от действительности, частью которой он является (объективное).

Ни одна из систем представлений о механизме исторического познания в прошлом не может быть взята в неизменном виде в качестве рационального варианта современной гносеологии. Однако именно в ходе развития практики исторического исследования была выдвинута проблема, без решения которой не могут обойтись и современные ученые — проблема соотношения исторической науки и современности. Теория познания И.Г.Дройзена была в известном смысле единственным в своем роде фактом вплоть до 90-х гг. XIX в. В первые десятилетия после своего появления она не нашла серьезных противников, как и последователей. Отправляясь от оценки взглядов части представителей современной, прежде всего западной историографии, следует признать: теория познания И. Г. Дройзена стоит не просто у истоков этих взглядов, но и содержит в себе их глубокую суть, несмотря на определенную разницу подходов, терминологии и т.д. Гносеологическая природа отрицания объективности заключается в отрыве исторического источника от исторической действительности и в перенесении центра тяжести мышления с объекта на субъект. Такова природа всех вариантов гносеологии субъективизма. Субъективное начало властвует в источнике и в структуре мышления историка, и изгонять его (в отличие от объективизма Л.Ранке) не только невозможно, но и нецелесообразно. Это гносеология полуправды, она отталкивается от вполне реальных свойств исторического источника и мышления историка, но абсолютизирует их и доводит до абсурда: историей, согласно субъективистским представлениям, является только то, что выходит из-под пера историка. Поистине: худшие сорта лжи получают из полуправды.

Таким образом, характерные черты и особенности гносеологического механизма познания историка — это порождение специфики объекта исторической науки; решающее значение имеет качественная определенность явлений общественной среды. Однако возможность познания историком явлений и процессов, качественно отличающихся от тех, что его окружают и лежат в основе его мышления, не обеспечивается признанием своеобразия этих явлений. Это стало осознаваться как особая проблема во второй половине XIX в. У истоков этой проблемы стоит немецкий филолог А. Бек (1785 — 1829).

А. Бек разрабатывал приемы филологической критики языковых памятников, текстов прошлого, отталкиваясь от герменевтики, в основе которой лежала реконструкция текстов церковного происхождения. По его мнению, филолог имеет дело или с остатками прошлого, или с сообщениями о нем (знаками), которые по своей форме отличаются от явлений прошлого. Остатки являются своего рода иероглифами, которые нужно разгадать. Знаки

(*Zeicheri*) — письменные знаки, ноты и т.д. — не имеют сходства с обозначаемыми явлениями. Задача филолога состоит в том, чтобы на основе данных символов проникнуть в сознание тех, кто их начертал. Речь идет о реконструкции, понимании явления. Содержание текста не всегда доступно рациональному анализу, поэтому необходимо вживаться в индивидуальность автора, интуитивно проникать в его духовный мир, причем здесь не противопоказана и фантазия¹. Это восприняли и историки.

По мнению И.Г.Дройзена, возможность познания основывается на том, что мы познаем нечто себе подобное, характерное для элементарных основ человеческих взаимоотношений и для исторического познания. Историческое познание тождественно тому, как мы понимаем говорящего с нами. Это некоторая целостность, которой мы проникаемся сами. Задача исторического исследования состоит в том, чтобы понять прошлое на основе сохранившихся о нем данных так, как мы понимаем собеседника². Такова суть теории понимания, которой придерживались некоторые историки и философы (В. Дильтей и др.). Она носит во многом внелогический, интуитивный характер, что, по мнению И.Г.Дройзена, связано с особенностями объекта исторической науки. Историк приводил пример с Сикстинской мадонной Рафаэля, тайной возникновения которой является Х-личность художника.

Рациональный смысл теории понимания — в постановке проблемы о роли интуиции в познании, что актуально и сегодня. Бесспорно, в историческом познании движение к новому знанию не является результатом простого накопления фактов, постепенного развития структуры знания в целом. Переход к новому знанию всегда предполагает разрыв с прежней логикой мышления; и чем больше новизны, тем более глубоким является этот разрыв. В естественных науках это выражено более четко, чем в исторической науке. Звеном перехода к новому знанию является интуиция. Индуктивная или дедуктивная логика не в состоянии обеспечить такой переход. Напряженный, непрерывный поиск естествоиспытателя, ученого приводит к тому, что появляется новое знание, которое воспринимается эмоционально — как озарение. Этому сопутствует и образ, возникающий у самого ученого (яблоко И.Ньютона, сон Д.И.Менделеева и т.д.). У историка переход к новому знанию не бывает столь резким в связи с характером самого знания, и тем не менее это знание не является простым логическим развитием прежней истины, оно представляет собой разрыв с ней.

¹ См.: *Boeckh* A. Enzyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften / Hrsg. V. Bratuschek. — Lpz., 1877.

² См.: *Droysen* Y. G. Historik. Vorlesungen.

Однако у историка есть то, чего не может быть у физика — сопереживание. Это не логика мышления, а эмоция, возникающая в ходе познания человеческого человеком, сопричастность познающего тому, что познается. Но это не суть мышления, не его природа.

Понять прошлое, как понимаешь собеседника, невозможно, так как «собеседник» из прошлого относится к другому времени, представляет собой совсем другой мир отношений. Для диалога с ним требуется другой язык. В противном случае прошлое будет переводиться на язык современных историков отношений. Ранее мы говорили о модернизации. Опасность модернизации связана не с проявлением упомянутой эмоции, а с фундаментальной особенностью исторического познания — обусловленностью позиции историка окружающей его средой, что не является неизбежным. Чтобы избежать искажения прошлого, нужно пытаться понять его в качественном своеобразии, а не смотреть на него глазами прошлого. Конечно, принцип историзма не сможет помешать тому, кто стремится осовременивать прошлое, любой вариант гносеологии сам по себе не может заставить историка быть правдивым.

Отступление от принципов естественно-научного мышления, искажение структуры, механизма этого мышления не позволяет естествоиспытателю получить достоверные результаты исследования. В этом смысле механизм мышления содержит в себе функцию самоконтроля. В основе этого самоконтроля лежит выводной характер естественно-научного знания. Историческое знание по своей природе не является выводным, что объясняется характером объекта познания: любое историческое событие вытекает из прошлого, но никогда не является его простым продолжением. В теории понимания рассматривается, в сущности, лишь одна сторона явлений — их подобие. Отсюда выводится соответствующий вариант гносеологии — сопереживание сходного, однородного. На самом деле этот вариант гносеологии нереализуем. Иначе, для понимания Цезаря был бы нужен только Цезарь, т. е. его вообще было бы невозможно понять.

Не менее очевидна несостоятельность другого варианта гносеологии, ориентирующегося на познание единичного. Этот вариант представлен неокантианской философией истории и различными его разновидностями. Его несостоятельность заключается не в том, что он ориентирован на изучение единичного, неповторимого в явлениях, без чего не может быть исторического познания, а в том, что единичное в нем рассматривается как синоним исторического по своей природе. Последовательная абсолютизация единичного означает, что объектом познания является некая уникальность, которая не может быть познана, так как физически недоступна познанию. Однако для историка тут

проблемы нет: такого рода уникальность может существовать только в чем-то воображении, в реальной истории ее не бывает. События являются звеньями более общей цепи событий. Уже только это исключает уникальность любого события. Задача историка — познать эти события. Общеисторическая связь событий — необходимое и самое общее условие их познания, поэтому рациональный вариант гносеологии нуждается в столь же рациональной общеисторической теории. Качественная незавершенность процесса общеисторического развития предопределяет относительность результатов его познания. Роль общеисторической перспективы развития в гносеологическом смысле двойка: развитие истории является условием понимания прошлого или углубления, изменения этого понимания и в силу этого играет роль критерия истины.

10.3. Историческая перспектива и проблема критерия объективности исторического познания

Для того чтобы событие было понято, оно должно быть завершено не только в своих непосредственных хронологических рамках, но и с точки зрения его отдаленных последствий. Без учета значения события в последующем ходе исторического развития оно не может быть понято и оценено. В высказывании: «Никто так не врет, как очевидцы» скрыт и определенный гносеологический смысл. Современники событий не только дают им индивидуальную окраску, но и не знают отдаленных последствий этих событий. У потомков есть больше шансов на истинное понимание исторической ситуации прошлого. Историческая перспектива показывает место любого события в цепи развития, без чего также невозможно его понять. В настоящее время в научной и общественной жизни России идет жесткая научная, политическая и идеологическая полемика вокруг оценки советского периода нашей истории. И хотя многое ясно уже сейчас, в своем истинном свете этот период предстанет только в рамках масштабной исторической перспективы. Лишь она даст ответ на вопрос о месте и роли этого периода в истории.

Анализируя проблему практики как критерия истинности исторического знания, И.Д. Ковальченко писал, что возможности проверки истинности знания текущим и последующим ходом исторического развития ограничена, так как объективность полученного знания может быть доказана «только применительно к итогам, имеющим прогностический характер». Рассмотрим возможности применения общественно-исторической практики в

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — С. 264.

качестве критерия объективности знания о прошлом. Опора познания на историческую перспективу, раскрывающую все самые отдаленные последствия происшедшего и роль любого события в общем ходе развития, является обязательным условием этого познания. Без его соблюдения познание не может быть всесторонним и истинным. Общественно-историческую практику как критерий объективности знания о прошлом рассматривал великий русский ученый и писатель Н. Г. Чернышевский. Он писал: «Сущность знаний о Марафонской битве давно проверена каждым образованным человеком не чтением рассказов об этой битве, а всем его чтением, знанием о цивилизованном мире, не прошлой жизнью цивилизованного мира, а нынешней его жизнью, в которой участвует он сам. Если бы не было Марафонской битвы, и если бы не победили в ней афиняне, весь ход истории Греции был бы иной, весь ход следующей цивилизованной истории был бы иной, и наша нынешняя жизнь была бы иная: результат Марафонской битвы — один из очевидных для образованного человека факторов нашей цивилизации»¹.

Исследовательская позиция Н. Г. Чернышевского характеризуется приверженностью к истине. Он считал, что история — одна из тех наук, «в которой примесь недостоверного наиболее велика»². Согласно его рассуждениям, критерием истинности исторических представлений является ход истории, т.е. общественная практика, хотя предложенный им вариант доказательства этого не выглядит вполне убедительно. Нельзя утверждать: картина прошлого истинна, поскольку последующие за ним события развивались именно так, а не иначе.

Инвариантность истории не исключает различия подходов к ней в познании, в том числе и по конечному результату — мере объективности. Не инвариантность, а логика повторяемости истории как «по вертикали», на более высоком уровне развития, так и «по горизонтали» способствует более глубокому и истинному пониманию прошлого и одновременно служит его критерием. Речь идет о повторяемости применительно к ступеням развития тех или иных процессов, а также к стадиям развития истории в целом. Поэтому, скажем, в свете представлений о Войне Алой и Белой розы невозможно сделать какие-либо выводы о характере греко-персидских войн, как и о степени истинности существующих о них представлений. Другое дело, когда анализируется демократия античного полиса: ее характер, особенности могут быть поняты только на основе иной, более высокой ступени развития демократии, связанной с возникновением более развитого граж-

данского общества при переходе от Средних веков к Новому времени. Следовательно, это общество обуславливает одновременно и критерий оценки существовавших ранее представлений о демократии. Равным образом, современная демократия США — это не демократия вообще, а демократия определенного типа, плюсы и минусы которой будут наиболее видны с позиций какого-то иного, более высокого уровня ее развития, что зависит от развития самого общества, а не только знания о нем.

Итак, первоначальный вариант постановки проблемы объективности исторического познания в греко-римской историографии содержал требование достижения истинных (правдивых, достоверных) представлений об изображаемых событиях. Истинное знание являлось в этом смысле противоположностью мифа, вымысла и предполагало соответствие, адекватность картины событий их ходу. Истинность знания отождествлялась с его фактической точностью, достоверностью. Последовательный или даже крайний эмпиризм исчерпывал собой в подавляющей степени содержание повествования о событиях.

Не менее важно видение способов получения истинного знания. Главное заключалось в требовании исключить любое — положительное или отрицательное — отношение историка к событиям, которое рассматривалось как вмешательство в материал, приводящее его к искажению. Отношение к изображаемому воспринималось как лично окрашенное и было нежелательным. Приверженность к циклической концепции развития имела решающее значение для формирования у историков Античности представлений о механизме исторического познания. Незначительная глубина исторической ретроспективы объясняет фундаментальную особенность варианта гносеологии той поры — отсутствие постановки проблемы, которая позже выражала и выражает в настоящее время основное затруднение историка: возможность адекватного понимания прошлого с позиции иной, чем это прошлое, общественной среды.

В несовпадении прошлого с окружающей историка средой какой-либо проблемы познания не усматривалось и прежде всего потому, что развитие событий воспринималось как процесс обратимый, циклический. Незначительная протяженность исторической ретроспективы, а также то, что общим условием, предпосылкой и основой познания Античности для греко-римских историков была сама Античность, без возможности какой-либо опоры познания на предшествующие и последующие исторические периоды — объясняют то, что было в этом первоначальном варианте гносеологии, и то, чего не было и быть не могло. Античную гносеологию отличали стремление к истине, включающее в себя требование адекватности изображения посредством отказа от выражения позиции историка по отношению к изображаемому, а так-

¹ Чернышевский Н.Г. Характер человеческого знания // ПСС : в 15 т. — М., 1951. - Т. 10. - С. 735.

² Там же. - С. 734-735.

же — отсутствие понимания позиции историка, как продукта влияния среды и как качественно иной, чем время, среды, к которому относится сам историк.

Логика последующего развития проблемы объективности была отчасти развитием, продолжением первоначального варианта ее постановки, отчасти ее отрицанием. Требование адекватности изображаемого ходу событий не выводилось за пределы совокупности представлений об объективности познания. Распространенным представлением о способе достижения истины оставалось убеждение в преодолении историком своей позиции как разновидности отношения к изображаемому. Развитие исторической мысли заключается в переходе от понимания позиции исследователя как чего-то личностного, к рассмотрению ее как результата влияния окружающей историка общественной среды. Реально в том и другом случае то, что она уже присутствовала до начала исследования, как и убеждение в возможности ее преодолеть. Понимание позиции историка как продукта влияния общественной среды, качественно не совпадающей с изучаемыми явлениями прошлого, стало, во-первых, результатом самого развития истории и возникновения масштабной исторической ретроспективы, а во-вторых, результатом развития принципа историзма, принесшего с собой понимание качественной определенности, неповторимости исторических событий и целых эпох. Такое понимание стало фактом развития исторической науки XIX в.

Одним из самых значимых достижений исторической науки XIX в. в области гносеологии стало доказательство неустранимости позиции историка из механизма его мышления, изображения и оценки конкретного хода событий. Наиболее четко это было выражено в немецкой историографии XIX в. Неудача попытки Л. Ранке преодолеть свое «Я» в познании стала, по существу, доказательством несостоятельности его позиции. Еще раньше Б. Г. Нибур в целях достижения объективности пытался доказать необходимость изучать прошлое с позиции самого этого прошлого, что было лишь разновидностью попытки историка уйти от влияния окружающей его среды как причины искажения картины прошлого.

Первым теоретически разработанным вариантом гносеологии с учетом неустранимости влияния на историка окружающей его общественной среды была теория познания И. Г. Дройзена. С влиянием среды он связывал единую субъективную природу отображения действительности в источнике и в мышлении историка, а в логике развития представлений о механизме исторического познания одним из первых перенес центр тяжести мышления с объекта на субъект. Тем самым понятие «объективность» хотя и не лишалось требования адекватности картины событий их реальному ходу, но перестало выходить за рамки позиции историка. Так было

положено начало той тенденции в развитии гносеологии, которой и сейчас следуют некоторые историки и которая почему-то считается новой. На самом деле новым является не само отрицание объективности, как адекватности знания, выходящей за пределы позиции историка, а новые формы, способы такого отрицания (идея слияния объекта и субъекта, перенос центра тяжести проблемы в область текста и т.д.).

Логика развития проблемы объективности исторического познания не привела к отказу от того понятия объективности, которое означает: а) признание присутствия лично и социально обусловленной позиции исследователя, что предполагает только один путь к достижению истины — через позицию историка; б) отрицание монополии на истину любой позиции — социального, теоретического и иного свойства; в) отрицание безбрежной о плюрализма с его тезисом о равноценности любых представлений о событиях и отвечающих требованию адекватности в рамках избранных предпосылок познания. Наличие множества позиций обуславливает различия в их шансах на истину и неизбежность плюрализма. При этом содержание истинного знания является не результатом компромисса, соглашения, договора между историками разных направлений, а совпадением, имеющим объективную основу, вытекающим из опоры на источник, как часть ушедшей в небытие действительности. Изъятие из гносеологии феномена исторической реальности как мыслимого объекта означало бы крах истории как научной дисциплины. К счастью, теоретических рассуждений по этому поводу для этого явно недостаточно¹.

Такое понимание объективности проверяется и подтверждается как самим процессом научного исследования, так и общественной практикой, развитием истории. Исторические ретроспектива и перспектива на разных этапах развития исторического знания представляют собой важные предпосылки формирования гносеологии. Также она открывает путь ко все более глубокому пониманию прошлого и является главным критерием истинности такого понимания с оговоркой, что это развитие не имеет конца, как не может быть и конечных, неизменных истин.

¹ См.: *Смоленский Н.И.* Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. — 1998. — № 1.

Язык науки характеризуют два фундаментальных свойства: он всегда обусловлен предметом науки в каждом случае и является средством получения нового научного знания, а также способом изложения уже полученных результатов научного исследования. Это в равной мере относится к языку исторической науки.

Структура, состав языка историка включает в себя: 1) современный историку литературный язык эпохи, количественно преобладающий пласт; 2) язык исторических источников, в той или иной мере входящий в структуру языка историка; 3) научные исторические понятия; 4) слова, термины, заимствованные из других научных дисциплин; 5) формализмы неязыкового происхождения¹. Рассмотрим смысловую нагрузку языка в каждом случае.

Литературный язык является важной составной частью любой формы повествования о жизни людей. Его основное назначение — сделать доступным понимание этой жизни читателю, хотя, конечно, нужно различать читателя-историка и массового читателя. В любом случае изучение прошлого предпринимается историком не для самого себя, а для общества, т.е. его работа не может быть рассчитана только на узкий круг читателей, историков по профессии. Естественно-научные исследования в большей части адресованы ученым, знать квантовую механику непрофессионалу не обязательно. Предмет исторической науки — жизнь людей, и глубокое научное знание о ней непрофессионалов также не является необходимым. И все же труд историка, в отличие от труда физика, пишется не только для ученых. Доступным для читателя его делает литературный язык эпохи.

Существует особый вид повествования — историческая беллетристика. Это форма популяризации представлений об истории, специально рассчитанная на массового читателя. Но профессиональное историческое исследование находится в поле общественно значимого интереса к прошлому. Дело в том, что и научный труд и произведение популярного жанра, повествующие о прошлом, решают одну и ту же важную в общественном смысле зада-

чу — обеспечивают связь времен, формируют историческое сознание. Однако главная задача исторического исследования — получение нового исторического знания. Если к тому же научный труд историка пользуется массовым спросом читателя, то это ему лишь плюс, хотя причинами этого могут быть социальная, политическая и т. п. острота проблематики, яркий художественный стиль исследования и т.д. Читательский интерес не является единственным или главным критерием научной значимости исторического исследования.

В структуру языка историка входит терминология источников изучаемой эпохи. Роль этого языкового пласта иная, чем литературного языка: он выражает дух, своеобразие ушедшего времени. В одних случаях термины, употребляемые в источниках, не меняют своего содержания, сохраняют для потомков то же смысловое наполнение, которое было присуще им в современную, для них эпоху (например, «булла», «инвеститура», «вира», «прекарий»). Другие термины переосмысливаются последующими историками и в прежней терминологической оболочке содержат отчасти иное понимание обозначаемых ими явлений («колонат», «раб», «аллод», «манор» и т.д.). Изменение содержания понятий является результатом развития научного познания.

На историческую науку оказывают влияние другие науки, что находит свое выражение в заимствовании терминологии: например, термин «формация» пришел из геологии, «рента» — из экономической науки и т.д. Структурной частью языка являются формализмы неязыкового происхождения — формулы и уравнения. Отчасти это связано с прогрессом научного познания и влиянием формализованных языков на язык историка. Способы формализации неоднократно переносились на изучение истории, что позволяет сделать вывод: язык формул и уравнений в работе историка применим в той мере, в какой он способствует, а не препятствует познанию качественного своеобразия явлений общественной среды. Очевидно и другое: этот язык не годится для реализации основной общественной функции исторической науки — формирования исторического сознания.

Слово было и остается главным познавательным средством историка. Историк воспринимает действительность через язык, который делает его труд доступным пониманию современников и потомков. В научном историческом исследовании язык создает свои особые, характерные именно для данного исследования проблемы. Историкам важно учитывать то, что несовпадение действительности и представления о ней таится уже в слове. Слово «дробит» действительность, с помощью языка картина мира расчленяется на части через язык: каждый из существующих языков имеет свои обозначения одних и тех же тел, вещей, свойств, явлений. Речь идет и о знаковой форме языка, лексике, и о содержании языко-

¹ См.: *Смоленский Н.И.* Понятие и слово в языке историка // Новая и новейшая история. — 1992. — № 2; *Биск А.Я.* Введение в писательское мастерство исто-

вых знаков. Не признание ли этой языковой относительности составляет глубинный смысл известного высказывания: «Мысль изреченная есть ложь?» В слове заложены трудности историописания, а если учесть, что историческая действительность изучается не в своей реальности, а преимущественно через письменный источник, т.е. текст, то можно себе представить масштабы проблемы. В современной науке эта проблема истолковывается по-разному. Представители постмодернизма утверждают, что языковые конструкции, с которыми имеет дело историк, не отражают реальности; связь между явлением и словом, между «означаемым» и «означающим» произвольна, зависит от структуры языка и намерений автора. Ведущая роль языка как преимущественно самодовлеющей структуры выражена в известном афоризме одного из представителей постмодернизма Ж. Дерриды: «Вне текста не существует ничего»¹.

Тезис о том, что в языке источника, как и историка, мы имеем дело не с отображением реальности, а с произвольными языковыми конструкциями, зависящими только от намерений и позиции автора текста, ложен. В практической деятельности людей язык дает не только намеренно или неосознанно искаженное представление об окружающем мире, но и приблизительно адекватную его картину, без чего бы в нем невозможно было ориентироваться. Это качество языка не утрачивается с превращением его из орудия человеческого общения, практической деятельности людей, в средство ее изучения и анализа. Это касается и исторической науки. Имеет пределы не только степень приближения к действительности ее образов, создаваемых средствами языка, но и сама степень языковой относительности. Последняя вовсе не означает произвола и хаоса в образовании слов, терминов и понятий, как и в практике их употребления. Связь знака и значения, языка и реальности является объективной основой словесно-концептуальной формы изображения действительности, которой пользуется историк. Именно благодаря этому существует возможность рассматривать язык историка с точки зрения такого его свойства, как точность; ничем не ограниченная относительность содержания слов, терминов и понятий, несомненно, исключила бы саму возможность постановки вопроса о точности.

Языки не делятся на точные и неточные; еще в меньшей степени это можно сказать о науках. Язык историка нередко ошибочно относят к разряду неточных, так как предполагается, что существует некий языковой эталон точности. Однако ни такого эталона, ни точного языка не существует. Не является таковым и язык «королевы точности» — математики — тем более, что в об-

ласти этой науки не существует какого-либо одного понятия «точность» безотносительно к тому или иному разделу. Следовательно, единственно правомерной является такая постановка вопроса о точности языка науки, в том числе и исторического познания, которая вполне учитывает особенность данного языка и область его применения. Предмет и язык исследования неразделимы.

По сравнению с формализованными языками естественный язык является не точным или не вполне точным, так как не дает однозначного, а потому бесспорного выражения предмета анализа. Впрочем, однозначное является бесспорным не только потому, что оно однозначно. Существует мнение о том, что если бы математические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались. Прежде всего, приведенное сравнение не вполне правомерно. При изучении исторических событий точность в естественно-математическом смысле далеко не всегда возможна, да и не всегда нужна. Не так уж важно, сколько именно легионеров переправилось с Цезарем через Рубикон — в оценке этого события такая точность ничего не дает. В событиях не обязательно господствует количественно преобладающее начало или свойство. Так, в первые годы советской власти государственный уклад в отношениях собственности не был количественно преобладающим, но он был господствующим. При связи количества и качества в событиях, переходе одного в другое задача историка, изучающего и оценивающего их, не состоит в том, чтобы разобраться прежде с количественной стороной дела. История как предмет исследования характеризуется богатством качества, неисчерпаемостью индивидуального, неповторимостью перемен и незавершенностью развития. Этим особенностям предмета в большей степени соответствует естественный язык, который в данном отношении по своему точен. Как средство человеческого общения язык обеспечивает адекватность социального поведения. Ошибки, сбои этого поведения могут быть связаны с языком, но причина этого — не отсутствие необходимой точности языка, а многозначность слов, построение фразы вплоть до запятой и т.д. Скажем известное: «Казнить нельзя помиловать».

Но в этих особенностях языка заключаются и его преимущества. Не будучи жестко и однозначно связанным с действительностью, что имеет место в случае с формализованными языками, естественный язык гибок, позволяет выражать всевозможные нюансы мысли и действия. Характеристика исторического лица или события может быть яркой, меткой, сравнение — образным, сочным. Гибкость — это то отличительное качество языка, которое представляет собой особый сплав рационального и эмоционального, что лежит в основе социального поведения.

Приведем образную и точную оценку преимуществ естественного языка, которую дал М. Блок: «В точном уравнении не мень-

¹ См.: Смоленский Н. И. Об исследовании британским ученым Дж. Тошем проблем методологии истории // Новая и новейшая история. — 2002. — № 6.

ше красоты, чем в изящной фразе. Но каждой науке свойственна ее особая эстетика языка. Человеческие факты — по сути своей феномены слишком тонкие, многие из них ускользают от математического измерения. Чтобы хорошо их передать и благодаря этому хорошо понять (ибо можно ли до конца понять то, что не умеешь высказать?), требуется большая чуткость языка, точность оттенков в тоне... Между выражением реальностей мира физического и выражением реальностей человеческого духа — контраст в целом такой же, как между работой фрезеровщика и работой мастера, изготавливающего лютни: оба работают с точностью до миллиметра, но фрезеровщик пользуется механическими измерительными инструментами, а музыкальный мастер руководствуется главным образом чувствительностью своего уха и пальцев. Ничего путного не получилось бы, если бы фрезеровщик прибежал к эмпирическому методу музыкального мастера, а тот пытался бы подражать фрезеровщику. Но кто станет отрицать, что, подобно чуткости пальцев, есть чуткость слова?¹ «Настоящий... историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча»².

А теперь поставим вопрос, который с точки зрения науки принципиально важен: «Как формируются новые научные идеи, делаются открытия в связи с ролью языка?» Вот что писал по этому поводу выдающийся французский физик XX в., один из основоположников квантовой механики Л. Бройль: «В силу своей строгой дедуктивности математический язык позволяет детально описать уже полученные интеллектуальные ценности; но он не позволяет получить что-либо новое. Итак, не чистые дедукции, а смелые индукции и оригинальные представления являются источниками великого прогресса науки. Лишь обычный язык, поскольку он более гибок, более богат оттенками и более емок, при всей своей относительной неточности по сравнению со строгим символическим языком, позволяет формулировать истинно новые идеи и оправдывать их введение путем наводящих соображений или аналогий»³. Выходит, что акт научного творчества, приводящий к открытию нового знания, совершается на уровне выживания новой идеи на естественном языке, а формализованный язык применяется для изложения результатов исследования. И научное открытие и описание полученных результатов историк осуществляет на одном и том же естественном языке, что свидетельствует о своеобразной гармонии. Но здесь необходимо внести одно уточнение. Не все из упомянутых составных частей языка историка при-

частны в равной степени к получению историком нового научного знания. Обнаружение исторических фактов связано с открытием новых источников. Однако развитие познания не сводится только к обнаружению новых фактов, меняется, уточняется, обогащается картина представлений о прошлом. Такое движение познания связано прежде всего с совершенствованием методов исторического познания, теоретических его основ в целом. Новизна теоретических подходов к изучению истории резюмируется в категориальном аппарате мышления.

Научные исторические понятия в чисто количественном отношении имеют значительно меньший удельный вес в языке историка, чем литературная разговорная речь его эпохи. Но это не самое важное. Более существенно то, что понятия не являются в такой степени, как литературный язык, продуктом органического развития. Их содержание — результат научного исследования, поэтому они обладают большей четкостью, причем речь может идти и о наборе признаков явлений, фиксируемых в определенный мыслительный образ. В этом смысле исторические понятия отличаются большей строгостью содержания, чем лексика литературного языка. Строгость эта — языковая, поэтому к содержанию понятий не следует предъявлять больше требований, чем они могут удовлетворить по своей природе. Математическая точность не является критерием степени соответствия понятия действительности: такое соответствие никак не может быть выражено количественно. Четкий набор признаков, включаемых в определенные понятия, также не решает проблемы его точности, поскольку определение — не обязательная форма существования понятий.

Известно, что многие понятия не сформулированы в качестве определений. Это не является упущением историков, поскольку наталкивает на природу понятия: оно — не только слово, термин, но и обобщение признаков класса однопорядковых, т. е. повторяющихся, явлений. Так как повторяемость в истории никогда не бывает буквальной, то и однопорядковые явления отличаются по набору признаков, причем не только количественно, но и качественно. Обычно за этим стоит степень развития того или иного явления в конкретных исторических условиях. Понятия «рабство», «полис», «феодализм», «община», «собственность» и т. д. являются обобщениями однопорядковых явлений. Однако хорошо известно, что каждое из них обладало своими отличительными и порой очень существенными особенностями (признаками), которых не было в других случаях. Можно ли считать обязательным признаком абсолютизма отсутствие органа сословного представительства? Очевидно, нет, хотя это было характерно для абсолютизма во Франции. Является ли феодальная иерархия необходимым условием феодальной собственности на землю в средние века? Тоже нет: в средневековых поземельных отношениях на Руси этого не

¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка/ пер. Е. М. Лысенко. — М., 1986. — С. 18.

² Там же.

³ Бройль Л. По тропам науки. — М., 1962. — С. 327.

было, хотя расщепленный характер собственности на землю был четко выражен в странах Западной Европы. Возникает вопрос: «Как составить представление о том, что такое абсолютизм, собственность на землю в Средние века?» За этими частными случаями стоит теоретическая проблема общего значения — происхождения, природы исторических понятий. Изучить ее — значит, прежде всего, дать ответ на вопрос о том, каково соотношение понятия и действительности. Прежде всего необходимо определить состав признаков однопорядковых явлений, включаемых историком в содержание понятия. Речь идет об отборе отдельных признаков или об исчерпывающем их перечне?

Попытка решения каждого из этих вопросов наталкивается на препятствие, которое заключается в историческом своеобразии любого из явлений, относимых историком к классу однопорядковых. Своеобразие предполагает, что различные признаки этих явлений по-разному выражены в них или даже могут отсутствовать вовсе. Возможности равнозначного отбора таких признаков не существует — ни в количественном смысле, ни по их содержанию. Остается еще вариант полного их включения в содержание понятия. Однако это также нереализуемо по той причине, что включение в структуру понятия неограниченного числа признаков, как важных, так и несущественных, размывает понятие, его суть; содержание понятия перестает быть теоретическим обобщением действительности и становится разновидностью эмпирического ее описания. В этом заключается одно из отличий образования абстракций в языке историка от абстракций в формализованном языке.

В математике исходным пунктом такого образования всегда является точный количественный перечень необходимых условий, положений. Результат будет верен только в том случае, если эти положения соблюдены. Теорема Пифагора о соотношении длины гипотенузы и длины катетов верна для любых прямоугольных треугольников евклидовой плоскости. Если же рассматривать треугольники на иной поверхности, например выпуклой, то она верна не будет. Математическая точность заключается здесь, помимо прочего, в учете всех необходимых условий для обеспечения верности результата. Это также обязательное условие точности практически любого формализованного языка в различных областях естественно-научного познания. Такая скрупулезная точность в перечислении исходных условий мышления — теорем, формул, уравнений — обеспечивается самой областью изучаемых явлений, их предметом, вследствие чего возможен и набор первоначальных условий, и их тождество во всех ситуациях одного порядка. Для историка же предмет его исследования не может дать ни того, ни другого. Различные исторические условия исключают тождество однопорядковых явлений; не только их конкретно-историческая

форма, но в известной мере и глубокая, скрытая от поверхностного наблюдения сущность в каждом случае отличаются с неизбежностью своеобразием. Преодолеть его, т. е. сделать несущественным для познания характера этих явлений, мышление не в состоянии, что, однако, не является признаком его слабости: таков предмет исследования.

Известным вариантом решения проблемы происхождения научных исторических понятий является теория идеальных типов М. Вебера. По его мнению, понятие «...создается по средствам одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества, рассеянных и разрозненных, имеющих в большей или меньшей степени, порой даже отсутствующих индивидуальных явлений, которые соединяются в соответствии с этими односторонними точками зрения в целостную аналитическую конструкцию. В своей понятийной чистоте эта конструкция не может быть обнаружена где-либо в действительности; она — утопия, и историческое исследование сталкивается с задачей определить в каждом отдельном случае степень сходства этой конструкции с действительностью»¹. Понятие, с точки зрения М. Вебера⁵ — это некий собирательный образ действительности, формируемый историком путем отбора и группировки признаков явлений в соответствии с его точкой зрения. Понятие не имеет аналога, прообраза в действительности; в этом отношении оно — утопия. Сходство содержания понятия с действительностью не отрицается.

Рассмотрим достоинства и недостатки теории идеальных типов. Конечно, то, что понятие не является копией, слепком действительности и не содержит всего набора признаков класса изучаемых явлений, тем более их индивидуальных черт, бесспорно. Точное воспроизведение действительности не только невозможно, но и бессмысленно. В этом М. Вебер прав. Однако проблема не в том, что понятие не совпадает с действительностью, а в том, как понимать это несовпадение, каковы его причины и значение. М. Вебер считает, что понятие не имеет прообраза в действительности. Отсюда возникает вопрос: «Откуда мышление берет критерии для тех односторонних точек зрения, в соответствии с которыми множество индивидуальных явлений "соединяется" в идеальный тип?» Ответ М. Вебера: из позиции исследователя. С этим следует согласиться, причем позиция историка имеет общее значение в качестве исходного пункта познания, а не только в связи с проблемой происхождения исторических понятий. Однако этот вывод не раскрывает всю суть проблемы.

Точка зрения исследователя не является единственной и решающей предпосылкой формирования научных исторических поня-

¹ Weber M. Methodologische Schriften. — Frankfurt a. M., 1969. — S. 43.

тий. Во-первых, точку зрения, т.е. исходную теоретическую, методологическую позицию историк заимствует не из изучаемого прошлого, а из современного ему состояния науки, а в конечном счете из окружающей его действительности. Следовательно, в этой ситуации говорить о соответствии или несоответствии не приходится. Во-вторых, и это главное, необходимо сделать так, чтобы в результате познания имело место «сходство конструкции с действительностью», но как это осуществить в теории идеальных типов, не говорится. Это связано с тем, что данная теория отводит решающее значение позиции исследователя, который в соответствии с ней формирует из разрозненных фрагментов прошлого образ исторического понятия. В таком случае прошлое является не основой познания, не ушедшей в небытие реальностью, а всего лишь мыслительным материалом, из признаков которого выборочным путем историк «лепит» идеальный тип. Вот почему М. Вебер в связи с требованием сходства понятия и действительности говорит о приближении действительности к понятию¹, тогда как на самом деле речь идет о приближении содержания понятия к действительности. Между тем и другим разница очень велика, это не просто словесная перестановка. Вопрос стоит так: «Что первично — изучаемый предмет, реальность или мышление историка?» Мышление в любой области научного познания — и историческая наука не исключение — дает лишь образ, картину изучаемого предмета, причем не произвольно, а в соответствии с его характером и особенностями. Но если понятие является не логической самодостаточной конструкцией, а отображением действительности, то как именно оно включает в себя многообразие свойств и признаков различных вариантов однопорядковых явлений?

Очевидно, что понятие не в состоянии быть неким собирательным образом, который в одинаковой степени близок к каждому явлению. Эти явления не могут быть представлены «на равных» в содержании понятия, так как они не равны в действительности. Тем не менее понятие имеет некий прообраз в действительности, который и является основой формирования его содержания. Этот прообраз — один из вариантов однопорядковых исторических явлений. Он представляет собой наиболее полное, развитое выражение данной исторической реальности, одно из проявлений неравномерности исторического развития во все времена человеческой истории. Так, самой высокой ступени развития античное рабство достигло в Древнем Риме; самой передовой страной феодальных отношений в западно-европейском Средневековье была Франция с ее крайними формами социальной диффе-

ренциации, неограниченным абсолютизмом, радикальной буржуазной революцией конца XVIII в.; страной классического капитализма эпохи нерегулируемого рынка была Англия и т.д. Зрелая, наиболее развитая форма исторической реальности является ближайшим прообразом исторического понятия¹.

Существование описанных вариантов однопорядковых явлений не зависит от современной историку действительности или его точки зрения; задача мышления заключается в данном случае в том, чтобы определить, выявить эти варианты. Что это дает познанию? Развитая историческая реальность содержит наиболее полно то, что не явно выражено в других ее вариантах, или выражено с особенностями, вытекающими из соответствующей конкретно-исторической ситуации. Поэтому данная историческая реальность является ключом к пониманию иных ее форм и разновидностей, в этом смысле она и составляет основу исторического познания. Благодаря этому понятия представляют собой единство общего и единичного и связаны с действительностью. Они являются продуктом обобщения, синтеза в мышлении, но вместе с тем опираются на сущность явления, наиболее полно выраженную в самой жизни, следовательно, это не только некий собирательный образ, абстракция не существующей в чистом виде реальности, но и ее отображение.

¹ См.: *Смоленский Н. И.* К вопросу о природе исторических понятий // Новая и новейшая история. — 1976. — № 4; *Смоленский Н. К.* Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. — 1979. — № 2.

¹ См.: *Weber M.* Gesammelte Ansätze zur Wissenschaftslehre. — Tübingen, 1951.

ГЛАВА 12. ПРОБЛЕМА СМЫСЛА И ЦЕЛИ ИСТОРИИ

Есть ли в истории смысл? Направлено ли развитие истории, к какой-то цели? Эти вопросы были в различной степени значимы для религиозного и светского, философско-исторического типов мышления. Религиозное мировоззрение включает в себя целостный, осмысленный образ истории. В христианском варианте эсхатологии явление богочеловека представляет собой фундаментальную основу осмысления истории. Эти представления в той или иной форме перешли впоследствии в религиозную философию истории Нового и Новейшего времени. По мнению Н.А.Бердяева (1874—1948), понятие смысла мира — «значит понятие провиденциальный план творения, оправдать Бога в существовании того зла, с которого началась история, найти место в мировоззрении для каждого страдающего и погибающего. История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему они истлели, почему страдали в жизни и чего заслужили для вечности, если весь хронологический ряд истории вытянется в одну линию и для всего найдется окончательное место»¹.

Осмысление истории в религиозном и светском его вариантах является не только мировоззренческой проблемой, но и проблемой смысла жизни, предназначения человека. Последнее является исходным, основополагающим по сравнению с постижением смысла истории. Человек — творец истории и ее продукт одновременно, постижение смысла мироздания является составной частью осмысления его предназначения. Вне связи с временем, обществом, историей не существует ни человека, ни проблемы смысла его бытия. Отсюда следует, что осмысление им истории уходит корнями в реальность его бытия. Это дает повод к выдвиганию таких трактовок проблемы смысла истории, в которых в качестве первоначала выступает не сама история, а мышление осмысливающего ее субъекта.

Согласно одной из них смысл истории отрицается вообще, история рассматривается как арена хаоса, беспорядка, скопления случайностей и т.д., одним словом, осмысление истории в этом случае предстает как придание смысла бессмысленному. Так, в

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М., 1989. — С. 127.

иге немецкого историка Т. Лессинга (1872—1933) «История как придание смысла бессмысленному» творцом смысла истории называется мышление исследователя: «В истории никаким образом не обнаруживается никакого скрытого смысла, никакой причинной взаимосвязи, никакого развития во времени... но история есть историография, т.е. создание этого смысла...»¹. Однако если хаос присутствует в предмете изучения, то он будет и в голове, хотя нередко бывает наоборот. Вне познания любая разновидность мышления, в том числе и историческое мышление, не обладает внутренней логикой, так как в этом случае пришлось бы признать врожденный характер рассматриваемого свойства мышления.

В соответствии с другой трактовкой проблемы смысл истории не отрицается, утверждается множественность смыслов. «Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое звено ее снова и снова обновляется, как бы рождается заново»². Действительно, незавершенность развития истории исключает любую возможность ее осмысления в окончательном варианте: каждая ступень исторического развития вносит нечто новое в содержание и смысл истории. Это, однако, не означает наличие множества смыслов.

В гносеологическом отношении проблема заключается в многообразии понимания смысла истории, что не говорит о равной научной состоятельности различных точек зрения и не освобождает историка от необходимости такого осмысления истории, которое бы было более адекватным ее реальному ходу и содержанию. В этом — одно из отличий в понимании индивидом смысла и цели как своей жизни, так и истории в целом. В первом случае все очень индивидуально, во втором различия следует понимать лишь как разницу научных подходов к проблеме. Понимание смысла истории зависит от позиции историка. «История, — писал английский историк Э. Г. Карр, — была полна смысла для британских историков до тех пор, пока она, казалось, идет в нужном нам направлении; теперь, когда дело приняло другой оборот, вера в смысл истории стала ересью»³.

Смысл истории нельзя усматривать в каких-то одних аспектах ее движения, скажем в том, что это движение поступательно - прогрессивно, или в том, что в нем действуют законы⁴ и т.д. Для

¹ Lessing Th. Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen. — 3 Auflage. — Munchen, 1921. - S. 6.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 350 — 351.

³ Карр Э. Н. What is History? - L., 1962. - P. 37.

⁴ См.: Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем.

осмысления истории ее нужно воспринимать как целое. Н.И. Конрад (1891 — 1970) считал, что история человечества «не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»¹. Еще более определенно, афористически кратко и точно выразил эту мысль К.Ясперс: «В попытке постигнуть единство истории, т.е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл»². Главной опорой мышления в постижении смысла истории действительно является всемирная история как целостность и единство. Проблема заключается в обосновании, осмыслении единства и целостности, как и в анализе целого ряда других сторон имманентной логики исторического процесса, одной из которых является понятие цели исторического развития.

Постижение смысла истории неполно и несостоятельно, если оно не опирается на связь времен — прошлого, настоящего и будущего. Смысл истории не может заключаться только в прошлом; прошлое — это сосуд небытия, вбирающий в себя реальность современности и виртуального будущего и постоянно меняющий свою форму и содержание. Поэтому осмысление истории включает в себя также представление о будущем, которое опирается на понимание прошлого и возможно только благодаря нему. Без развития нет истории, следовательно, логика общемирового процесса несовместима с понятием некой конечной ситуации (этапа, стадии), в каких бы категориях последняя не мыслилась. Стремление внести понятие окончательной ситуации мирового процесса противоречит всему предшествующему ему ходу: раньше было развитие, а с какого-то времени оно прекращается. Концом истории может быть вселенская катастрофа, к которой может привести мировая термоядерная война или падение метеорита, экологическая угроза.

Тем не менее идея конца истории как стадии общественного развития принадлежит американскому политологу Ф. Фукуяме, представившему либеральную экономическую модель США как некий образ финальной стадии исторического развития. Аргументация этого тезиса содержит одну оговорку: «**В конце истории** (выделено автором. — Н. С.) нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты

¹ Конрад Н.И. Осмысление истории. Запад и Восток. — М., 1972. — С. 454.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. — С. 264.

³ См.: Смоленский Н.И. Проблемы логики общесторического развития // Новая и новейшая история. — 2000. — № 1.

идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития»¹. Выражение «конец истории» в понимании автора означает то, что ничего более совершенного, чем структура либерального общества, в будущем уже не предвидится. Ф. Фукуяма также утверждает, что либеральная модель предназначена не для всех народов, а только для избранных. Выбор не за народом, не за историей, а за какой-то иной инстанцией, которая определяет, кому какая модель общественного развития полагается. Впрочем, историк признает и «более высокие формы общежития», но с оговоркой, что в современном мире и в будущем альтернативы либерализму нет.

Идеология, которая хочет себя увековечить, прибегает к уловке финализма; но ход истории свидетельствует о том, что стандарты вечного и окончательного к ней неприменимы. Конечной стадии истории как ее цели не существует, поэтому также не может быть и некоего окончательного, завершеного видения ее целостности и смысла; абсолютным является лишь изменение, развитие того и другого. К.Ясперс писал: «В наши дни **преодолевается** то отношение к истории, которое **видело в ней обозримое целое** (выделено автором. — Н. С.). Нет такого завершеного понимания истории, в которое вошли бы и мы. Мы находимся внутри не завершеной, а лишь возможной² постоянно распадающейся оболочки исторической целостности».

Таким образом, смысл истории заключается не в ее движении к некоторой цели, а в характере, направленности логики общемирового развития. Ее составляющими являются поступательно-прогрессивный характер, неразрывная связь единства, многообразия и неравномерности, действие совокупности факторов, движущих сил. Это реальные проявления смысла истории, которые характеризуют ее в целом. В то же время каждая эпоха имеет свой особый смысл. Современный этап исторического развития подготовлен прошлым, является его продолжением и вместе с тем отходом от него, его преодолением. Общая направленность развития современного мира заключается в тенденции к социализации.

Движение общества к гражданскому равенству, гражданской и политической свободе является важной составной частью общемирового развития, и каким бы несовершенным не было состояние гражданского общества сегодня, это движение в качестве тенденции реализовало себя. Достижение же другого, более оптимального социального статуса индивида хотя и не в состоянии отбросить эту тенденцию, но уже не может опираться только на нее: источник развития исчерпан. Такова, в частности, система сво-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 144.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. — С. 272.

бодного предпринимательства, реализующаяся через механизмы нерегулируемого рынка. Она во многом исчерпала свои возможности в качестве самонастраиваемого, саморегулируемого механизма, вследствие чего плановое начало, связанное с вмешательством государства в экономическую жизнь в целом, стало характерной чертой современности.

Тенденция к социализации проявляется сегодня в выходе за пределы правового статуса индивида (равенство в правах) и дополнении его социальным качеством и смыслом, что выражается в переходе от правового государства к социальному. В ее основе лежит признание того, что «человек в нужде не свободен» (Ф. Рузвельт). Эта тенденция наиболее ярко проявляется в Швеции, Германии, ряде других стран. Она сформулирована в программах правящих социалистических и социал-демократических партий Западной Европы. Так, в директивах конгресса социал-демократической партии Швеции сказано: «Как граждане мира, мы несем ответственность за сокращение разрыва между богатыми и бедными в Европе, а также между "богатыми" и "бедными" континентами. Европа не должна становиться миром для богатых, путь к глобальному миру и освобождению угнетенных начинается с нашего отношения к другим людям и к нашим ближним»¹.

Социал-демократия в Швеции, добиваясь построения общества, именуемого «шведским социализмом», декларирует «приоритет человеческих ценностей над "рыночными" ценностями. Программа и деятельность германской социал-демократии в качестве правящей партии основаны на концепции демократического социализма, утверждающего такие ценности, как свобода, справедливость и солидарность. Свобода означает право на самостоятельное развитие личности. Справедливость направлена на достижение равной свободы для всех. Справедливость ориентирована на равные жизненные шансы и является предпосылкой того, чтобы экономически слабые граждане тоже могли добиться свободы. Немецкие социал-демократы призывают к взаимной помощи и взаимной ответственности друг за друга»².

В 1999 г. Т. Блэр и Г. Шредер выступили с совместным документом под названием «Европа: третий путь — новая середина». В нем подтверждается приверженность лейбористов и социал-демократов ценностям социальной справедливости, свободы, равенства и солидарности, утверждается тезис о необходимости рыночной экономики, но не рыночного общества. В то же время вносится поправка в существующие представления о социальной справед-

¹ См.: Цит. по: Социал-демократия в Европе на пороге XXI в. / под ред. Т. Т. Паралина. — М., 1998. — С. 251.

² Социал-демократия перед лицом глобальных проблем / под ред. Б. С. Орлова. — 2000. — С. 82.

ливости как результате все более высокого уровня государственных расходов, подчеркивается необходимость повышения ответственности самого индивида за свое благополучие как результата не только воли и деятельности государства, но и реализации индивидуальных способностей и инициатив.

В том же году президиум французской социалистической партии подготовил документ получивший в прессе название «Документ Жоспена». В нем социалистические партии рассматриваются в качестве защитников всеобщего интереса, сохраняющих «критическое отношение к капитализму». В документе говорится о том, что хотя рыночное хозяйство способно производить богатства, несопоставимые с теми, которые производятся в других экономических системах, оно бывает несправедливым, а зачастую и иррациональным. Это проявляется в кризисах, безработице, оттеснении многих людей на обочину общества. Документ протестует против рыночного общества и утверждает общество человеческое: «Человеческое общество — это общество, в котором не все товары отождествляются с благами, ...которое поставило своей целью сокращение всякого неравенства»¹. Критическое отношение к капитализму провозгласил XXI конгресс Социинтерна (Париж, 1999).

Возникает вопрос: «Что такое демократический социализм — совокупность программных установок партий социалистической ориентации, главным образом стран западной Европы, или общество некапиталистического типа?» Вне всякого сомнения, если речь и идет о взглядах, выходящих за рамки современной капиталистической действительности (например, по отношению к прибыли), то это всего лишь отдельные положения программ; в целом же они согласуются с реалиями капиталистического общества. Именно поэтому смена правящих партий у власти в ФРГ (социал-демократы — христианские демократы) не влечет за собой сколько-нибудь заметных перемен в обществе. Это понятно: в ФРГ 3 % немцев владеют более 80 % производительного капитала.

И вместе с тем имеется в виду новая стадия развития капиталистического общества. Упомянутая тенденция к социализации проявляется в обществе в изменении роли государства в социальной сфере: государство берет на себя ряд функций по социальной защите граждан — пособия по безработице, пенсии и т.д. Материальный источник реализации этой функции — налог на прибыль. Важным показателем глубины социализации общества является также объем государственных расходов на социальные нужды. Обращает на себя внимание динамика этих расходов за последние сто лет (по 11 странам). В среднем: 1870 — 10,1 %, 1913 — 11,8 %, 1960 — 29,1 %, 1998 — 45 %. Она свидетельствует о логике движения истории и о важных показателях ее направленности. Это по-

казатели изменения капитализма как по начальным, так и по конечным датам рассмотренной динамики. В итоге мы имеем дело с той стадией развития общества капиталистического типа, которой практически еще не было во времена Маркса и которая поэтому требует иного осмысления и оценки, чем то, что мы находим у него. В основе эволюции капиталистического общества лежат прежде всего внутренние факторы, присущие этому обществу. Однако трансформация капиталистического общества связана и с влиянием реального социализма. По мнению главы римско-католической церкви Иоанна Павла II, коммунистическую идеологию нельзя огульно отрицать, не признавая за ней ядра истины, благодаря которому истинный марксизм мог стать притягательной реальностью для западного общества. Он считает, что капитализм изменился в основном благодаря социалистической мысли, которая породила такие социальные амортизаторы, как профсоюзы и контроль со стороны государства¹. Говоря о «ядре истины» в марксизме, нельзя обойти вниманием и само советское общество. Оно было реализованным примером влияния марксизма. Социалистическая идея продолжает оставаться одной из составляющих развития современного мира не только духовно, теоретически, но и как реальная тенденция к социализации.

Какая тенденция победит, станет ведущей и когда это произойдет — покажет время. Но в любом случае ответ на этот вопрос не будет облачен в форму окончательной стадии исторического развития.

Контрольные вопросы к разделу I

1. Каковы варианты понимания истории в целом, кем они представлены?
2. В чем заключается единство истории?
3. Какие новые свидетельства в пользу идеи единства мировой истории дает современный этап ее развития?
4. В чем суть многофакторного подхода к истории?
5. Каково соотношение факторов и реальной действительности в различных вариантах теоретического мышления?
6. Что такое историческая необходимость и каков механизм ее реализации?
7. Что такое законы истории, открытия и обобщения каких историков соответствуют уровню законов истории?
8. Каково соотношение необходимости и случайности в истории?
9. Каковы основные варианты представлений о динамике истории?
10. Что такое прогресс в истории, в чем его противоречивость?

¹ См.: Папа Римский. В марксизме есть ядро истины // Известия. — 1993. — 9 нояб.

11. Каковы критерии прогресса?
12. Есть ли прогресс в области нравственности?
13. Каков смысл понятий «истина», «объективность»?
14. Что представляет собой критерий истины в исторической науке?
15. Каковы основные варианты гносеологии исторического познания, какова степень обоснованности каждого из них?
16. Каковы требования принципа историзма к работе историка?
17. Какова структура языка историка?
18. Что такое научные исторические понятия и каково их происхождение?
19. В чем сильные и слабые стороны теории идеальных типов М. Вебера?
20. Есть ли в истории смысл?
21. Есть ли в истории цель?

РАЗДЕЛ III

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА 13. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологию исторического исследования следует отличать от методики. Это относится и к соотношению понятий «метод» и «методика». С XIX в. в исторической науке утвердилось представление о методике как совокупности приемов критического анализа и использования историком привлекаемых им источников. Иначе говоря, методика — это техника исторического исследования, то звено исторического мышления и конкретно-исторического анализа, посредством которого реализуется методология. Теория (методология) — методы — методика — такова структура и последовательность исторического мышления при реализации конкретных исследовательских задач.

Колыбелью методики исторического исследования была гуманистическая историография. В Италии эпохи Возрождения начал формироваться научный аппарат исследования, была впервые введена система сносок. В этом отношении большое значение имели работы историка Ф.Биондо (1388 — 1463), обосновавшего необходимость ссылок на используемый материал¹. В целом введение в историческое исследование научного аппарата было обусловлено двумя причинами. Это было, прежде всего, следствием рационализма гуманистов в подходе к оценке характера исторической науки как светской по предмету и по методу дисциплины. Отсюда вытекала необходимость критического отношения к происхождению и содержанию письменных источников. Особое значение имела в этой связи разработка приемов лингвистической критики текста источника. Другой предпосылкой разработки научного аппарата было открытие книгопечатания, которое в огромной степени способствовало деятельности по обнародованию и критическому анализу источников.

В эпоху Возрождения, как и в последующем развитии исторической науки, источниковедческая критика представляла собой составную часть исторического исследования. Она предполагала

¹ См.: *Вайнштейн О.Л.* Историография Средних веков. — М.; Л., 1940.

постановку вопросов о подлинности происхождения источника, о времени, месте его возникновения, о характере происхождения содержащихся в нем сведений, об авторе и т.д. Источниковедение как дисциплина ведет свое начало от эпохи гуманизма. Итальянский гуманист Л.Валла (1405—1457) подверг критическому анализу средневековый трактат «Константинов дар», в подлинности которого до этого никто не сомневался. Изучив содержание и язык текста этого документа, он пришел к неоспоримому выводу о подложности трактата, доказал, что никакого дарения не было. Результаты исследования Л. Валлы свидетельствуют о взлете методики исторического исследования.

Следующий важный этап развития методики исторического исследования приходится на начало XIX в., причем особое значение имела в этой связи научно-исследовательская деятельность представителей немецкой историографии — Б. Г. Нибура и Л. Ранке. Последний считался мастером источниковедческого анализа, хотя его подлинная заслуга в разработке методики критического анализа преувеличена. Внимание историка в основном концентрировалось на внешней критике источников в отличие от внутренней, подразумевающей анализ содержания источников. Особое значение Л. Ранке придавал выявлению того, является документ первоисточником или нет, что отражалось на возможности его использования.

При всей важности выявления степени достоверности содержащихся в источнике сведений методика исторического исследования не сводится только к этому. Более того, после решения этой задачи историк подходит едва ли не к главной проблеме — использованию источника по его содержанию. Вполне понятно, что характер такого использования зависит от самого источника, но вместе с тем не только от него: одни и те же источники применяются различными историками для доказательства различных представлений о прошлом. На использование источников влияют и другие факторы, для определения которых необходимо рассмотреть вопрос о соотношении методологии и методики исторического исследования.

Согласно одной из точек зрения, методология и методика не зависят друг от друга. «Методология и методика представляют собой вполне самостоятельные формы познания, характеризуются специфическими признаками. Методология не может быть сведена к совокупности приемов частнонаучного исследования, к набору правил и процедур исследования. Систему исследовательских технических приемов правильнее называть не методологией, а методикой...», задача методологии — «дать систему общих теоретических принципов решения научных вопросов»¹. Это — об-

¹ *Подкорыстов Г.А.* Историзм как метод научного познания. — Л., 1967. — С. 31.

шенационное представление о соотношении методологии и методики, обоснованность которого его автор стремится подтвердить данными из различных областей научного познания. Однако оно ошибочно, во всяком случае, по отношению к историческому исследованию. Практика исторического исследования свидетельствует о другом — о зависимости подходов и процедур использования источников от методологии.

Это можно показать на примере истолкования фрагментов из «Записок о галльской войне» Цезаря, «О местожительстве и происхождении германцев» Тацита и Салической правды. Упомянутые источники имеют важное значение для понимания характера эволюции аграрных отношений древних германцев в период раннего Средневековья, для решения проблемы собственности в земельных отношениях. «Записки о галльской войне» свидетельствуют о господстве общинной собственности: земля занималась лишь на один год, после чего под пашню отводились новые участки, что соответствовало, по-видимому, подсечно-огневой системе земледелия или также тому, что земледелие еще не стало основным занятием.

Во времена Тацита германцы были оседлыми, земледельческими племенами. В землепользовании наблюдаются значительные перемены. В работе Тацита говорится об отсутствии частной собственности на землю: земля занимается всеми вместе поочередно и вскоре они делят ее между собой «по достоинству». «Достоинство» — это, скорее всего, то новое, что существенно отличает общество времен Тацита от общества эпохи Цезаря: социальное расслоение при наличии общины и ее верховных прав на землю.

Салическая правда свидетельствует об аграрной эволюции и дальнейшем изменении порядка землепользования. В соответствии с этим документом верховным собственником пахотных земельных угодий у германцев был общинный коллектив. Это ясно и из ряда титулов правды. Так, согласно титулу 59 женщины не имеют права получать землю по наследству, чтобы надел не стал собственностью другой общины при экзогамном браке. Аллод в соответствии с этим не был частной собственностью. О его постепенном превращении в таковую свидетельствует эдикт Хильперика (вторая половина VI в.), по которому надел переходит по наследству ближайшим родственникам обоего пола, но не соседям (§ 3 эдикта).

В первом случае при отсутствии мужских наследников землю наследовали соседи, т.е. члены общины. О прочности общины говорит титул 45, запрещающий вселение в общину людей из другой местности, если хоть один из жителей деревни заявит протест. Наконец, об отсутствии частной собственности на землю свидетельствует отсутствие в Салической правде каких бы то ни было

данных о купле-продаже земли, о ее дарении, завещании. Что же касается социальной дифференции в обществе, то она стала еще более глубокой: появилось патриархальное рабство. Причем один свободный франк мог иметь несколько рабов, а другой — ни одного, т.е. появилась знать и т.д.

Данные этих источников по-разному истолковывались представителями марковой теории и ее критиками. Автор марковой теории Г.Л.Маурер и его сторонники считали, что родовая община, осевшая на землю, положила начало формированию аграрного строя у германских племен. Земля, находившаяся в распоряжении общины, предоставлялась ею во временное пользование общинникам и по истечении назначенного срока пользования вновь возвращалась в распоряжение общины для передела¹. Под влиянием римского права понятие «частная собственность на землю» стала у германцев реальностью. Переход земельных участков из рук в руки, концентрацию собственности в руках отдельных лиц Г.Л. Маурер объяснял ростом численности населения. Ни римское право, ни рост народонаселения, конечно, *не объясняют возникновение частной собственности на землю, как и возникновение крупной земельной собственности. Тем более ошибочным является вывод Г.Л.Маурера об исконности господского двора и вотчины у древних германцев. Однако по основным позициям — господству общинного строя и отсутствию частной собственности на землю у германцев — выводы этого историка вполне соответствуют данным источников. Это соответствие стало возможным благодаря убеждению Г.Л.Маурера в том, что частная собственность на землю не является исконной, а складывается с развитием аграрных отношений. Это убеждение имеет важное методологическое значение. Достоинством истины в данном случае обладает и сам этот тезис, и характер методики истолкования источников Г.Л. Маурером.

Иной точки зрения при изучении той же самой проблемы придерживались немецкие историки — критики Г.Л.Маурера. Согласно Р.Гильдебранду (1812—1878), главным методологическим принципом использования упомянутых источников является исконный характер частной собственности² на землю в истории в целом, а не только в конкретном случае³. Этот тезис выведен Гильдебрандом не из изучения рассматриваемой проблемы, а предшествует ему. В такой ситуации нет ничего необычного: историк при исследовании всегда опирается на какую-то методологическую основу. Важно, насколько она помогает ему в адекватном пони-

¹ См.: *Маурер Г.Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти / пер. В. Корша. — М., 1990.

² См.: *Hildebrand R.* Recht und Eitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. — I Teil, Jend, 1896.

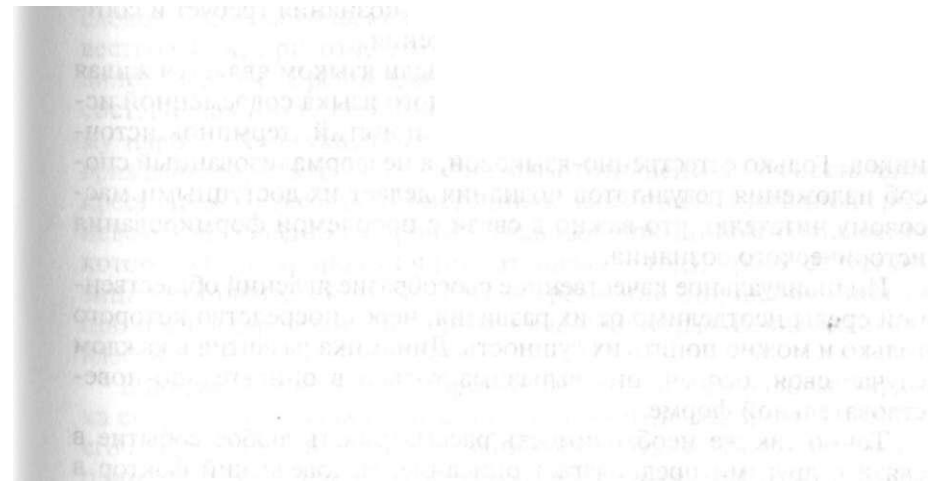
мании изучаемого явления и насколько теоретически доказана. На какую методику использования источников опирался Р. Гильдебранд для доказательства упомянутого тезиса? Что касается данных Цезаря, то они вообще выводятся за рамки проблемы земельной собственности на том основании, что у германцев того времени не было ни общинной, ни частной собственности, земля была ничьей. Так как система земледелия не была развита, семьи объединялись с целью раскорчевки почвы и обработки целины, но это были не трудовые коллективы, а всего лишь временное объединение нескольких родственных семей. Таким образом, ни собственности, ни общины не было. Довольно, надо сказать, изворотливый прием мышления.

Примерно так же на свой манер Р. Гильдебранд истолковывает и Тацита, с той лишь разницей, что в данном источнике он находит свидетельства социального расслоения общества древних германцев на свободных и зависимых людей. Раскорчевка занятой земли производилась совместными усилиями зависимой рабочей силы, но это не приводило, по мнению Р. Гильдебранда, ни к появлению права собственности на землю, ни к возникновению реального трудового коллектива общинников. Историк связывает проблему землепользования с введением в оборот новых земель. Но дело в том, что Тацит свидетельствует о регулярных переделах уже введенной в оборот земли, а не только впервые вводимой, хотя было и то и другое. Утверждения историков о переделах земли, наличии системы открытых полей и принудительного севооборота, согласно Р. Гильдебранду, являются несостоятельными. Однако в реальности воззрения самого Р. Гильдебранда несостоятельны в большей степени.

Наконец, при истолковании данных Салической правды доказательство наличия частной собственности на землю сводится к тому, что у салических франков появляется собственность на землю, причем, по мнению Р. Гильдебранда, это была изначально частная, вотчинная собственность, права же крестьянской собственности не существовало. Термин *villa* Р. Гильдебранд истолковывает как синоним двора отдельного вотчинника, хотя для такого вывода нет оснований: виллой мог быть один двор, небольшое поселение, большая деревня, но в любом случае не вотчина. В основе процедуры наследования земли, изложенной в титуле 59, по мнению Р. Гильдебранда, лежит собственность и совладение наследников. Запашка нови производилась всеми собственниками или с согласия каждого из них, причем после каждой такой распашки происходил передел всей пашни, чтобы избежать чересполосицы. Согласно Р. Гильдебранду, эдикт Хильперика устраняет право соседей на наследие именно в этом смысле. На самом же деле с возникновением аллода как держания, чем он был в эпоху Салической правды, закладывалась основа его превращения в ча-

стную собственность, что произошло позже. Упомянутый эдикт является одним из этапов такого превращения, оставляя право наследования за родственниками обоего пола. Это значит, что по Салической правде земля передавалась соседям на правах держания и на основании их принадлежности к общине, наличие какой Р. Гильдебранд отрицал. Он считал, что данный источник не доказывает ее существование¹.

Таким образом, мы имеем два варианта методики исторического исследования проблемы возникновения аграрных отношений и порядка землепользования у древних германцев. В обоих случаях характер и различие этих вариантов определяются исходной методологической позицией — отрицанием извечности частной собственности на землю или, напротив, признанием таковой. И в том и в другом случае данная позиция не могла быть сформирована только в результате изучения аграрных отношений древних германцев и имеет общеисторический характер. Она наглядно свидетельствует о том, как различные методологические принципы определяют методику исторического исследования и реализуются в качестве основы формирования тех или иных представлений о прошлом. Варианты этих представлений не имеют в равной степени значения истины, что также показано на приведенном примере взаимосвязи методологии и методики исторического исследования.

См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории.

ГЛАВА 14. ОПИСАТЕЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Понятие «идеографический метод», введенное представителем немецкой неокантианской философии истории, предполагает не только необходимость описания изучаемых явлений, но и сводит к нему функции исторического познания в целом. На самом деле описание хотя и является важной ступенью этого познания, не представляет собой универсальный метод. Это всего лишь одна из процедур мышления историка. Каковы же роль, границы применения и познавательные возможности описательно-повествовательного метода?

Описательный метод связан с природой общественных явлений, их особенностями, их качественным своеобразием. Этими свойствами нельзя пренебречь, с ними не может не считаться ни один метод познания.

Отсюда следует, что познание в любом случае начинается с описания, характеристики явления, причем структура описания определяется в конечном счете характером изучаемого явления. Вполне очевидно, что столь конкретный, индивидуально-своеобразный характер объекта исторического познания требует и соответствующих языковых средств выражения.

Единственно пригодным для этой цели языком является живая разговорная речь в составе литературного языка современной историки эпохи, научных исторических понятий, терминов источников. Только естественно-языковой, а не формализованный способ изложения результатов познания делает их доступными массовому читателю, что важно в связи с проблемой формирования исторического сознания.

Индивидуальное качественное своеобразие явлений общественной среды неотделимо от их развития, через посредство которого только и можно понять их сущность. Динамика развития в каждом случае своя, особая, она выражима только в описательно-повествовательной форме.

Точно так же необходимость рассматривать любое событие в связи с другими предполагает описание. Человеческий фактор в истории — личность, коллектив, массы — нуждается в характеристике.

Образ субъекта исторического действия — индивидуальный или коллективный, положительный или отрицательный и т.д. — может быть только описательным.

Таким образом, описание — необходимое звено в картине исторической действительности, начальная ступень исторического исследования любого события или процесса, важное условие и предпосылка понимания сущности явлений. Однако само по себе оно не дает такого понимания.

Сущностно-содержательный анализ предполагает обнаружение и объяснение того, что скрыто от поверхностного наблюдения и по своей природе уже не является только индивидуальным, неповторимым. Следовательно, мышление, чтобы вскрыть суть, должно перейти на иной уровень, более высокий, чем ступень описания, но не отбросить его, а оперировать им как материалом для выводов обобщающего характера. Индивидуальное в явлениях — это то, чем мышление не может пренебречь при постижении и самой глубокой их сути.

Сущностно-содержательный анализ невозможен без методологии, она лежит также в основе описания хода событий. В этом смысле описание и анализ сущности явлений — независимые, но взаимосвязанные, взаимообусловленные ступени познания. Описание — это не беспорядочное перечисление сведений об изображаемом, а связанное изложение, имеющее свою логику и смысл. Логика изображения может в той или иной мере выражать подлинную суть изображаемого, однако в любом случае картина хода событий зависит от тех методологических представлений и принципов, которыми пользуется автор. Описательный вид повествования — хроника — не свободен от них, хотя в данном случае слово «методологических» мало подходит ввиду уровня этого повествования, при том, что та или иная позиция автора, как правило, имеется. Средневековый монах Ж. де Венет (1307 — 1371) составил хронику, пронизанную чувством сострадания к простому народу. Хроники, повествующие о Жакерии, пронизаны как враждебным, так и более терпимым отношением к восставшим крестьянам. Даже в таком источнике, как анналы (летописи средневековой Западной Европы), главным принципом составления которого была хронология (от лат. *annus* — год), присутствует позиция составителей. Так, одна из редакций Лоршских анналов пронизана стремлением к возвеличению Карла Великого и его власти.

В подлинно научном историческом исследовании формулировка его цели основана на позиции, в том числе методологической, его автора, хотя само исследование осуществляется по-разному: в одних случаях в нем ярко выражена тенденция, в других — стремление к всестороннему анализу и оценке изображаемого. Однако в общей картине событий удельный вес того, что является описанием, всегда преобладает над обобщением, выводами относительно сути предмета описания. В ходе изучения проблемы возникновения парламента в Англии, Генеральных штатов во Фран-

ции Е.В.Гутновой (1914—1993) и Н.А.Хачатурян было обосновано представление о сословной монархии как форме средневекового феодального государства, выявлены предпосылки централизации власти и показаны последствия образования этого типа в каждом случае¹. С этой целью ученые проанализировали политику королевской власти по отношению к сословиям, их социальный облик, степень социальной напряженности в обществе, функции создающегося органа социального представительства и т. д. Все это сделано в повествовательно-описательной форме аналитического характера. Результаты, полученные таким способом, не идут ни в какое сравнение с результатом сущностно-содержательного анализа.

В этой связи возникает вопрос: «Описание — это всего лишь начальная ступень исторического исследования и после того, как установлена суть излагаемого оно становится излишним, или абстрактно-обобщенное представление об этой сути не уничтожает необходимости описания и на завершающей фазе исследования?» Если выявление сути явления в любом случае не обходится без описания, то и после этого описание не теряет своего значения. В противном случае повествование о прошлом давало бы не реальную его картину, а являлось бы его схематизацией, набором обобщающих положений, выводов. Обобщение без описания — схематизация, описание без обобщения — фактография, одно тесно связано с другим².

В этом одна из особенностей соотношения в исторической науке, по сравнению с естествознанием, факта и обобщения, анализа и синтеза. Объясняется это качественной определенностью явлений общественной среды по сравнению с миром природы. Скажем, исследователь делает вывод: «...история образования сословного представительства во Франции обнаруживает и подчеркивает общую закономерность появления и формирования новой формы государства в западной Европе, так называемой сословной монархии»³. Речь в данном случае идет о широком обобщении, на уровне закономерности применительно к странам Западной Европы. Такой вывод можно сделать только при опоре на результаты изучения возникновения сословно-представительной системы в других странах Европы. Методом такого изучения может быть только один — описательно-повествовательный.

Приведенный вывод общего теоретического значения не только не делает излишней реальную картину возникновения сослов-

ной монархии в каждом конкретном случае, но и сохраняет свое значение лишь в связи с этой картиной: новому этапу средневекового феодального государства присущи страноведческие особенности, пренебречь которыми невозможно без искажения прошлого. Общее здесь, как и в любом другом случае, выступает в конкретно-своеобразной форме. Позитивизм в историографии возводил в культ точное фактическое знание. Однако без обобщения нет науки, ведь форма явления, т.е. его конкретно-историческое своеобразие, скрывает его суть, следовательно мышление не может постичь ее, не уйдя от описания.

¹ См.: Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. — М., 1960; Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. — М., 1976.

² См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.

³ Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. — С. 159.

Одним из наиболее старых подходов к изучению истории является биографический метод. Некоторые его черты были обозначены уже в античной историографии. Так, Плутарх (ок. 45 — ок. 127) в своем труде «Сравнительные жизнеописания» не просто представил биографии великих людей, но и попытался посмотреть на их действия как на историю. Конечно, античные историки не пришли к убеждению в том, что история является продуктом деятельности людей. До момента формирования этого тезиса еще целые столетия, так как в историческом мышлении больше тысячелетия господствовала идея провиденциализма. Даже Г. В. Ф. Гегель рассматривал людей с их страстями, волей, поступками как марионеток духа. Субстанциальна, по его мнению, была лишь деятельность великой исторической личности¹. Тем не менее биографический подход к истории упрочивается даже во время господства провиденциализма. Он все более приобретал рационалистический смысл, например, уже в философии истории просветителей. В частности, в философско-исторической концепции Вольтера великая историческая личность — просвещенный монарх — является подлинной движущей силой истории в противовес народу, который, по мнению мыслителя, не более, чем игрушка в руках законодателей.

С развитием историографии биографический метод приобретал все большую роль в историописании. Особенно он характерен для различных направлений так называемой политической историографии, где сам предмет — политическая история — в известной мере способствовал выдвиганию на первый план роли личности политика как реального носителя высшей государственной власти. Расцвет политической историографии в XIX в. стимулировал, таким образом, развитие биографического метода. Для других же направлений и школ историографии был характерен отход от биографического метода. Прежде всего это относится к тем направлениям историографии, которые так или иначе порывали с традициями политической истории. Так, в трудах немецкого историка Ф. К. Шлоссера (1776—1861)² мы находим описание массового социального протеста², что невозможно было сделать с

помощью биографического метода в его традиционном понимании — как способа сведения истории к деятельности отдельных выдающихся личностей.

Крайним выражением биографического метода явился вариант его трактовки, связанный с теорией «героев и толпы» английского историка Т. Карлейля. Свое понимание роли великих личностей в истории этот историк изложил в лекции «Герои, почитание героев и героического в истории», прочитанной в 1841 г. В изданной позднее книге он рассматривал историю как биографии великих личностей, а народ — как слепое и безгласное орудие их действий. Так, революция, по мнению Т. Карлейля, связана с деятельностью личностей. Во Французской революции XVIII в. роль героя играл О. Г. Р. Мирабо. Историк утверждал: «Это он сдвинул старую Францию с ее основания и он же, единственно своей рукой, удерживал от окончательного падения готовое рухнуть здание»¹. Т. Карлейль предложил классификацию героического начала в истории по степеням его значимости: сначала герой-божество — герой-пророк (Магомет) — герой-поэт (Данте) — герой-пастырь (М. Лютер) — герой-писатель (Ж. Ж. Руссо). Заключительная, высшая фаза проявления героического начала в истории — герой-вождь (О. Кромвель, Наполеон)². Такое деление, конечно, условно. Т. Карлейль стал самым известным приверженцем биографического метода в исторической науке, однако историк преклонялся перед великой личностью и не дал ответов на вопросы: «Почему появляются великие личности в истории?», «Какова их роль в истории?»

Развитие исторического познания в XX в. внесло некоторое разнообразие в применение биографического метода и попытки теоретического обоснования необходимости сужения рамок этого применения. К числу наиболее заметных разновидностей биографического метода относится метод коллективных биографий английского историка Л. Нэмира (1888—1960), использованный им в ходе изучения деятельности английского парламента и получивший впоследствии распространение в ряде национальных историографий Запада и в США. Л. Нэмир обращался к среднему, рядовому человеку, правда, не к человеку с улицы, а к депутату английского парламента. В этом новизна его подхода. В 1928 г. историк начал писать историю английского парламента, которую он представил в виде биографии депутатов. Л. Нэмир рассматривал каждого из них как представителя определенного социального института и выявлял даты жизни, социальное происхождение и положение, образование, личные и деловые связи, поведение в

¹ См.: Гегель Г. Лекции по философии истории.

² См.: Косминский Е. А. Историография Средних веков.

¹ Карлейль Т. Французская революция. История. — СПб., 1907. — С. 220.

² См.: Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. — Л., 1975.

различных ситуациях и т.д. Теоретический замысел метода коллективных биографий связан с уверенностью в том, что к пониманию причин действий и объяснению их характера можно пробиться лишь сквозь толщу биографических деталей, открывая таким образом не мнимые, а подлинные интересы человека. Единственный путь к этому — изучение всех подробностей его жизни. В соответствии с этим деятельность парламента выглядит всего лишь как борьба его членов за власть, карьеру, личное благополучие¹. Не отрицая, что личное имеет место в мотивах поведения Парламентариев, следует признать: за этим стояли социальные, политические и иные интересы партий, группировок, социальных слоев общества и государства в целом, более того — личное во многом определялось окружающей средой, временем. Иначе нельзя было бы понять и объяснить разницу деятельности парламента в разное время.

Сужение сферы применения биографического метода в историографии второй половины XX в. связано, во-первых, с утратой политической историей своей прежней традиционной роли и, во-вторых, с появлением новых ветвей исторического исследования в исторической науке ряда стран Запада — социальной истории, структурной истории, количественного анализа действительности и т.д. В этих случаях сужение рамок применения данного метода объясняется характером предмета исследования. Впрочем, некоторые детали обращают на себя внимание и в другом плане. В частности, дискуссия в западно-германской историографии 60—70-х гг. XX в. о соотношении структур и личностей в истории привела отдельных авторов к выводу об определяющем значении личностей².

Тем не менее биографический метод не является тем познавательным средством, от которого историческая наука при известных условиях может отказаться — как от самостоятельного жанра биографий отдельных личностей, так и как от более общего приема изображения действительности в связи с характеристикой человеческого фактора — индивидуального или группового. В любом случае применение этого метода связано с решением важной методологической проблемы о роли личности и масс в истории.

Творец истории — личность, творец истории — массы. Таковы тезисы, которые в качестве противоположностей не несут в себе истины, так как истина заключается в сочетании того и другого. Материальные основы человеческого бытия создаются трудом

¹ См.: *Ерофеев Н.А.* Нэмир и его место в буржуазной историографии // Вопросы истории. — 1973. — № 4.

² См.: *Schieder Th.* Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte // Historische Zeitschrift. - Bd. 195. - 1962; *Pitz E.* Geschichtliche Strukturen // Historische Zeitschrift. - Bd. 198. - 1964.

миллионов, тогда как духовная деятельность, творчество (искусство, наука и т.д.) носят индивидуальный характер. В последнем случае деятельность одного может значить гораздо больше, чем деятельность многих. Проблема заключается вовсе не в том, чтобы определить, усилиями какого человеческого фактора совершается тот или иной вид деятельности: отдельными личностями, гениями или массами; коллективное начало представлено во всех областях этой деятельности, какого-либо ее вида как сферы одиночек не существует. Однако это не объясняет ни причин появления великих личностей, ни их необходимости. При этом под великими личностями традиционно подразумеваются не мужи науки, представители искусства и т.д., а деятели общественно-политического характера, хотя и в первом случае постановка вопроса о причинах их появления не лишена смысла. С понятием «великая историческая личность» связываются перемены общественного характера и масштаба. Об одном из условий появления великих исторических личностей Н.А.Добролюбов (1836—1862) писал: «Без сомнения, великие исторические преобразователи имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения»¹.

Таким образом, возникает вопрос: «Появление великой личности является случайностью или зависит от эпохи, от окружающих ее условий?» Бесспорно, только с учетом характера исторических условий можно понять действия исторической личности, следовательно, и причины ее возникновения. Появлению она обязана не самой себе, точнее, не только самой себе, не только своему таланту, воле, устремленности к результату и т.д., но и среде. Можно лишь предположить, сколько выдающихся по своим личностным качествам людей остались безвестными или не реализовавшими себя вследствие того, что им помешала эпоха, в которой они жили, что их время не пришло и т.д. Одним из таких людей был известный российский государственный деятель М.М.Сперанский (1772—1839), проекты реформ которого значительно опережали свое время. Парадоксально: чтобы появились великие полководцы, нужна война. Чтобы появилась великая личность, необходимы условия, а более конкретно — ситуация назревания общественных перемен. Эти перемены выдвигают личность, на их фоне личность становится великой, оказывающей масштабное влияние на ход событий тем, что реализует стремление к переменам осознавших их необходимость миллионов.

¹ *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: в 9 т. - М., 1962. - Т. 3. - С. 15.

ГЛАВА 16. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Однако и эта логика объяснения не дает возможности ответить на вопрос: «Почему героем становится именно этот человек, а не другой?» По этому поводу Ф.Энгельс писал: «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т.д.»¹. Следует уточнить: если бы вместо Наполеона был другой, то его роль он сыграл бы отчасти по-другому, но как — мы никогда не узнаем.

Таким образом, появление великой личности на арене истории — результат сочетания необходимости и случайности. В.И.Вернадский (1863—1945) писал о том, что все решает человеческая личность, а не коллектив, элита страны, а не ее демос, и в значительной мере ее возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей. Противопоставление личности массам в действительности лишено оснований по той простой причине, что личность не появляется на пустом месте. Она всегда выдвигается историческими условиями, которые и в том случае, если они создаются действиями властвующего меньшинства, элиты, выходят за рамки породивших их причин, затрагивают интересы масс и являются питательной почвой для появления великих личностей. Исторические личности — порождение коллективного начала, без которых оно не обходится, как без средства реализации своих устремлений. Личность — концентрированное выражение этих устремлений, а не гегелевского мирового духа. В этом смысле никаких неизвестных законов появления великих личностей не существует. Мирабо и Дантон, Кромвель и Наполеон могут быть поняты лишь при учете протеста миллионов людей против средневековых порядков, а Бисмарк — как выражение назревшей потребности в объединении Германии и т.д.

Такова методологическая основа применения биографического метода при изображении роли великих личностей в истории.

Сравнительно-исторический метод является одним из самых широко применяемых средств познания историка. Прием сравнения известен в науке с эпохи Античности, когда он стал использоваться в связи с концепциями циклического развития истории. В этих концепциях сравнение выступало как одно из средств создания представлений о замкнутых и повторяющихся циклах и было, по существу, лишено критерия историчности явлений: сравниваться могли практически какие угодно события. На начальном этапе развития сравнительно-исторического метода, таким образом, отсутствовали представления о качественной определенности общественных явлений.

Разновидностью концепций циклического развития истории в Новое время была концепция круговорота Дж.Вико, основанная на широком применении приема сравнения отдельных событий и целых эпох. Возврат к прошлому в ходе смены циклов развития свидетельствует о недостаточном понимании им качественной определенности событий. Он видит их разницу, но ищет сходное в различном в ущерб индивидуальному. Связь закономерности и повторяемости в развитии истории является продуктивным научным представлением Дж.Вико, однако сочетание этого представления с идеей круговорота лишает его рационально обоснованного критерия сопоставимости явлений.

Просветительская же историография отличалась в этой связи тем, что располагала таким критерием. Им являлось убеждение в единстве всемирной истории как продукта единой и неизменной человеческой природы, разумной и доброй. Просветители использовали сравнительно-исторический метод очень широко, сравнивали то, что сравнивать в принципе нельзя. Даже признание просветителями необратимости исторического развития не приблизило их по сравнению с предшественниками к пониманию качественного своеобразия явлений общественной среды. Критерий сравнения — единая и неизменная человеческая природа — несостоятелен. Он препятствовал познанию своеобразного, ориентируя мышление на выявление сходного, однако мало способствовал решению и этой задачи по той причине, что он вневременен, вне истории: человеческая природа окончательна и неизменна. Опираясь на такой критерий, трудно, а по существу — невозможно, понять своеобразное и повторяющееся в развитии истории, в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 39. — С. 175—176.

постоянно меняющемся мире явлений. Поэтому применение сравнительно-исторического метода в эпоху Просвещения сводилось к поверхностному сравнению, аналогии.

Однако, несмотря на ошибки, просветители дали ответ на принципиально важный вопрос: «Каков критерий сравнимости изучаемых явлений, что можно и чего нельзя сравнивать?» Ответ на этот вопрос метод дать не может, так как это относится к области теоретических представлений об истории. Следовательно, применение сравнительно-исторического метода будет соответствовать его методологической основе, т.е. представлениям об общем и своеобразном и их соотношении в событиях.

В ходе развития исторического познания обнажились и другие проблемы сравнительно-исторического метода, прежде всего проблемы познавательных возможностей и рамок его применения. По мнению Т. Моммзена, сравнительное изучение применимо к области однородных структур и повторяющихся типов, хотя историк рассматривал такое изучение лишь в качестве эвристического средства, не претендующего на постижение глубоких причинно-следственных, закономерных связей явлений. В этом смысле он понимал и типологию явлений. Также встал вопрос о значении сравнительно-исторического метода: служит ли он выявлению общего или единичного в событиях? Согласно Д. Герхарду, сравнительный анализ выделяет единичное. Такой же примерно позиции придерживался и английский историк Д. Элтон, отстаивавший эмпиризм, описательность и скептически относившийся к обобщениям, к теории в процессе изучения истории. Напротив, А. Тойнби обосновывая концепцию цивилизаций, опирался на их сходство, стремился открыть как можно больше законов, применимых к любому обществу, и уподоблял при этом совершенно разные явления. Восстание в Иране конца XIX в. он приравнивал к восстанию Маккавеев в Древней Иудее во II в. до н.э. Петр I согласно такому применению приема сравнения — двойник Эхнатона; Колумб — подобие неизвестного изобретателя колеса; эпоха О. Бисмарка — повторение эпохи Спарты времен царя Клеомена¹.

Сравнительно-исторический метод — один из наиболее часто применяемых приемов познания в работе историка; без него не обходится ни одно научное исследование. Возможность и необходимость применения этого метода обусловлены характером объекта познания — исторической действительности как единства общего, повторяющегося и индивидуального, неповторимого в любых явлениях и процессах. Отрыв одного от другого в представлениях о природе явлений общественной среды приводил историков, что

¹ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жарикова. — М., 1996.

имело место в развитии познания и встречается сегодня, к отказу от сравнительно-исторического метода и замене его индивидуализирующим либо к такому его применению, которое лишало представления о событиях необходимо присущей им качественной определенности, вытекающей из их связи с условиями места и времени. Только признание неразрывной связи сходного, повторяющегося и индивидуального в исторических событиях практически любого масштаба является условием рационального применения сравнительно-исторического метода: прием сравнения показывает не только сходное, но и неповторимое в реальности.

В этой связи возникает вопрос: «Сравнивать можно любые явления или те, которые мышление историка относит к разряду однопорядковых, сходных?» Конечно, можно сравнивать все со всем: цех и мануфактуру как формы организации средневекового ремесла, восстание Спартака и Жакерию, но эти сравнения событий покажут лишь их различия, ничего не давая для понимания характера, сути сравниваемых событий. Суть событий может быть постигнута в обход такого сравнения, следовательно, возникает вопрос о его продуктивности и целесообразности.

Условием продуктивного применения сравнительно-исторического метода является анализ однопорядковых событий и процессов. Вполне понятно, что такой анализ не может быть реализован с помощью применения данного метода как такового. До тех пор пока не будет дана характеристика сравниваемых событий путем подробного, по возможности исчерпывающего выявления их признаков, черт и т.д., сравнительно-исторический метод не даст результата или результат будет ложным. Причем следует подчеркнуть: степень изученности сравниваемого должна быть в каждом случае примерно одинаковой, так как недостаточная изученность какого-либо из сравниваемых событий может быть принята за недостаточную их развитость, что неизбежно приведет к ошибочным выводам. Следовательно, продуктивному использованию данного метода предшествует подробное описание изучаемого как результат применения описательно-повествовательного метода. Описание выступает в качестве основы сравнения.

Сравнение изучаемых явлений различается по степени проникновения в их суть. Начальной ступенью сравнительного анализа является *аналогия*. Суждения по аналогии, касаются ли они простых событий, действующих лиц или сложных явлений и процессов, не содержат в себе расшифровки их сущности и используются обычно в качестве иллюстрации или доказательства чего-либо. Аналогия предполагает не анализ, а непосредственное перенесение представлений с объекта на объект. Такое перенесение может быть как содержательным, основанным на действительном сходстве или различии сравниваемых явлений, так и поверхностным,

формальным, не совместимым с подлинным их смыслом. Например: О.Бисмарк и Дж.Гарибальди сыграли выдающуюся роль в объединении своих стран; объединение было обусловлено примерно одинаковыми причинами и факторами. К аналогиям другого рода относятся приведенные параллели А. Тойнби.

Следующая ступень сравнительного анализа — *выявление сущностно-содержательной характеристики изучаемого*. В этом случае речь идет о сопоставлении однопорядковых явлений в качестве результата закономерной повторяемости как по «вертикали», так и по «горизонтали». Понятно, что, прежде чем приступить к сравнительному анализу, необходимо решить вопрос о реальной однопорядковости изучаемого. Помочь этому может только методология. Однако она может и помешать, если вариант методологии, в данном случае — теории исторического процесса, сам не является адекватным отображением логики исторического развития. Товарное производство эпохи Античности рассматривалось в качестве рыночной экономики капиталистического типа и как структура экономических отношений эпохи Античности, в целом присущая только ей. Применение сравнительно-исторического метода в обоих случаях дает совершенно различные результаты.

Сравнительный анализ однопорядковых явлений — необходимое условие понимания их сущности. Будучи своеобразными, что зависит от конкретно-исторических условий, эти явления в разной мере выражают и суть того, что относит их к типу однопорядковых. Следовательно, эта суть может быть выявлена только путем сопоставления, причем если в реальности ее признаки выражены неравномерно и неодинаково во всех вариантах, то и в познании ее понимание не может сводиться к простой арифметической сумме этих признаков: тогда реальность — отдельно, а ее понимание, мыслительный образ — также отдельно. Однако в действительно научном познании не может быть ничего, чего нет в реальности, объекте, в противном случае оно — вымысел. Только сравнительное изучение показывает степень развития явления, т. е. его зрелости в том или ином случае; мышление определяет эту степень, но находит все-таки ее в ряду однопорядковых событий и процессов. В XVI в. в ряде стран Западной Европы произошла Реформация. Она была вызвана рядом сходных причин, в основе ее лежал переход общества от средневековых порядков во всех сферах жизни к новым, капиталистическим. В этом — «земные» корни Реформации, хотя ее ход в разных странах имел свои особенности, в том числе и по содержанию выдвигавшихся идей. Наиболее отчетливо «земное» содержание Реформации проявилось в кальвинистском догмате о божественном предопределении. В кальвинизме наиболее полно выражена основная суть Реформации, которая с известными особенностями и отличиями представлена в других ее течениях. Образование научных исторических понятий опирается,

таким образом, на сравнительное изучение повторяемости в истории и не может обойтись без этого.

Следующей ступенью сравнительно-исторического анализа является *прием типологии*. Типология идет дальше содержательно-сущностного анализа путем сравнения в том смысле, что выделяются типы однопорядковых явлений. Это не относится к числу чисто мыслительных операций, изолирующих от конкретных видов повторяемости. Активность мышления проявляется в данном случае лишь в выборе и определении признаков классификации типов. Центральным здесь является вопрос о методологических признаках выделения типов. Так, историки выделяют «прусский путь» развития капиталистических отношений, характеризующийся наличием дворянского землевладения и общины (Россия, Германия и т.д.), и «американский путь», отличающийся их отсутствием. Эта типология имеет реальный научный смысл, так как опирается на локальные особенности развития данного процесса.

Типологический метод в российской историографии был применен к изучению проблемы возникновения и развития феодализма в Западной Европе. «Типологический метод, — писала А. Д. Люблинская, — предполагает доведение в историческом познании сравнительного метода до его полного и наиболее результативного выражения. Сравнению — а вслед за ним и новому исследованию — должны подвергаться не отдельные, хотя бы и важные явления и процессы, но целостные комплексы важнейших структурных компонентов. Тогда сравнение типологических объектов даст возможность вскрыть глубокие сходства и отличия и установить их постоянную или временную роль в развитии стран и континентов»¹. В основу типологии феодализма была положена оценка роли германского и романского начал в процессе феодализации в связи с географическими рамками.

В результате были выделены:

вариант с преобладанием романского начала (наследие Древнего Рима — Апеннинский полуостров, Пиренейский полуостров);

вариант с преобладанием германского начала (Англия, Скандинавия);

вариант уравновешенного синтеза обоих начал (Франкское государство).

Данная типология опирается на различный удельный вес — в зависимости от территории — элементов римского рабовладельческого общества и первобытно-общинного строя германских пле-

¹ Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. — М., 1967. — Вып. 31. — С. 9.

мен и народов, населявших Британию и Скандинавию. Соотношение этих начал объясняет многое в процессе феодализации (его характер и особенности, темпы развития и т.д.), что делает подобную типологию научно продуктивной.

Типология была применена также в качестве метода изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства в России в эпоху капитализма¹.

Таким образом, использование сравнительно-исторического метода предполагает: выявление совокупности однопорядковых явлений; одинаковую степень их изученности; выявление различия и сходства между ними для достижения обобщающих представлений².

Историческое познание является ретроспективным (от лат. *retro* — назад и *specio* — смотрю) в том смысле, что оно обращено к тому, как развивались события в реальности — от причины к следствию. Историк же идет от следствия к причине, это правило познания действует в любом случае без исключения. В снятом виде последующее содержит в себе предыдущее, точнее, некоторые элементы ушедшей в небытие структуры, причем в двоякой форме: либо в виде пережитков, остатков прошлого, либо в качестве составной части другого, более развитого этапа (ступени) одной и той же линии развития реальности.

Патриархальное рабство — пережиток рабовладельческих отношений эпохи Античности. Оно не является элементом возникновения нового в жизни древних германцев и славян в Средние века. Напротив, развитие семейно-брачных отношений от рода через выделение большой семьи и образование малой индивидуальной семьи представляет собой иной тип эволюции в соотношении прошлого и настоящего. То же самое можно сказать о развитии капиталистических отношений от простой кооперации через мануфактуру к фабрике, о развитии капитализма от ступени свободной конкуренции к монополистической стадии и к господству транснациональных корпораций.

Суть ретроспективного метода заключается в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей. Делается это не только по причине возможной нехватки фактических данных, источников, хотя и это само по себе важно. Дело в том, что для понимания сути изучаемого события или процесса мышления необходимо проследить его развитие из конца в конец, однако и этого недостаточно. Каждый предыдущий этап можно понять не только благодаря его связи с другими этапами, но и в свете последующей и более высокой стадии развития в целом, в которой наиболее полно выражена суть всего процесса. Это помогает понять и предыдущие этапы. Французская революция конца XVIII в. развивалась по восходящей линии, если иметь в виду степень радикализации требований, лозунгов и программ, а также социальную сущность приходивших к власти слоев общества. Последний, якобинский этап в наибольшей степени выражает эту динамику и дает возможность судить и о революции в Целом, и о характере и значении предыдущих ее этапов. При ка-

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования.
См.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства.

кой-либо иной логике мышления адекватное понимание этого события невозможно.

Суть ретроспективного метода лучше всего выразил К. Маркс. Речь идет о понимании вполне конкретных явлений и об истории в целом. О способе изучения средневековой общины немецким историком Г.Л.Маурером К.Маркс писал: «Но печать этой "земледельческой" общины так ясно выражена в новой общине, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить первую»¹. Своеобразной вершиной применения ретроспективного метода являются исследования Л. Г. Моргана. В своем труде «Древнее общество» он показал эволюцию семейно-брачных отношений от групповых форм к индивидуальным. Л. Г. Морган воссоздал историю семьи в обратном порядке вплоть до первобытного состояния господства полигамии. По мнению Ф.Энгельса, Л.Г.Морган «...нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»². Что он имел в виду? Наряду с воссозданием появления первобытной формы семьи Л. Г. Морган доказал принципиальное сходство развития семейно-брачных отношений у древних греков и римлян и американских индейцев. Что ему помогло понять это сходство? Это, по существу, идея о единстве мировой истории, которое проявляется и асинхронно, а не только в пределах временной горизонтали.

Свое представление о единстве историк выразил следующим образом: «Их (форм семейно-брачных отношений в Древней Греции и Риме с отношениями американских индейцев. — *Н. С.*) сопоставление и сравнение указывает на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе»³. Открытие Л.Г.Моргана обнажает в механизме его мышления взаимодействие ретроспективного и сравнительно-исторического методов. Взаимосвязь и взаимодействие различных методов в познании является общей и характерной чертой мышления.

В отечественной историографии ретроспективный метод успешно применялся И.Д. Ковальченко при изучении аграрных отношений в России в XIX в. Суть метода состояла в попытке рассмотреть крестьянское хозяйство на разных системных уровнях: отдельные крестьянские хозяйства (дворы), более высокий уровень — крестьянские общины (селения), еще более высокие уровни — волости, уезды, губернии. Система губерний представляет наиболее высокий уровень, именно на нем, по мнению ученого, наиболее отчетливо проявлялись основные черты социально-экономического строя крестьянского хозяйства. И. Д. Ковальченко считал, что их знание необходимо для раскрытия сути

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 19. — С. 417.

² Там же. — С. 26.

³ Морган Л. Г. Древнее общество. — М., 1934. — С. 3.

структур, находящихся на более низком уровне. Характер структуры на низшем (подворном) уровне, будучи соотношенным с ее сутью на высшем уровне, показывает, в какой мере общие тенденции функционирования крестьянского хозяйства проявлялись в единичном.

Ретроспективный метод применим к изучению не только отдельных явлений, но и целых исторических эпох. Наиболее отчетливо эта суть метода выражена у К. Маркса. Он писал: «Буржуазное общество — есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т.д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более позднее уже известно» . К. Маркс дал примеры применение этого метода. Одним из них является анализ причин отсутствия у Аристотеля единого понятия стоимости: «...того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этого факта Аристотель не смог высчитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и поэтому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда... Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношения равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит "в действительности это отношение равенства"»².

В конкретно-историческом исследовании ретроспективный метод весьма тесно связан с «методом пережитков», под которыми историки понимают способ реконструкции ушедших в прошлое объектов по сохранившимся и дошедшим до современной историку эпохи остаткам. Известный исследователь первобытного общества Э.Тейлор (1832—1917) писал: «Между свидетельства-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 731.

² Там же. - Т. 23. - С. 69 - 70.

ми, помогающими нам проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, для обозначения которых я почел бы удобным ввести термин "пережиток". Это те обычаи, обряды, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого»¹. Э.Тейлор оперировал главным образом этнографическим материалом, что и сказывается на его понимании пережитков. Об их значении для изучения этой эпохи он писал следующее: «Пережитки, рассеянные по всему пути развивающейся культуры, как дорожные знаки, исполненные значения для того, кто умеет разбирать их надписи, и теперь еще сохраняются в нашей среде, служа памятниками первобытности, памятниками варварской мысли и жизни. Исследование их неизменно подтверждает, что европеец может найти среди гренландцев и маори многие черты для воссоздания картины жизни своих собственных первобытных предков»². К пережиткам в широком смысле слова мы можем отнести памятники, сведения реликтного характера. Если речь идет о письменных источниках, относящихся к определенной эпохе, то реликтными в них могут быть данные или фрагменты, включенные из более древних документов. Наиболее ярким примером источников, содержащих сведения современной их возникновению (фиксации) эпохи и пережитки более древних эпох, являются варварские правды. Фиксирующие в форме юридических постановлений возникновение государства, привилегии его должностных лиц, эти источники содержат немало сведений, относящихся к распорядкам родоплеменных отношений, т.е. к обычному праву. Рукописи Салической правды, относящиеся по времени их записи к IX в., содержат сведения архаического характера — правовые нормы, которые по своему содержанию отражают гораздо более древние эпохи. К числу титулов архаического содержания относятся, например, титул 45 «О переселенцах».

«Метод пережитков» широко применялся в немецкой историографии XIX в. в связи с изучением проблем аграрной истории Средних веков, причем в работах отдельных историков он являлся решающим методом аграрно-исторических исследований. В применении этих историков данный метод обнаруживает тесную связь с отправными методологическими положениями их исследований: с убеждением в эволюционном характере исторического развития, в котором прошлое воспроизводится в настоящем и является его простым продолжением, и в отсутствии глубоких качественных изменений в общинном строе на всем протяжении его суще-

ствования и т.д. Этими положениями определялись отношение указанных историков к пережиткам, их понимание, а следовательно, и характер применения самого метода, который в их работах тесно связан со сравнительно-историческим, ретроспективным методами: пережитки — это не реликты прошлого в условиях качественно иной действительности, а в целом однотипные с ней явления.

А.И.Данилов пишет по этому поводу: «Именно поэтому Мейцен, например, рассматривает кучевую деревню как форму населения вообще. Вне зависимости от того, кто населял такую деревню: свободные члены соседской общины — марки, крепостные крестьяне, крестьяне — частные собственники земли или крестьяне-арендаторы земли у буржуазного собственника. Естественно, что забвение коренных особенностей общественных отношений, существовавших, например, у населения одной и той же кучевой деревни на протяжении ее длительной истории, не могло не привести Мейцена к антиисторическому, в конечном счете, подходу к реликтам прошлого, сохранившимся в условиях современности»¹.

В соответствии с этим такие пережитки ушедшей в прошлое действительности, как топографические и межевые планы и карты более позднего по отношению к изучаемым явлениям происхождения, объявляются достоверным источником первостепенного значения.

Чрезмерная генерализация данных, полученных Мейценом с помощью «метода пережитков», выразилась в том, что он без должной критической проверки освещал сельскохозяйственные распорядки одного района на основе межевых карт другого района и переносил свидетельства германских межевых карт на аграрный строй Франции, Англии и других стран².

Те из историков, которые более последовательно, чем Мейцен, проводили принцип историзма, получали возможность более результативного применения «метода пережитков». Это относится, в частности, к К.Лампрехту, который при изучении подворных общин, имевших место в первой половине XIX в. в районе города Трира, обнаруживал в них черты, не являющиеся прямым пережитком древней свободной общины³.

Историзм, в значительной степени присущий взглядам французского историка М.Блока и представителей его школы, позволил ему успешно применять «метод пережитков» к анализу французских межевых карт XVIII в. Историзм расширял возможности научного применения не только данного, но и ретроспективного

¹ Тейлор Э. Первобытная культура. — М., 1939. — С. 10.

² Там же. — С. 13.

¹ Данилов А. И. Проблемы аграрной истории. — С. 200.

² Там же; Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства.

³ См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории.

метода, которым М.Блок широко пользовался при изучении аграрных отношений¹.

Практика рассмотренных историков показывает, что основное методологическое требование, которое предъявляется к «методу пережитков», заключается в необходимости определить и доказать реликтный характер тех свидетельств, на основе которых историк хочет реконструировать научным путем картину давно исчезнувшей исторической реальности. Условием научного применения этого метода является подлинный историзм в оценке явлений прошлого. Не подлежит сомнению также необходимость дифференцированного подхода к различным по своему характеру реликтам прошлого.

ГЛАВА 18. МЕТОД ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

СЛОВО — ключ к пониманию события. Подавляющая часть сведений о прошлом выражена для историка в словесной форме. Это порождает массу проблем, главной из которых является лингвистическая проблема: обладает ли значение (смысл) слова реальностью или это фикция? Последнее представление характерно для известного французского лингвиста Ф.Де Сосюра (1857—1913)¹. В данном случае проблема состоит в изучении той роли, которую играет терминологический анализ в исследованиях историка. Методологической основой такого изучения является тезис, согласно которому терминологический аппарат источников заимствует свое предметное содержание из жизни, из реальности, хотя соотношение мысли и содержания слова не совсем адекватно.

Шведскому натуралисту К.Линнею (1707—1778) приписывают фразу, ставшую крылатой: «Если ты не знаешь слов, то невозможно и исследование вещей». Для историка терминологический анализ является одним из познавательных средств. Он приобретает тем большее значение, чем более отдалена от современности изучаемая эпоха, и заключается, прежде всего, в том, чтобы выяснить точный смысл терминов источников, который они имели в изучаемую эпоху. Учет исторического, т. е. меняющегося, содержания терминов, слов источников — одно из необходимых условий научного историзма в понимании и оценке общественных явлений. Давно установленная связь изменения языка с изменением общественных отношений служит одним из источников понимания последних.

Язык становится одним из источников познания общественных явлений с того момента, когда к нему начинают относиться исторически, т.е. когда в нем усматривают один из результатов исторического развития. Подобное отношение к языку устанавливается в XIX в. Пользуясь достижениями классической филологии и сравнительного языкознания, немецкие историки Б.Г. Нибур, Т. Моммзен и другие широко применяли терминологический анализ в качестве одного из средств познания общественных явлений эпохи Античности.

Терминологический анализ имеет особое значение при использовании различных категорий античных и средневековых источ-

¹ См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. — М., 1957.

³ См.: Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. — М., 1933.

ников¹. Это объясняется тем, что содержание и смысл многих терминов, относящихся к современной исследователю эпохе, не так понятны, как современный ему язык или язык недалекого прошлого. Между тем от того или иного истолкования содержания терминов часто зависит решение многих принципиальных конкретно-исторических проблем.

Сложность изучения многих категорий исторических источников состоит также в том, что применяемые в них термины неоднозначны или, напротив, для обозначения одних и тех же явлений применяются различные термины. Так, общинный надел в картуляриях обозначается то как «манс», то как «гуфа». При этом «манс» может выступать синонимом усадьбы, для обозначения которой, в свою очередь, применяются и другие Термины. Для обозначения усадьбы и пахотной земли Сен-Галленский картулярий оперирует совокупностью терминов, которые заменяют друг друга. «Поэтому надо тщательно изучать термины именно для того, чтобы понять возможность замены одного термина другим и установить случаи обозначения всего надела термином, обычно служащим для обозначения его части или наоборот (напр., *mansus* — для обозначения пахотной земли или «гуфа» — для обозначения всего надела в целом вместе со двором...). Но не надо принимать их за нечто устойчивое и неизменное (напр., считать, что «манс» — всегда двор или усадьба, а гуфа — всегда пахотная земля)...»².

Известный исследователь крестьянства Древней Руси академик Б.Д. Греков придавал большое значение анализу терминов исторических источников. Он писал о необходимости выяснения того, «...какими терминами оставленная нам в наследство письменность обозначала земледельца... какими терминами обозначали источники различные прослойки той массы народа, которая своим трудом кормила огромную страну»³. По его мнению, от того или иного понимания терминов зависят и выводы исследователя.

Для того чтобы показать, какого рода трудности возникают перед исследователем в связи с анализом терминов в исторических источниках, приведем отрывок из работы А. И. Неусыхина, в которой, в частности, речь идет о процессе превращения Боцена в город: «Хотя он (т. е. Боцен) упоминается в числе *castella* у Павла Диакона под 679 г. и его основание восходит еще к древнеримским временам, тем не менее это *castellum* явным образом не носи-

¹ См.: Утченко СЛ. Социальное и политическое значение термина «optimates» у Цицерона // Древний мир: сб. ст. — М., 1962.

² Неусыхин А. И. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI вв. (К вопросу о процессе поглощения остатков свободного крестьянства) // Средние века. — М., 1993. — Вып. 4. — С. 38.

³ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. — М.; Л., 1946. — С. 15.

ло того характера, который присущ укреплениям X в. в некоторых городах Франции, например в Лиможе, где наряду с возникшей в римскую эпоху *civitas* (укрепленной уже в IV в.) строится по соседству с ней в X в. новый город, обозначаемый термином *castellum*. И в дальнейшем, вплоть до конца XII в., мы не встречаем в Боцене никаких признаков города (ни упоминания ремесленников и торговцев, ни сведений о рынке, горожанах — *burgenses*, купцах, о примыкавшем к городу *suburgium* и проч.), если не считать указания на *cives*, и то в самом конце XI в. Но хотя слово *cives* и может иногда заменять термин *burgenses*, оно в то же время весьма часто фигурирует в качестве обозначения жителей данного округа (наподобие *pagenses*). Во всех грамотах Боцен называется *villa* и ни разу (до конца XII в.) не обозначается как *burgen* или *urbs*, а термин *villa* сам по себе не дает оснований для квалификации данного населения в качестве города, ибо он может означать и деревню».

Таким образом терминологический анализ является одним из способов решения проблемы о принадлежности Боцена в X—XII вв. к числу поселений негородского типа.

Образцом взаимосвязи анализа данных языка и исторического анализа является труд Ф. Энгельса «Франкский диалект». Эта работа представляет собой самостоятельное научно-историческое и лингвистическое исследование. Изучение Ф. Энгельсом франкского диалекта сопровождается обобщениями по истории франков. При этом он широко применяет ретроспективный метод изучения салического диалекта в современных ему языках и диалектах.

Ф. Энгельс использует язык для решения целого ряда проблем по истории древних германцев. С помощью анализа верхненемецкого передвижения согласных, установления границ диалектов он делает выводы о характере миграций племен, о степени их смешений между собой и о занимаемой ими территории первоначально и в результате завоеваний и миграций².

Развитие содержания терминов и понятий, зафиксированных в исторических источниках, в общем и целом отстает от развития скрывающегося за ними реального содержания исторических событий. В этом смысле многим историческим терминам присуща архаичность, которая граничит нередко с полным омертвлением их содержания. Подобное отставание является для исследователя проблемой, требующей обязательного решения, так как в противном случае нельзя адекватно отразить историческую дей-

¹ Неусыхин А. И. Из истории земельной собственности в Боцене и его окрестностях в X—XI вв. (До превращения Боцена в город) // Средние века. — М., 1963. — Вып. 23. — С. 20-21.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 19.

ствительность. Так, например, процессы имущественной дифференциации и социального расслоения находят свое выражение в варварских правдах и в соответствующей терминологии, которая, однако, не всегда точно фиксирует развитие этих явлений. Особенно это относится к градациям внутри основной прослойки свободных. Понятие «свобода» при всем его многозначности в отдельных источниках (за исключением Салической правды, где это понятие лишено оттенков — «полная свобода», «неполная свобода») не имеет соответствующих терминов для обозначения различных социальных категорий. В эдикте Ротари особые термины для обозначения рядовых свободных и знати отсутствуют; понятие «знатность» входит в понятие «свобода». Разоряющиеся свободные также терминологически не выделены из общей массы свободных, хотя их положение фактически приближается к положению рабов; для этих различных категорий существует понимание термина «свобода» (*libertas*), которое не соответствует в полной мере складывавшейся социальной структуре лангобардского общества времен эдикта Ротари. Это объясняется не только неформальностью самой этой структуры, но и отставанием изменения понятий от развития социальных отношений¹.

Перед современным исследователем варварских правд возникают проблемы, сходные с теми, которые имели место уже при их фиксации, — невозможность выразить в современной знаковой, прежде всего языковой, системе те или иные явления или отношения варваров. Речь идет об определенном несоответствии терминов современного и латинского языков общественным отношениям варваров. Частным случаем такого несоответствия является, например, употребление латинского термина *villa* для обозначения поселений варваров в Салической правде и других источниках. Обращает на себя внимание, прежде всего, многозначность этого термина, вследствие чего исследователь должен в каждом конкретном случае ставить и решать вопрос, о каком именно типе поселения идет речь (однодворное поселение, большая деревня, принадлежащая к поселению территория, большая деревня или хутор). От выяснения семантического значения термина *villa* в большой степени зависит его содержательная интерпретация, с которой может быть связано то или иное представление о характере развития аграрных отношений салических франков, типе их общинного устройства и т.д.². В истории исторической науки на различное понимание данного термина в известной мере опирались различные, в том числе и противополо-

¹ См.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства.

² См.: Грацианский Н. П. К толкованию термина *villa* в Салической правде // Средние века. — М., 1946. — Вып. 2; Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства.

жные — например, в немецкой историографии XIX в., — точки зрения на важнейшие вопросы аграрной истории раннего Средневековья. Конечно, это связано не только с неоднозначностью термина *villa*, т.е. с тем, что, будучи примененным для обозначения поселений в варварских правдах, этот термин не может быть признан тождественным ни с одним из типов этих поселений и с его значимостью для решения ключевых исторических проблем. Таким образом, выяснение значения данного термина невозможно обособить от содержательного анализа данных соответствующих исторических источников.

Терминологический анализ является продуктивным средством познания и в тех случаях, когда источники записаны на родном для данного народа языке, например Русская правда или скандинавские и англо-саксонские правды. При этом терминологические параллели между источниками, которые обнаруживают черты сходства общественного строя, являются одним из средств познания. «Таковы терминологические параллели между Саксонской правдой и саксонскими хрониками, с одной стороны, и англо-саксонскими правдами — с другой (например, саксонский *liber — friling* и англо-саксонский *frigman, fringe man* и др.), между лангобардским законом Ротари и Кентской Правдой Уитреда 695 — 696 гг. (сближение лангобардского термина *fulcfree* с англо-саксонским *folcfru*). Подобные терминологические сближения зачастую служат немаловажным дополнительным источником для познания существа тех явлений, которые обозначаются сходными терминами»¹.

В зависимости от характера исторического источника терминологический анализ может иметь различное значение для решения собственно исторических проблем. Известно, какие трудности создает исследователю терминология Книги Страшного суда. Выяснение имущественного облика различных категорий держателей, скрывающихся под терминами *villani, borbarii, cotarii*, встречающимися в книге Страшного суда, имеет первостепенное значение для изучения истории феодализма в Англии. Современное исследование не принимает в качестве исходной ту классификацию держателей, которая скрывается за терминологией данного источника, а выясняет подлинное социально-экономическое содержание каждого термина. Терминологический анализ неотделим в данном случае от глубокого содержательного анализа источника. «...Терминология книги Страшного суда сама по себе отнюдь *недостаточна* (выделено автором. — Н. С.) для каких-либо заключений об экономическом положении основной массы держателей крестьянского типа в конце XI в.»¹. Следовательно, метод терминологи-

¹ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. — С. 54.

ческого анализа будет в этом случае определяться во многом исходными идейно-методологическими предпосылками исследователя. Следует отметить, что и выводы историков были различными, например, в зависимости от того, какое содержание вкладывалось в термин «бордари».

Особой разновидностью терминологического анализа как одного из источников исторического познания является *топонимический анализ*. Топонимика, нуждаясь в данных истории, как и в данных других отраслей научного знания, сама является своего рода первоисточником для историка. Географические названия всегда исторически обусловлены, поэтому они так или иначе несут отпечаток своего времени. Они появились на определенной ступени развития общества, прогресс общественной жизни во всех ее сферах приводил к постепенному обогащению топонимии. В географических названиях отражаются особенности материальной и духовной жизни народа в ту или иную эпоху, темпы исторического развития, влияние на общественную жизнь природных и географических условий. Для историка источником познания является не только содержание слова, но и его языковая форма. Это формальные элементы в топонимическом материале, который не может служить надежным источником без лингвистического анализа; последний, однако, должен иметь подлинно историческую основу, т.е. ² надлежит изучить и носителя имен, и тех, кто эти имена давал.

Топонимический анализ, кроме того, служит историческому познанию в целом ряде отношений. В географических названиях отражается процесс заселения территорий, ³ отдельные названия указывают на занятия населения в прошлом. Большое значение топонимические данные имеют для истории бесписьменных народов; они в определенной степени заменяют летописи. Топонимический анализ дает материал для составления географических карт.

Определенным источником познания прошлого являются имена и фамилии людей, *антропонимический анализ*. Очевидно, что процессы имяобразования и имятворчества всегда были тесно связаны с реальной жизнью людей, в том числе и с экономическими отношениями. Так, фамилии представителей феодальной знати средневековой Франции подчеркивали право собственности их носителя на землю. Необходимость учета подданных для получе-

ния с них феодальной ренты была одной из важных причин введения фамилии. Очень часто имена и фамилии являлись своеобразными социальными знаками, расшифровка которых позволяет судить о социальном положении их носителей, а также ставить и решать другие конкретные вопросы истории прошлого ¹. Поэтому антропонимический анализ является одним из познавательных средств историка, хотя в настоящее время в историографии он применяется сравнительно редко.

Слово нельзя рассматривать как ключ к пониманию явления в тех ситуациях, когда термины не ясны. Без предварительного изучения их содержания достичь такого понимания невозможно. Поэтому проблема — язык и история — является важной ² научной проблемой как для лингвистов, так и для историков. Решение различных аспектов этой проблемы — необходимое условие выяснения историком подлинного смысла исторических событий. Следовательно, терминологический анализ является важным познавательным средством историка. Плодотворность его применения зависит прежде всего от соблюдения следующих условий. Во-первых, необходимо учитывать многозначность термина, применяющегося для обозначения различных, отличающихся друг от друга событий или явлений. С этим связана также необходимость рассматривать совокупность терминов, относящихся к одним и тем же событиям, причем для выяснения этой многозначности привлекается возможно более широкий круг источников, в которых она имеет место. Во-вторых, к анализу каждого термина следует подходить исторически, т.е. учитывать развитие его содержания в зависимости от условий, времени, места и т.д. В-третьих, с появлением новой терминологии надлежит выяснить, скрывается ли за ней новое содержание или то, которое уже существовало раньше, но под другими названиями.

¹ Барг М. А. Кто такие «бордари» Книги Страшного суда (к вопросу об имущественной дифференциации английского крестьянства в XI—XIII вв.) // Средние века. — М., 1953. — Вып. 4. — С. 53—66.

² См.: Жучкевич В. А. Общая топонимика. — Минск, 1968.

³ См.: Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. — 1945. — Вып. 19.

¹ См.: Каплан А. Б. Некоторые вопросы изучения французской средневековой антропонимики (историография и методика) // Европа в Средние века: экономика, политика, культура.

² См.: Дюпрон А. Язык и история. XIII Международный конгресс исторических наук. — М., 1970.

ГЛАВА 19. МЕТОДЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

До сих пор мы рассматривали методы, выявляющие качественную определенность событий общественной среды. Анализ с помощью этих методов ведется в естественно-языковой, описательной форме. Однако этими методами не исчерпывается вся совокупность познавательных средств историка. В исторической науке все более широкое применение находят количественные, математические методы. Чем это вызвано, каковы суть и назначение этих методов, каково их соотношение с методами сущностно-содержательного, качественного анализа в работе историка?

Историческая реальность представляет собой единство содержания и формы, сущности и явления, качества и количества. Количественная сторона жизни — важный признак этой реальности, причем количественные и качественные признаки явлений находятся в единстве, характеризующемся переходом одного в другое. Соотношение количества и качества выражает меру, которая резюмирует, раскрывает упомянутое единство. Понятие «мера» впервые было использовано Г.В.Ф.Гегелем. Вполне очевидно, что количественные признаки исторических событий в принципе не могут быть охарактеризованы в естественно-языковой, описательной форме и требуют иного, количественного подхода и соответствующих ему методов — от простейшего вычисления и подсчета до современных математических методов с применением ЭВМ.

Поскольку количественная сторона различных событий в разной мере выражает их сущность, применение математического анализа варьируется в зависимости от меры соотношения количества и качества, о которой, впрочем, необходимо составить представление, если не вычислить количественно. Чтобы покорить Китай, Чингисхану потребовались, помимо прочего, полководческие способности (качество) и 50-тысячное войско (количество); Ф.Д.Рузвельту для того, чтобы вывести страну из небывалого кризиса, нужна была политическая мудрость (качество). У салических франков, согласно Салической правде, вира за убийство свободного составляла 200 солидов; однако то, что аллод в уплату виры не шел, никак не объясняется размером вергельда (количество), за этим стоит то, что верховные права на пахотную землю принадлежали общине, а не отдельному владельцу аллода (качество). Следовательно, свойства, характер явлений определя-

ют меру и особенности применения количественного их анализа, причем, чтобы это понять, необходим качественный анализ.

Количественный анализ не является и не может быть самоцелью, не способен дать чего-либо позитивного в отрыве от качественного, сущностно-содержательного подхода, предшествующего с необходимостью количественному. И.Д. Ковальченко — историк, в равной мере владевший методами сущностно-содержательного и количественного анализа, писал: «...самое широкое использование математических методов в любой отрасли познания само по себе не создает никакой новой науки (в данном случае "математической истории") и не заменяет других методов исследования, как иногда ошибочно думают. Математические методы позволяют исследователю получать те или иные характеристики изучаемых признаков, но сами по себе они ничего не объясняют. Природа и внутренняя сущность явлений в любой области могут быть раскрыты лишь методами, присущими той или иной науке»¹.

Зависимость количественного анализа от сущностно-содержательного очевидна, но дело в том, что хотя измерение в той или иной степени может применяться и для характеристики качественных признаков любых, в том числе индивидуальных, явлений, но есть объекты, в ходе изучения которых качественный анализ недостаточен и не может обойтись без количественных методов. Это — область массовых явлений, нашедших отражение в массовых источниках. Так, например, земельное дарение в Западной Европе в Средние века в пользу церкви нашло свое выражение в оформлении грамот (картуляриев). Картулярии исчисляются десятками тысяч, в частности картулярий Лоршского монастыря. Для изучения перемещения земельной собственности из рук в руки качественный анализ недостаточен, необходимы трудоемкие операции количественного характера и свойства². Таким образом, применение методов количественного анализа диктуется характером объекта исторической науки и потребностями развития его изучения. Историческое исследование открывает возможность применения математических методов тогда, когда оно «созревает» для этого, т.е. когда проведена необходимая работа по качественному анализу изучаемого события или явления способами, присущими исторической науке.

Первоначальной формой количественного анализа в исторических исследованиях был статистический метод. Его разработка и

¹ Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М, 1969. — С. 118—119.

² См.: Данилов А. И. Немецкая деревня второй половины VIII — начала IX в. в бассейне нижнего течения Неккара (по материалам Лоршского картулярия) // Средние века. — М, 1956. — Вып. 8.

применение связаны с возникновением статистики как общественной дисциплины, изучающей количественную сторону массовых общественных явлений и процессов — экономических, политических, культурных, демографических и др. Возникновение статистики (в первоначальном виде — «политической арифметики») относится ко второй половине XVII в. Ее родиной была Англия. Термин «статистика» входит в употребление в XVIII в. (от лат. *status* — государство)¹. В исторической науке статистический метод находит широкое применение в середине—второй половине XIX в. На этот метод опирался Г. Бокль, обосновывая свое понимание законов истории, т.е. решая методологические проблемы. Гораздо более широко разновидности метода статистического анализа применялись в изучении конкретных социально-экономических проблем, и прежде всего аграрных отношений. В немецкой историографии им активно пользовались К.Т.Инама-Штернегг (1843—1908), К.Лампрехт и др., в дореволюционной российской историографии — В.О.Ключевский, Н.А.Рожков (1868—1927), А.Н.Савин, в советской — Н.М.Дружинин (1886—1986), Е.А.Косминский (1886-1959), М.А.Барг (1915-1991), И.Д.Ковальченко и др.

В представлениях различных историков имела место как недооценка значимости метода статистического анализа, так и его переоценка. Немецкий историк Античности К.Ю.Белох (1854—1929) переоценивал этот метод. Ставя вопрос о факторах, определяющих характер исторического развития, он считал доминирующим фактором динамику численности народонаселения и писал о перспективе превращения исторического познания в подлинную науку на основе широкого применения статистического метода. История, по мнению К.Ю.Белоха, должна изучаться на основе статистического материала, что возможно тогда, когда ее перестанут сводить к описанию деятельности исторических лиц и статистическому обследованию будет подвергнута вся область общественных отношений, включая и идейную жизнь. В соответствии с этим господство тех или иных государств в истории он стремился объяснить почти исключительно количеством населения.

Статистический метод может быть эффективным средством исторического познания только при определенных условиях его применения. Осмысленной статистической обработке материала В.И.Ленин противопоставил «игру в цифирки»². Неоднократное продуктивное применение им статистического метода обнаруживает глубокую связь с положениями методологического характера. В.И.Ленин писал: «Один и тот же материал дает диаметрально

противоположные выводы при различных приемах группировки»¹, формулировка такого рода приемов — задача качественного, в известной мере теоретического анализа. В частности, в работах В.И.Ленина четко сформулировано требование социальной типологии как одно из условий применения статистического метода: «...статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились и намечаются жизнью»².

Особенностью все более широкого применения сферы статистического анализа в работах различных историков был акцент на качественную, содержательно-смысловую, методологическую основу такого применения. Сам по себе, вне опоры на ряд условий методологического характера, количественный анализ приводит не к достижению истины, а к ее искажению. Недаром говорят: есть маленькая ложь, есть большая ложь, а есть статистика. Известным примером использования количественных методов для доказательства заведомо несостоятельных положений является попытка обосновать отсутствие объективных экономических причин Гражданской войны 1861—1865 гг. в США и связанного с этим тезиса о превосходстве плантационного рабства над системой наемного капиталистического труда. Авторы этого тезиса — американские историографы второй половины XX в. (клиометристы)³.

К числу общих условий рационального применения статистического метода относятся:

- приоритет, первичность качественного анализа по отношению к количественному анализу;
- изучение качественных и количественных признаков в их единстве;
- выявление качественной однородности событий, подвергаемых статистической обработке.

Возможность интенсивного применения статистического анализа открывается там, где имеются источники массового характера. Вместе с тем, например, перед исследователем массовых средневековых источников почти всегда встают вопросы о том, как преодолеть трудности анализа, связанные с неполнотой, пробелами этих источников, с их индивидуальной конкретностью и пестротой, с разнообразием форм и приемов описания (в том числе и в терминах), а также с наличием в них ошибок, пропусков, условностей, случайностей или неясности многих цифровых данных. Все отмеченное осложняет статистический анализ, сужает рамки его применения. Поэтому не всегда при наличии массо-

¹ См.: Любович Н. Статистический метод в применении к истории. — Варшава, 1901.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. — Т. 27. — С. 182.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. - Т. 27. — С. 190.

² Там же. — Т. 22. — С. 32.

³ См.: Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И.П.Дементьева и А.И.Патрушева. — М., 2000.

вого материала средневековых источников открывается возможность использования статистического метода. В связи с изучением истории свободного и зависимого крестьянства в Германии VIII — XII вв. А. И. Неусыхин писал: «Характер имеющихся в нашем распоряжении источников, — в частности, по первым двум районам (Алемании и Тиролю), — не допускает применения статистического метода обследования, ибо изученные нами картулярии не дают возможности производить количественные подсчеты разных прослоек крестьянства или разных форм феодальной ренты¹. В таких случаях качественный анализ содержания источников, связанный с индивидуальным подходом к ним, становится познавательным средством, восполняющим указанный пробел в применении статистического метода.

Наличие большого количества однотипных исторических источников само по себе, следовательно, не является достаточным условием для применения статистического метода.

Простейшей разновидностью статистического анализа является *описательная статистика*. Его сходство с описательным методом заключается в том, что процедура описания применяется к количественным данным, совокупность которых составляет статистический факт. Сбор и обработка количественных показателей обнажают сущность статистического факта как некоторого явления со своей структурой. Например, по данным ВЦИОМ, 90 % современной молодежи 18 — 25 лет считают, что надо жить самостоятельно. 64% из них полагают, что только вдали от родителей они научатся отвечать за свои поступки, 38 % уверены, что без опеки они скорее начнут работать, а 20 % надеются, что «раздельное проживание» спасет от семейных конфликтов. Разбивка общего числа на количественные составляющие помогает понять позицию молодежи, причем очевидно, что в обход количественного подхода это осуществить невозможно. Порой даже немногочисленные количественные данные говорят больше, чем страницы текста: например, в дореволюционной России 85 % населения было крестьянством.

Более сложной разновидностью количественного анализа является *выборочная статистика*, представляющая собой способ вероятностного заключения о неизвестном на основании известного. Этот способ применяется в тех случаях, когда нет полной информации о всей статистической совокупности и исследователь вынужден создавать картину изучаемых явлений на основе неполных, частичных данных или же когда информация является полной, но ее трудно охватить или ее изучение во всем объеме не дает заметных преимуществ в сравнении с выборкой. Со-

¹ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VII—XII вв. — М., 1964. — С. 8.

стояние хозяйства и положение крепостного крестьянства в России в первой половине XIX в. изучаются историками на основании подворных описей, число которых весьма невелико по отношению к общему числу имений. Сохранилась лишь небольшая часть этих описей, на основе которых были вычислены обобщенные показатели для начала XIX в., и 1861 г. в частности, что дало возможность судить о наличии в крестьянском хозяйстве скота, о соотношении в крестьянской среде различных прослоек и т.д. Выборочный метод находит применение и при полной информации, обработка которой во всем объеме не дает сколько-нибудь существенного преимущества при получении результатов.

Применение этого метода во всех ситуациях при наличии необходимых данных источников не меняет его сути: всегда вычисляется среднее арифметическое, распространяемое на всю совокупность изучаемых явлений. Обобщения, получаемые на основе выборочного подхода, становятся обоснованными только в том случае, если они являются достаточно репрезентативными, т.е. адекватно отражающими свойства изучаемой совокупности явлений. Речь идет прежде всего о доказательстве их однородности, что историку удается добиться далеко не всегда ввиду случайного характера сохранившихся данных. В таких случаях выводы о репрезентативности остаются гипотетическими², хотя сам прием выборки в силу своей природы всегда влечет в той или иной мере гипотетичность обобщений историка. Однако и с учетом этого количественный анализ расширяет возможности познания.

Рассмотрим выводы, полученные на основе аналогии. Например, при качественном анализе направленности развития аграрных отношений в России первой половины XIX в. из-за отсутствия у историков необходимого количества источников (подворных описей) возникла альтернатива: либо судить о динамике на основе недостаточных данных (вынужденная выборка), либо отказаться от обобщений и ограничиться простым описанием дел в различных поместьях. Преодолеть возникшие затруднения помогло обращение к математической статистике, открывшей исследователю возможности познания, не существующие при качественном анализе проблемы. Сопоставление выборочных количественных данных об обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и другим скотом в начале XIX в. по сравнению с пореформенным периодом помогло выявить тенденцию к ухудшению положения

¹ См.: Бессмертный Ю.Л. Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII — начала XIV в. // Французский ежегодник. 1966. — М., 1967.

² См.: Хвостова К.В. Роль количественных методов в историческом познании // Вопросы истории. — 1983. — № 4.

крестьянского хозяйства, показать характер и степень социального расслоения в его среде и т.д.¹

Выборочный статистический анализ в большинстве случаев приводит к обнаружению тенденции развития. Обобщения, получаемые при помощи такого анализа, не составляют какой-то особый тип обобщений.

Природа обобщения, основывающегося на данной разновидности статистического анализа, заключается в средних величинах, от которых существует множество отклонений в ту и другую сторону. Так, статистические данные, с полной определенностью выражающие структуру манора, размеры феодальной ренты в том или ином районе средневековой Англии, становятся основой для создания обобщающего представления о манориальной структуре в масштабе всей страны; но это представление имеет характер господствующей тенденции, преобладающей в той или иной степени. В связи с изучением Сотенных свитков Е. А. Косминский писал, что исследователь этого источника «должен отказаться от мысли получить вполне точные цифровые ответы на поставленные вопросы. Он должен помнить, что все ответы будут иметь лишь вероятный и приблизительный характер; но он должен быть удовлетворен тем, что избранный им путь позволяет добиться ряда результатов, недоступных на других путях исследования»².

Использование приемов математической статистики способствует более корректному, чем при качественном анализе, изучению причинно-следственных связей и выявлению степени значимости различных причин (факторов) в свершившемся. В ходе сущностно-повествовательного анализа взаимосвязь между причиной и следствием, как и между совокупностью причин, выражается описательно с помощью таких языковых средств, как «больше — меньше», «существенно — менее существенно — несущественно» и т.д. Математическая статистика позволяет идти дальше, но с соблюдением условия, согласно которому результаты количественной оценки соотношения изучаемых признаков не являются абсолютными результатами вообще и не могут быть перенесены на ситуацию с иными условиями³. В этом также проявляется зависимость количественного анализа от качественного. Приведем примеры.

Допустим, историк ставит задачу выяснить зависимость размера барщинных повинностей и их динамики от состояния крестьянских хозяйств и его изменения.

Очевидно, что применения описательного метода здесь недостаточно, необходима опора на количественный анализ.

Более того, задача не решается и простым сопоставлением количественных данных о состоянии хозяйства крестьян и их повинностях.

В таком случае историки применяют вычисление соотношения между уровнем барщины и обеспеченностью крестьянского хозяйства рабочим скотом, между барщиной и числом трудоспособных мужчин, а затем и совокупную зависимость повинностей от поголовья тяглового скота и количества рабочей силы. Таким образом, устанавливается соотношение (коэффициент корреляции) того и другого с гораздо большей долей вероятности, достоверности, чем это может дать качественный анализ. Этот *метод* называется *корреляционным*.

Но он не является универсальным и мало пригоден для определения сравнительной роли различных причин (факторов) в том или ином процессе.

Там, где действует совокупность факторов, — а это бывает почти всегда, необходимо обращение к другим методам математической статистики. Одной из важных задач изучения аграрных отношений в российской деревне XIX в. являлось выявление степени воздействия крестьянских повинностей и их роста на состояние крестьянского хозяйства и его динамики. Решить подобную задачу путем сопоставления данных по состоянию крестьянского хозяйства (обеспеченность скотом, рабочей силой, размеры посевов, урожайность и т.д.) с размерами повинностей невозможно, так как это сопоставление не раскрывает меры воздействия повинностей на состояние хозяйства. В таких ситуациях применяется вычисление коэффициента регрессии, который показывает степень изменения результата того или иного процесса развития от изменения воздействующего на него фактора (факторов). Этот *метод* получил название *регрессионного*. Его использование позволило получить показатели, характеризующие масштабы воздействия размеров повинностей на состояние крестьянского хозяйства¹.

Таковы основные приемы математической статистики, нашедшие применение в конкретно-исторических исследованиях и способствовавшие решению как простейших, так и сравнительно более сложных задач в ходе качественного анализа действительности. Количественный анализ не только оперирует в данной связи численными данными об изучаемых явлениях, но и помогает выявлению и характеристике их важных признаков и черт, т. е. приво-

¹ См.: Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях.

² Косминский Е.А. Английская деревня в XIII в. — М.; Л., 1935. — С. 63.

³ См.: Ковальченко И.Д., Милое Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. — М., 1974.

¹ См.: Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях.

дит к пониманию их сути, делает это понимание более точным, чем при качественном анализе, или даже является единственным способом достижения такого понимания. Однако во всех случаях эти методы оперируют наличными количественными данными об изучаемом.

Более сложными являются задачи, возникающие в связи с попыткой историка выразить в количественной форме качественные признаки общественной жизни, т.е. их измерить, и дать формализованную модель изучаемых явлений. Это — иной, более высокий уровень применения математических методов.

Процедура измерения исторических явлений предусматривает в качестве своего конечного результата выражение в численных показателях свойств и признаков исторических явлений, которые представлены в содержании исторических источников в качественной, описательной форме. Очевидно, что это уже более сложная по характеру и уровню анализа исследовательская процедура мышления историка, требующая разработки иных способов исследования, чем в случае с использованием численных показателей. Чем это вызвано?

В ходе изучения массовых явлений и процессов без использования приема измерения зачастую невозможно получить обобщенную их картину, т.е. выйти за пределы описания отдельных событий. Описательный анализ даст всего лишь отдельные примеры, а попытка представить с его помощью картину изучаемого явления в целом может оказаться ненужной и нереализуемой. В связи с наличием практически в любой изучаемой ситуации совокупности действующих факторов перед историком встает вопрос о мере реальной значимости каждого из них. Эти факторы могут быть охарактеризованы в процессе сущностно-описательного анализа, однако данный анализ поможет понять и оценить ситуацию в каждом конкретном случае, но будет недостаточным для характеристики ситуации с массовыми однопорядковыми явлениями в целом. Прием измерения открывает возможность получения обобщающего и относительно более точного, чем при использовании описательного метода, представления о ней. Данный вариант тематической обработки содержания источника позволяет получить информацию, которую иным способом добыть невозможно.

Результаты измерения общественных явлений зависят от условий развития исторического познания. К их числу относится, прежде всего, выявление в ходе качественно-содержательного анализа качественной однородности совокупности изучаемых явлений, т.е. их наиболее общих и существенных черт и признаков. Выбор этих признаков не является абстрактной логической операцией мышления и зависит от постановки исследовательской задачи. Скажем, при изучении крестьянского хозяйства в России второй половины XIX в. в масштабах губернии предметом измерения может быть крестьянский двор, селение или уезд и т.д.; при изучении этой же проблемы в масштабах европейской части страны изме-

рение должно проводиться по отношению к общностям более высокого порядка — губерниям и т.д. Необходимо применить тот масштаб измеряемых объектов, который позволит на данном уровне безошибочно выявить общее, типическое в них. Это — дело качественного анализа, в конечном счете уровня научности того варианта методологии, который применяется историком. Связь качественного анализа, опирающегося на теорию, методологию, с измерением заключается в переводе теоретических принципов на язык количественных данных.

Прием измерения качественных признаков заключается в определении численности явлений с данным свойством в общем их количестве, а не в том, чтобы выразить изучаемое свойство в тех или иных количественных показателях. Путем определения качественного признака (или их совокупности) производится вычисление количества явлений с такого рода качественными показателями, причем при необходимости эти показатели могут кодироваться для обработки на ЭВМ, т.е. формализованно. Так происходит перевод качественных признаков в количественное их выражение. Этот метод получил название *контент-анализа*¹. Он применяется при изучении как простых, так и сложных качественных признаков и особенно эффективен в ходе использования и обработки разнообразных источников массового характера и происхождения: картуляриев, описей церковных владений, результатов всевозможных финансовых и судебных расследований (английские Сотенные Свитки 1279 г.) и т.д.

Прием измерения широко используется в трудах известного исследователя аграрных отношений средневековой Англии Е.А. Косминского. Поставленная им задача заключалась в том, чтобы охарактеризовать экономический строй английской деревни XIII в. в целом. При этом историк не разделяет как точку зрения, согласно которой в Англии было множество крупных маноров с соответствующей трехзвенной структурой, так и представление о крайней неопределенности, размытости понятия «манор», не позволяющего делать какие бы то ни было обобщения по поводу поземельных отношений Англии в целом. Первой точки зрения придерживались представители классической теории манора Ф. Сибом (1833—1912), П.Г. Виноградов и др., вторая была характерна для Ф. У. Мэтланда.

Отправным пунктом исследования Е.А. Косминского являлось понимание манора как организации для извлечения и присвоения лордом феодальной ренты. Сущностно-содержательной основой исследования историка было выявление доминирующего вида платежей из их совокупности (барщина, натуральная форма, де-

нежная форма). Соотношение этих трех видов платежей (ренты) находилось в тесной связи с размерами маноров, их структурой, особенностями их территориально-географического размещения и т.д. Вывод общего значения, относимый Е.А. Косминским ко всей Англии, состоял в доказательстве господствующего по объему положения денежной ренты в XIII в. и тенденции к ее росту на протяжении изучаемого периода и за его пределами. Этот вывод говорит о многом — о степени маноризации английской деревни, о соотношении в ней различных прослоек крестьян, о тенденции развития аграрных отношений, их перехода от средневековых, феодальных к новым, капиталистическим и т.д.

Вполне понятно, что данный вывод не мог быть получен Е.А. Косминским как без использования количественных данных, зафиксированных в источниках, так и без измерения качественных признаков посредством счета, т.е. выражения однопорядковых явлений (признаков) в количественной форме. Историк писал: «Единственно надежным методом я считаю путь массовых подсчетов, охватывающих значительные, по возможности, сплошные территории»². Решение основной задачи — выяснение типа, характера производственных отношений на изучаемой территории — ученый начал с установления количественного соотношения домена, вилланской земли и фригольда. Результаты суммирования и подсчета по сотням, графствам и в целом по всему материалу дали количественное выражение вотчинной структуры как важного качественного признака: 32 % пахотной земли приходится на долю домена, 40 % — на долю вилланской земли, 28 % — на фригольд². Однако этого было недостаточно для решения поставленной задачи, и Е.А. Косминский пошел дальше. Он группировал вотчины по их размерам, выяснял их соотношение по данному показателю и зависимость от него их структуры. Итоговый результат показал различие в соотношении размеров домена, вилланских держаний и фригольда в зависимости от величины манора. Отправляясь от этих результатов обследований, Е.А. Косминский провел необходимые расчеты объемов денежных платежей свободных и вилланских держаний и пришел к выводу об их преобладании в общей сумме платежей в конце XIII в., что свидетельствовало об общей тенденции развития аграрных отношений английской деревни, связанной с разрушением средневековых феодальных распорядков.

Таков один из вариантов использования приема измерения качественных признаков в научном исследовании; другими разновидностями этого приема является вычисление средних и процентных показателей рядов явлений и т.д. Значительно более вы-

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования; Бородин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. — М., 1986.

² Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории. — С. 40.

I - ² Там же.

сокий уровень применения математических методов заключается в построении формализованных вариантов изучаемой реальности, которые раскрывают ее сущность в виде моделей, т. е. в моделировании. Моделирование — это знаковая, математически выраженная форма исследования, которая по своей сложности и уровню математического аппарата обычно предполагает использование ЭВМ. С моделированием явлений общественной среды связывается решение весьма различных задач: проверки формулируемых историком гипотез в ходе исследования того или иного объекта; решения ряда проблем прогностического характера; построения моделей, воспроизводящих в соответствующей знаковой форме (уравнения, коэффициенты, графы, графики, неравенства и т.д.) сущность исторических явлений и процессов. В последнем случае речь идет о решении самой главной задачи историка — изучении реально свершившейся истории, т.е. прошлого. Остановимся на этом более подробно.

Не вызывает сомнения, что моделирование должно быть источником получения нового исторического знания, а не просто выражением в иной знаковой форме уже имеющихся представлений об изучаемом¹. Не менее очевидно и другое: важным условием построения количественной модели является опора на тот или иной уровень достигнутых представлений о качественном характере объекта изучения. Эти представления могут в разной мере выражать теоретический характер и смысл, что зависит от самих явлений, их масштабов (проблема аграрного рынка в России в XIX в.), или же они могут быть сущностно-содержательной моделью относительно менее общих и более конкретных явлений (разновидности крестьянского хозяйства в пореформенную эпоху в России и т.д.). Количественная модель имеет значение в том случае, если она опирается на качественную и способствует получению новой информации, отсутствующей в совокупности первоначальных исходных данных источников. Ее содержательный анализ открывает путь к получению нового знания или более высокого уровня знания об изучаемом.

Существует несколько подходов к моделированию исторических явлений и процессов. Их суть кратко в учебно-методической форме изложена И.Д.Ковальченко². Один из этих подходов опирается на те качественные модели изучаемых объектов, которые содержат вполне завершённую, теоретически развитую их картину, что дает возможность выделения и характеристики различных их качественных состояний в ходе развития. Количественная модель раскрывает конкретные стадии и этапы развития этих объектов более всесторонне и глубоко, чем при использова-

нии традиционных методов. Данный подход был успешно применен в ходе изучения процесса формирования всероссийского аграрного рынка. Применение количественных методов и ЭВМ усилило информативность исторических источников, помогло воссоздать процессы складывания рынка, формирования региональных рынков, а также определить соотношение единого аграрного и промышленного рынка, что обнажило наличие двух качественно различных фаз его развития и т.д.¹

Другой подход к моделированию применяется к изучению тех явлений и процессов, по отношению к которым трудно выделить четкие критерии, характеризующие качественно различные их виды и состояния. Это может относиться к характеристике социального облика тех или иных прослоек в обществе, уровню их духовности, изучению явлений культуры (произведения литературы и т.д.). В таких случаях качественная суть явлений раскрывается путем формирования эталонных моделей, которые строятся на выборке объектов с различными свойствами. После этого проводится математическая обработка данных во всем их объеме, что позволяет определить преобладающую тенденцию².

Еще одним подходом моделирования является расчленение совокупности изучаемых явлений на ряд однотипных групп и моделирование их структуры. Необходимость использования этого метода возникает в тех случаях, когда невозможно выделить четкие качественные показатели совокупности объектов и составляющих их разновидностей и групп. Например, при изучении строя крестьянского хозяйства у различных групп крестьянства теоретически трудно определить конкретные признаки, характеризующие этот строй у различных групп. Построение моделей этого строя в отдельных группах может дать основу для понимания строя крестьянского хозяйства в целом. Анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства в России изучается на основе подворных данных и материалов земских обследований, содержащих сводные сведения о различных группах хозяйств. Основные трудности обработки последних состоят в том, что группы хозяйств выделены по различным признакам (размеры посевов, обеспеченность скотом и т.д.) и с различным числом самих групп. Количественный анализ на основе группировки крестьянских дворов и построение их количественных моделей позволили определить основные черты аграрной эволюции, ее общий уровень в российской деревне в конце XIX — начале XX в.³

Измерительное моделирование в работе историка основано на выявлении взаимосвязей изучаемых явлений; такого рода модели

¹ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.

² См.: Ковальченко И.Д. Количественные методы в исторических исследованиях.

¹ См.: Ковальченко И. Д., Милое Л. В. Всероссийский аграрный рынок.

² См.: Количественные методы в исторических исследованиях.

³ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования.

могут быть построены в ходе исследования самых разных явлений, признаки которых доступны выражению в количественных показателях. В зависимости от характера источников и содержащихся в них данных измерительное моделирование отражает как структуру изучаемых объектов, так и их развитие. Адекватность математической модели характеризуется также степенью ее соответствия качественно-содержательной модели исследуемого объекта.

Контрольные вопросы

1. Что такое метод?
2. Что такое методика?
3. Каково соотношение методологии и методики?
4. Какова роль описания в работе историка?
5. В чем необходимость применения и функции биографического метода?
6. Что такое сравнительно-исторический метод и каковы рамки его применения?
7. В чем отличие ретроспективного характера исторического познания от ретроспективного метода?
8. Что такое «метод пережитков»?
9. В каком смысле слово является ключом к пониманию события?
10. Что такое статистический метод?
11. Каковы основные разновидности методов современного количественного анализа?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методология истории как теоретическая основа конкретно-исторического исследования и учебная дисциплина является результатом длительного развития исторического познания и философско-исторической мысли. Изучение конкретно-исторических событий и процессов, а также накопление фактического материала создали почву для постановки и анализа различных методологических проблем. Эти процессы тесно взаимосвязаны, хотя протекают непараллельно друг с другом (особенно если иметь в виду время появления методологии как теоретической дисциплины истории). Практика конкретно-исторического исследования является основой постановки методологических проблем, следовательно, они представляют собой теоретическое выражение ее нужд, потребностей и результатов. Между методологией истории как областью теоретических основ исторического исследования и как учебной дисциплиной существенной разницы в этом смысле нет. Однако импульс к постановке методологических проблем исходит не только от конкретно-исторического анализа. Такая постановка связана со стремлением осмыслить характер и назначение исторической науки и понять, что такое история в целом. Это понимание связано с решением проблемы смысла и назначения человеческого бытия в истории, проблемы сущности человека, человеческой природы.

Попытка определить характер и суть истории как области научного познания, сформулировать ее цели и задачи уже на заре историописания привела к формулированию одной из самых фундаментальных методологических проблем — проблемы объективности. Точно так же стремление обосновать историописание и соотносить его с естественно-научными исследованиями и художественными формами постижения действительности способствовало теоретическому осмыслению природы явлений общественной среды, формированию и развитию представлений о механизме исторического познания, о соотношении объекта и субъекта (гносеологии). Что же касается попыток и вариантов осмысления истории в целом, то они, хотя и связаны с потребностями практики конкретно-исторического исследования, также не были порождены только ею — ни изначально, на заре развития историографии в эпоху Античности, ни после, вплоть до настоящего времени. Об этом свидетельствует и то, что в данном отношении определенный приоритет был не за областью профессионального

исторического исследования, а за философией. Возникновение философии истории стало ответом на потребность осмысления истории как целого, единства. Различные направления философии истории представляют собой синтез философского и исторического знания в виде теории исторического процесса.

Развитие исторического познания и философско-исторической мысли показало: теоретическое осмысление истории в целом становилось тем более глубоким и содержательным, чем больше оно опиралось на развитие конкретно-исторических знаний о событиях и эпохах человеческой истории. Варианты этого осмысления отличались уровнем обобщения и охвата исторической реальности, степенью концептуализации и проникновения в сущность исторического процесса. Самым абстрактным вариантом являются общеисторические теории (концепции), подразделяющиеся на те, в основе которых лежит подход к истории как целостности и единству, и те, в которых ее понимание лишено этого смысла и значения, вследствие чего она дробится во времени и в пространстве на множество образований (культур, цивилизаций). Рациональный вариант теоретических представлений об истории возможен только в том случае, если они основаны на идее единства и целостности исторического процесса.

В ходе развития исторического познания и философско-исторической мысли были сформулированы следующие проблемы структуры, т.е. логики теоретических представлений об истории в целом: проблема движущих сил истории и природы исторической необходимости, проблема динамики исторического развития и ее стадий (в том числе конечной стадии), проблема характера и природы явлений общественной среды. Стремление осмыслить историю теоретически и многообразие вариантов этого осмысления включают упомянутую проблематику в качестве его необходимой логической структуры в каждом случае — идет ли речь о Дж. Вико или К.А.Сен-Симоне, Г.В.Ф.Гегеле, К.Марксе, К.Ясперсе или представителях концепций индустриального и постиндустриального общества. Повторяемость говорит о необходимости этой структуры мышления, а не о случайной, хаотической смене взглядов, следовательно, здесь это свидетельствует о значимости данного результата развития познания для формирования современного, рационально наиболее обоснованного варианта теоретических представлений об истории в целом. Таких представлений не может быть, если в общеисторическом развитии не признается наличие: а) стадий (эпох, периодов); б) динамики этого развития; в) исторической необходимости.

Сложившаяся в ходе развития философско-исторической мысли структура, логика теоретических представлений об истории в целом сочетались с многообразием и неоднозначностью понимания и трактовки каждого из упомянутых ее звеньев. Наличие мно-

жества теоретических подходов можно объяснить их зависимостью от условий эпохи и от соответствующего уровня развития познания, неисчерпаемостью процесса общеисторического развития, качественной незавершенностью всемирно-исторического развития, исключающей построение какого-либо окончательного варианта теории. Развитие исторического познания определило роль и назначение представлений об истории в целом, в том числе в наиболее развитом их варианте — в виде общеисторической теории — в качестве общей конечной и фундаментальной основы всех уровней исторического мышления и практики конкретно-исторического исследования. Этот уровень теоретического мышления определяет все другие его ступени и формы — теории локальных исторических явлений и процессов, обобщения в виде тех или иных законов исторического развития и другие варианты синтеза в мышлении и конкретно-историческом анализе явлений.

Представления об истории в целом являются конечной основой формирования принципов исторического познания, его методов, понятийного аппарата, как по структуре, так и по содержанию понятий. Каков предмет, таков и метод. Предмет — историю — невозможно понять как простую совокупность множества отдельных событий и лиц, сначала ее нужно понять как целое, например, сравнивая с природой. Развитие и взаимосвязь явлений общественной среды придают им качественную определенность — свойство, которого в полной мере нет в области природы. Качественная определенность выражает связь исторических событий и процессов со временем, условиями, их породившими (индивидуальное, особенное), и с тем, что их выводит за рамки своего времени — общим, сходным в их глубиной, скрытой от поверхностного наблюдения сути (повторяемость). Общеисторическая теория в том случае, если она отражает действительное соотношение индивидуального и общего в явлениях общественной среды, формирует основу наиболее рационального варианта гносеологии. В таком варианте общеисторическое развитие является одной из фундаментальных предпосылок более высокого уровня понимания прошлого по сравнению с тем, который был достигнут ранее. Понимание развития в данном случае должно адекватно отображать его логику как поступательно-прогрессивный процесс. Только такой вариант представления о динамике общественных перемен дает ключ к пониманию прошлого, хотя это условие познания действует лишь применительно к логике общеисторического развития и не применимо к познанию конкретных событий. В любой структуре познания в той или иной степени проявляется последовательность и взаимосвязь основных ее ступеней: теория (методология) — метод — методика. Этому должны соответствовать структура и характер курса «Теория и методология истории».

ЛИТЕРАТУРА

- Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. — М., 1987.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1986.
- Бокль Г. Т.* История цивилизации в Англии. — СПб., 1863.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. — М., 1988.
- Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. — М.; Л., 1940.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. — СПб., 1993.
- Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. — М., 1977.
- Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 гг.». — М., 2001; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2011 гг.» — М., 2006.
- Губман Б.Л.* Смысл истории. — М., 1991.
- Гулыга А. В.* — Эстетика истории. — М., 1994.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1989.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — СПб., 1995.
- Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. — М., 1958.
- Данилов А. И.* Историческое событие и историческая наука // Средние века. — М., 1980. — Вып. 43.
- Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. — М., 1998.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. — М., 2003.
- Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. — 1995. — № 1.
- Ковальченко И. Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития. (Заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. — М., 1995. — Вып. 1.
- Ленин В. И.* ПСС. — Т. 49. — С. 329.
- Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. — Т. 12. — С. 731; Т. 13. — С. 6-7; Т. 21. — С. 361; Т. 25. — Ч. I. — С. 176; Т. 37. — С. 395-396.
- Могильницкий Б. Г.* О природе исторического познания. — Томск, 1981.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. — Т. 2. — М., 1992.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. — М., 1979.
- Смоленский Н. И.* Возможна ли общенаучная теория? // Новая и новейшая история. — 1996. — № 1.
- Смоленский Н. И.* Проблемы логики общенаучного развития // Новая и новейшая история. — 2000. — № 1.
- Смоленский Н. И.* Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история. — 2004. — № 6.
- Современные методы преподавания истории // II семинар «Методология и средства современного исторического исследования». — М., 1996.
- Тойнби А.* Постигание истории. — М., 1996.
- Февр Л.* Бой за историю. — М., 1994.
- Фухуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
- Черняк Е.Б.* История и логика // Вопросы истории. — 1995. — № 10.
- Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. — Калуга, 1924.
- Шпенглер О.* Закат Европы. — М., 1993.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М., 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Предмет и задачи теории и методологии истории.....	3
--	---

Раздел I. ИСТОРИЯ КАК НАУКА

Глава 1. Предмет истории как науки.....	16
Глава 2. Научно-историческое и художественное отображение действительности.....	21
Глава 3. Историческое и естественно-научное познание.....	26
Глава 4. Социальные функции исторической науки.....	32
4.1. Исторический опыт, уроки истории.....	33
4.2. Предвидение будущего.....	34
4.3. Историческое познание и историческое сознание.....	39
4.4. Воспитание историей.....	45

Раздел II. ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ

Глава 5. История как целое.....	51
Глава 6. Историческая необходимость.....	64
Глава 7. Проблема динамики исторического развития.....	77
Глава 8. Детерминизм в истории.....	94
8.1. Концепция идеальных движущих сил.....	94
8.2. Материальные факторы в истории.....	102
8.3. Географический детерминизм.....	113
8.4. Психологический детерминизм.....	125
8.5. Демографический детерминизм.....	133
Глава 9. Принцип историзма.....	142
Глава 10. Проблема объективности исторического познания.....	160
10.1. Возникновение и развитие представлений о соотношении объекта и субъекта исторического познания.....	163
10.2. Проблема активности научного мышления: история и квантовая механика.....	188
10.3. Историческая перспектива и проблема критерия объективности исторического познания.....	193
Глава 11. Язык историка.....	198
Глава 12. Проблема смысла и цели истории.....	208

Раздел III. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 13. Методология и методика исторического исследования.....	216
Глава 14. Описательно-повествовательный метод.....	222
Глава 15. Биографический метод.....	226
Глава 16. Сравнительно-исторический метод.....	231
Глава 17. Ретроспективный метод.....	237
Глава 18. Метод терминологического анализа.....	243
Глава 19. Методы математической статистики.....	250
Глава 20. Измерение и моделирование исторических явлений.....	259
Заключение.....	265
Литература.....	268